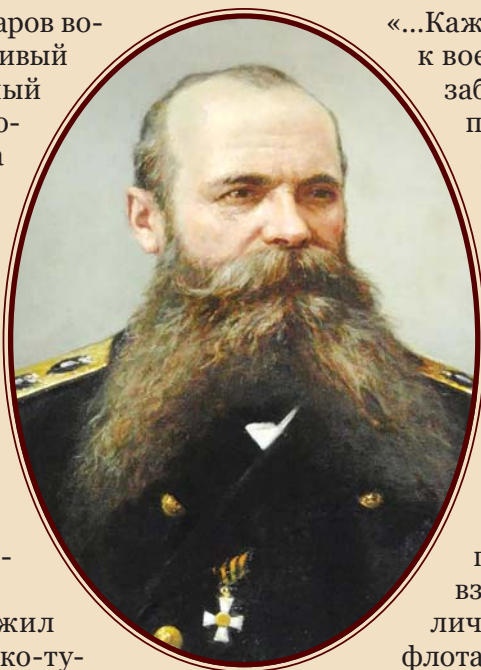

«ПОМНИ ВОЙНУ!»

175 лет со дня рождения вице-адмирала С.О. Макарова

Историю России С.О. Макаров вошёл как наиболее талантливый и всесторонне образованный представитель русского флота последней четверти XIX и начала XX века. Родился Степан Осипович 8 января 1849 года (по ст. ст. — 27 декабря 1848 г.) в семье морского офицера. В 1865 году окончил Николаевское-на-Амуре морское училище. С 1867 года — на Балтике. Участник дальних плаваний, в 1869 году получил первый офицерский чин — мичмана. Проводил исследования по проблемам живучести (непотопляемости) корабля.

С 1876 года С.О. Макаров служил на Чёрном море. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. впервые на русском флоте применил для атаки вражеских кораблей самодвижущиеся мины-торпеды, положил начало созданию миноносных кораблей и торпедных катеров. В 1880—1881 гг. на Каспийском море обеспечивал грузами и припасами среднеазиатскую Ахалтекинскую экспедицию генерала М.Д. Скобелева. К периоду командования кораблём «Тамань» на Чёрном море (1881—1882) относятся исследование Макаровым течений в проливе Босфор и его научный труд «Об обмене вод Черного и Средиземного морей». С 1882 года капитан 1 ранга Макаров служил на Балтийском флоте, постоянно выдвигал новые идеи по улучшению оборудования кораблей и их боевого использования. В 1886—1889 гг., командуя корветом «Витязь», совершил кругосветное плавание, провёл исследования, результаты которых изложил в двухтомной работе «"Витязь" и Тихий океан».

В 1890 году С.О. Макаров, произведённый в контр-адмиралы, стал младшим флагманом на Балтийском флоте, в следующем году — главным инспектором морской артиллерии. Затем возглавлял Средиземноморскую эскадру, совершил дальнейшее плавание в Тихий океан. С 1896 года старший флагман Практической эскадры Балтийского моря, вице-адмирал. Результатом раздумий флотоводца-учёного над проблемой боевой готовности русского флота стал его труд «Рассуждения по вопросам морской тактики» (1897). В нём он изложил основы ведения эскадренного боя кораблями броненосного флота. Макаров писал:

«...Каждый военный или причастный к военному делу человек, чтобы не забывать, для чего он существует, поступал бы правильно, если бы держал на видном месте надпись: "Помни войну!", принятую нами в девиз настоящего труда».

Под руководством и при личном участии С.О. Макарова в 1897—1898 гг. был построен ледокол «Ермак», положивший начало освоению Северного морского пути. С 1899 года Степан Осипович — главный командир Кронштадтского порта. В 1903 году издал труд «Без парусов», в котором изложил свои взгляды на обучение и воспитание личного состава парового военного флота.

В конце января 1904 года разразилась война с Японией, и уже в феврале С.О. Макаров был назначен командующим Тихоокеанской эскадрой. Прибыв в Порт-Артур (ныне Льюйшунь, Китай), он за короткий срок активизировал действия эскадры. 30 марта 1904 года командующий выслал отряд миноносцев в разведывательный рейд, а на следующее утро, узнав, что один из миноносцев расстреливается японскими кораблями, сам вышел в море, держа флаг на броненосце «Петропавловск». Отогнав японцев, взял обратный курс, но в 2,5 милях от берега «Петропавловск» подорвался на японской якорной мине. От взрыва произошла детонация боезапаса в носовом артиллерийском погребе, и в результате нового мощного взрыва корабль быстро затонул. С большей частью экипажа (свыше 650 человек) погиб и вице-адмирал Макаров.

Степан Осипович отдал свою жизнь, честно исполняя долг по защите Родины. Перед светлой памятью русского флотоводца и учёного-новатора склонили голову друзья в России и люди далеко за её пределами. В 1913 году в Кронштадте ему был возведён памятник с надписью на постаменте: «Помни войну!» Позже, в советское время, в его честь были открыты также памятники во Владивостоке и Николаеве. Имя Макарова носят город в Сахалинской области, котловина в Северном Ледовитом океане, Тихоокеанское высшее военно-морское училище во Владивостоке, Государственный университет морского и речного флота в Санкт-Петербурге. В честь Макарова назван астероид, открытый советскими астрономами в 1978 году.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

1/2024

Военно-исторический журнал 1 января 2024

«МЫ ХРАНИМ ТЕБЯ, РОССИЯ!»

К 100-летию газеты «Красная звезда»

100 лет назад военно-политическое руководство страны пришло к выводу о необходимости создания центральной военной газеты Советского государства. В ноябре 1923 года Реввоенсовет СССР утвердил её название — «Красная звезда», а в декабре — состав редколлегии (главный редактор — В.А. Антонов-Овсеенко, с февраля 1924 г. — А.С. Бубнов). В первом номере газеты, вышедшем 1 января 1924 года, редколлегия писала: «Мы приступаем к изданию центральной военной газеты в полном сознании всей ответственности и трудности этого дела». В неофициальном рейтинге советской прессы газета сразу же уверенно заняла место после органа ЦК партии «Правды» и депутатских «Известий».

В первые годы существования «Красная звезда» внесла значительный вклад в разъяснение целей и задач военного строительства в СССР. Газета публиковала статьи М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевского, активно сотрудничала с К.Е. Ворошиловым, С.М. Будённым, Б.М. Шапошниковым, П.Е. Дыбенко, И.С. Уншлихтом, К.А. Мехоношиным и другими военными деятелями. Она нацеливала военные кадры на овладение боевой техникой и новым оружием, сложными формами боя и операции. В условиях нарастания военной угрозы на страницах издания публиковались материалы о ходе гражданской войны в Испании, событиях в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, об упорных боях с финнами на Карельском перешейке.

С первых дней Великой Отечественной войны «Красная звезда» пропагандировала массовый героизм защитников Отечества на фронте и в тылу. Каждым из своих 1200 номеров, вышедших в военное время, она старалась поднять боевой дух воинов и укрепить их уверенность в победе над врагом. Выполняя редакционные задания, погибли 17 корреспондентов «Красной звезды». В газете работали известные писатели М.А. Шолохов, А.Н. Толстой, В.В. Вишневский, И.Г. Эренбург, К.М. Симонов, П.А. Павленко, В.Л. Василевская, А.А. Сурков и многие другие. По словам из фронтовой поэзии Константина Симонова, в годы войны выходили «без задержки, наутро, как всегда, “Известия” и “Правда”, и “Красная звезда”».

В послевоенные годы «Красная звезда» освещала проблемы военного строительства в эпоху коренных перемен в военном деле, оснащения войск и сил флота ракетно-ядерным оружием. Газета раскрывала новые задачи боевой подготовки войск, пропагандировала боевое братство армий стран Варшавского договора, рассказывала о подвигах советских воинов в Афганистане.

Советское государство высоко оценивало деятельность центрального печатного органа Вооружённых сил, отмечив его наградами — орденами Красной Звезды (1933), Красного Знамени (1945), Ленина (1965) и Октябрьской Революции (1974).

В 1990-х годах в условиях больших изменений во внутренней, внешней и военной политике государства «Красная звезда» как орган Министерства обороны РФ твёрдо отстаивала принципы патриотизма и ответственного отношения к проведению военных реформ. На её страницах стали освещаться вопросы разработки военной доктрины России, сохранения потенциала отечественного военно-промышленного комплекса, проблемы комплектования армии и флота, социальной защиты военнослужащих.

Публикации газеты в первые десятилетия XXI века служат интересам обеспечения высокой боевой готовности войск, пропаганде достижений в военном деле, новых форм и способов вооружённой борьбы. Краснозвёздовцы всегда поддерживали и поддерживают российских воинов в вооружённой борьбе по защите национальных интересов государства и обеспечению международной безопасности. Так было в период локальных вооружённых конфликтов 1990-х годов на постсоветском пространстве, контртеррористических операций на Северном Кавказе, действий по пресечению агрессии Грузии против Южной Осетии, военной операции по оказанию помощи Сирийской Арабской Республике. Сегодня это взволнованные репортажи и аналитические материалы о специальной операции российских Вооружённых сил на Украине, публикации о её героях.

С 2018 года газета занимает видное место в созданном объединении военной печати — «Редакционно-издательском центре “Красная звезда”» МО РФ. Как всегда, она живёт интересами армии и флота и не теряет своей популярности. Газета регулярно печатает статьи военно-исторического характера, пропагандирующие лучшие традиции русской, советской и российской армии. Знаменателен девиз «Красной звезды», обращённый к защитникам Родины: «Мы храним тебя, Россия!»

Публикация Ю.В. Снеговой

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- 1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- 2) аннотацию на русском и английском языках (100–150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- 3) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов);
- 4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспонатов, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- 5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- 6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочка «», внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
 - 1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - 2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
 Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- 3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисовочные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12 E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить: * по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

* Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; * интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов; * интернет-каталогами агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.pressa-rr.ru;

* заявка на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 20.11.2023
Подписано к печати 18.12.2023
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 6903-2023
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Тел.: (495) 941-23-80 E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46 E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Цена свободная © «Военно-исторический журнал», 2023

Тел. маркетинг: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-39-52, <http://redstarprint.ru/> E-mail: kr_zvezda@mail.ru

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель главного редактора КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,

полковник в отставке;

А.Л. БОЧАРОВА;

Е.В. ДОБЫЧИНА,

кандидат

исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,

подполковник в отставке;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник в отставке,

кандидат философских наук,

старший научный

сотрудник;

С.В. МАНЮКОВ,

полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,

подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИНИН;

А.А. ПИМЕНОВ,

полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель

ответственного секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник в отставке

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера
использована официальная эмблема
100-летия газеты «Красная звезда»

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

январь

№ 1 (765)

2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. VARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 2-я стр. обл. «Мы храним тебя, Россия!». К 100-летию газеты «Красная звезда» (Публикация Ю.В. Снеговой)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

- 4 **А.Н. КОЛОБОВ, А.А. ЕФИМОВ, И.А. АНОХИНА** — «Снайпер пера». Публицистика И.Г. Эренбурга в годы Великой Отечественной войны
- 14 **С.А. ТАРАСОВ** — «...В целях ускорения назначения на должности достойно проявивших себя в боях с немецко-фашистскими захватчиками». Кадровое обеспечение боевых действий частей и соединений Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)
- 26 **А.К. АККУЗИНОВ** — «Набатный призыв к защите Родины». Казахстанский опыт агитации и пропаганды в годы Великой Отечественной войны
- 36 **А.С. БУШУЕВ** — Не дошедшие до Победы. Боевые потери РККА при освобождении Польши в 1944—1945 гг.: просопографический анализ
- 44 **А.А. БУДКО, Н.Ю. БРИНЮК** — «Медицинская служба... самоотверженно выполняла свой патриотический долг». Лечебно-эвакуационное обеспечение 42-й армии Ленинградского фронта в январе 1944 года

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

- 58 **Е.Е. КРАСНОЖЕНОВА** — Тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941—1944 гг.
- 66 **Т.П. МАЛЮТИНА** — «Война румынско-немецкой армии против России — есть война креста против дьявола...». Румынское военное духовенство на советско-германском фронте (1941—1945 гг.)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

- 76 **М.М. ЯКУШЕВ** — «В противность миру... ничего не чинится». От Царьграда до Белграда: российско-османские военно-дипломатические отношения (1700—1739 гг.)

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

- 88 **А.Д. РЕЗАНОВ** — «Дабы жандармские команды доведены были до всевозможного совершенства...». Особенности становления жандармской службы в Архангельской губернии в 1817—1917 гг.
- 98 **А.В. КОЗЛОВ, И.И. САВЁЛОВ, А.Ш. САЛИХОВ** — «Прошу оформить получение мной ордена Красного Знамени Монгольской Народной Республики, отдать об этом в приказе». Награждение граждан РСФСР (СССР) иностранными наградами в 1921—1935 гг.

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

- 106 **Ю.А. НИКУЛИН, В.В. МАМОНТОВ, К.Б. МУКСИНОВ** — «...Благодаря его стараниям академия быстро оснащалась новыми лабораториями, техникой, оборудованием». Штрихи к карьере первого начальника Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии генерала А.Р. Шаропова

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 118 Немеркнувший подвиг ленинградцев. К 80-летию полного освобождения Ленинграда от блокады (Публикация Н.Л. Крыловой)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- 4-я стр. обл. «Помни войну!». 175 лет со дня рождения вице-адмирала С.О. Макарова

CONTENTS

MEMORABLE DATES

«We keep you, Russia!». To the 100th anniversary of the Krasnaya Zvezda newspaper (*Publication by Yu.V. Snegova*) p. 2
of the
cover

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

A.N. KOLOBOV, A.A. YEFIMOV, I.A. ANOKHINA — «Sharpshooter of the Pen». I.G. Ehrenburg's journalism during the Great Patriotic War 4

S.A. TARASOV — «...To expedite the promotion of those who demonstrated merit in combat against the Nazi forces». Human resourcing of combat operations of Red Army units and formations during the Great Patriotic War (1941–1945) 14

A.K. AKKUZINOV — «The drum call to the defense of the motherland». Kazakhstan's experience with agitation and Propaganda during the Great Patriotic War 26

A.S. BUSHUYEV — Those who did not reach Victory. Combat losses in the Red Army during the liberation of Poland in 1944–1945: a prosopographical analysis 36

A.A. BUDKO, N.Yu. BRINYUK — «The medical service... selflessly fulfilled its patriotic duty». Medical and evacuation support of the 42nd Army of the Leningrad Front in January 1944 44

NO LIMITATION PERIOD

Ye.Ye. KRASNOZHENOVA — Total starvation was the main cause of many deaths among the inhabitants of Leningrad. The food situation in besieged Leningrad 1941–1944 58

T.P. MALYUTINA — «The war of the Romanian-German army against Russia is the war of the cross against the devil...». Romanian Military Clergy on the Soviet-German Front (1941–1945) 66

FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS

M.M. YAKUSHEV — «In opposition to peace... nothing is done». From Tsargrad to Belgrade: Russian-Ottoman military and diplomatic relations (1700–1739) 76

MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND

A.D. REZANOV — «That the gendarme teams be brought to all possible perfection...». Features of the formation of the gendarme service in Arkhangelsk province in 1817–1917 88

A.V. KOZLOV, I.I. SAVYOLOV, A.Sh. SALIKHOV — «I request the formalization of my receipt of the Order of the Red Banner of the Mongolian People's Republic, and that it be processed accordingly». Granting foreign awards to citizens of the RSFSR (USSR) between the years of 1921 and 1935 98

MILITARY LEADERS AND COMMANDERS

Yu.A. NIKULIN, V.V. MAMONTOV, K.B. MUKSINOV — «Thanks to his diligent efforts, the academy swiftly acquired updated laboratories, techniques, and equipment». New details about the career of General A.R. Sharapov, the inaugural head of the Leningrad Air Force Academy of the Red Army 106

MEMORABLE DATES

The unfading feat of the Leningraders. To the 80th anniversary of the complete liberation of Leningrad from the siege (*Publication by N.L. Krylova*) 118

MEMORABLE DATES

«Remember the war!». 175 years since the birth of Vice-Admiral S.O. Makarov p. 4
of the
cover

А.Н. Колобов,
А.А. Ефимов,
И.А. Анохина

«СНАЙПЕР ПЕРА»

Публицистика И.Г. Эренбурга в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторах. Колобов Андрей Николаевич — заведующий кафедрой военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат педагогических наук (г. Пенза. E-mail: andrei-kolobov1977@mail.ru);

Ефимов Алексей Александрович — старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат исторических наук, доцент (г. Пенза. E-mail: aleksej.efimov.00@inbox.ru);

Анохина Ирина Анатольевна — преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза), кандидат исторических наук (г. Пенза. E-mail: anohina_iren@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе мемуарных источников рассмотрены некоторые аспекты антифашистской публицистической деятельности советского писателя и журналиста И.Г. Эренбурга в период Великой Отечественной войны. Особое внимание обращено на анализ особенностей организации публицистом своей работы и ключевых идейно-политических составляющих проводившейся И.Г. Эренбургом в 1941—1945 гг. информационной линии. Приводятся официальная оценка его творчества и реакция фронтовиков на доходившие до них на разных этапах войны произведения писателя.

Ключевые слова: И.Г. Эренбург; Великая Отечественная война; Красная армия; газета «Красная звезда»; информационная борьба; военно-политическая работа; пропаганда ненависти к немецко-фашистским захватчикам; моральная поддержка советских воинов.

Имя советского писателя и публициста Ильи Григорьевича Эренбурга (1891—1967) стало символом эффективного ведения антифашистской информационно-политической работы во время Великой Отечественной войны. В тот сложный период он являлся одним из ведущих корреспондентов газеты «Красная звезда», его статьи и заметки часто перепечатывались другими советскими изданиями, в том числе флагманом партийной печати газетой «Правда», а также фронтовой и армейской периодикой, передавались по радиовещанию, издавались в виде сборников, отдельных брошюр и листовок. Главный редактор «Красной звезды» генерал-майор Д.И. Ортенберг указывал, что эти статьи, вырезанные красноармейцами из периодических изданий, хра-

нились в личных вещах, их читали всей ротой, передавали по цепочке. Бытовала легенда, что командир одного из партизанских полков даже издал приказ: «Разрешается после прочтения употреблять “Красную звезду” на раскурку, за исключением статей Эренбурга»¹.

Широкой советской аудитории, особенно фронтовикам, в те тяжёлые дни импонировал остро-реалистичный и одновременно презрительно-ненавидящий взгляд писателя на врага. При этом он один из немногих, кто трезво судил о сущности гитлеровской Германии и её армии, мощнейшем военно-техническом и кадровом потенциале противника. Здесь следует отметить, что из всех корреспондентов «Красной звезды» только А.Н. Толстой и И.Г. Эренбург не имели воинского звания.

Одним из базовых компонентов невероятного успеха публицистики И.Г. Эренбурга была, как указывают многие мемуаристы, ежедневная огромная, квалифицированная и кропотливая работа писателя с источниками информации, постоянное изучение колоссального массива документов, писем и свидетельств, к чему прилагались безупречное знание немецкого языка, широкий кругозор и чрезвычайно развитые аналитические способности. Не случайно литератор В.А. Каверин подчёркивал, что у Ильи Григорьевича «был острый политический ум, редкая способность к предвидению, меткость в схватывании алгебраических формул истории»².

Д.И. Ортенберг отмечал, что «выступления И.Г. Эренбурга несли в себе идейный заряд большой силы, они брали за живое и своей актуальностью, целеустремлённостью, а также конкретностью. В них не пережёвывались прописные истины, они всегда исходили из конкретных событий, документов. Ну и, само собой разумеется, что они писались талантливо, читались легко, западали в душу». Кроме того, статьи писателя содержали неопровержимые документы, факты, свидетельства: выдержки из «Mein Kampf», цитаты из фашистских учебников и инструкций генштаба германской армии для ротных командиров, почту полка СС за один день и совершенно секретный приказ командира 263-й германской дивизии, дневник барона Куно фон Ольдергаузена и донесение контрразведки 231-й пехотной дивизии, огромное количество писем, найденных у убитых немцев, показания плененных гитлеровцев и т.д.³

Как вспоминал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, в феврале 1942 года

Портрет Ильи Эренбурга
Художник А.В. Фонвизин,
1940-е гг.

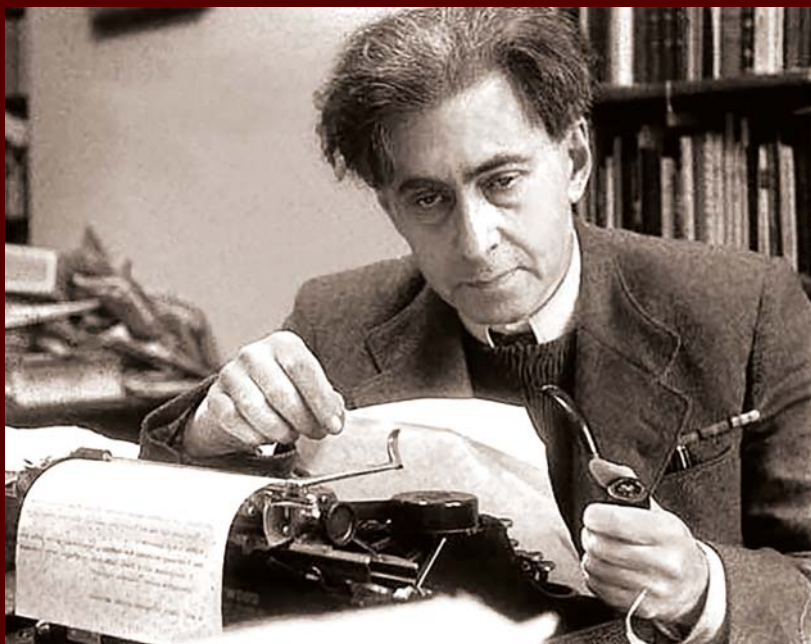
в районе Сухиничей части 16-й армии разгромили немецкий лыжный отряд — двухсот с лишним солдат, — ночью проникший в советский тыл. Прибывший на место боя И.Г. Эренбург «долго возился с письмами и документами, взятыми у убитых немецких лыжников, отбирая что-то нужное для его едких и гневных статей в “Красной звезде”»⁴.

Согласно воспоминаниям Д.И. Ортенберга каждый день редакционный экспедитор приносила писателю мешок с письмами, а библиотекари — папки фронтовых и армейских газет. Всё это он внимательно и терпеливо просматривал, сортировал и делал пометки, полученные факты тщательно систематизировал⁵. По наблюдениям командующего 11-й гвардейской армией И.Х. Баграмяна, во время своего посещения передовых позиций в июле 1943 года И.Г. Эренбург старался поговорить с как можно большим числом советских воинов, а перед отъездом выступил перед ними с произведшей на всех большое впечатление

«страстной речью»⁶ о бандитской природе гитлеровской армии, моральном убожестве её солдат.

Д.И. Ортенберг свидетельствовал, что Илья Григорьевич работал много, быстро, без усталости, поражая коллег своей работоспособностью: «Бывало, вечером намечалась тема, а через час-два он уже приносил рукопись, в которой были и острая мысль, и афоризм, и удачное сравнение, точный эпитет, философская тирада. Казалось, он это делал без особого труда и напряжения. Стоило зажечь трубку, выкурить её — и статья готова!.. Но за каждой статьёй стоял подвижнический труд». С особой внимательностью писатель относился к письмам фронтовиков и ни одно из них не оставлял без ответа. Когда кто-то спросил его не без скепсиса, неужели он отвечает всем без исключения, И.Г. Эренбург подтвердил: «Всем. Без исключения. Это всё — мои друзья»⁷.

Несмотря на свой немолодой возраст, Илья Григорьевич работал без усталости. Писатель В.В. Вишневский отметил в своём военном дневнике: «Илья Эренбург много работает, пишет по несколько статей в день, ездит по заводам и частям, выступает. Совершенно измотан, но бьётся»⁸. Поэт и писатель А.А. Сурков вспоминал: «Эренбург был среди нас самый старший по возрасту, литературному и жизненному опыту. Ему уже тогда перевалило за пятьдесят. Но никто из нас, работавших беззаветно и самоотверженно, кроме разве молодого Симонова, не мог сравниться по неиссякаемой энергии с этим старым “газетным волком”. Его гневные, зовущие к отмщению, борьбе и победе памфлеты появлялись на страницах газеты чаще, чем материалы других сотрудников, и сразу находили горячий отклик в сердцах за-

И.Г. Эренбург за работой

И.Г. Эренбург беседует с командирами-панфиловцами
Фото В.А. Тёмина, декабрь 1941 г.

И.Г. Эренбург среди сотрудников армейской газеты
Фото фотокорреспондента газеты «Красная звезда» майора С. Лоскутова, 1943 г.

щитников Родины и в окопах фронта, и в голодном, самоотверженно работающим на оборону и победу трудовом тылу»⁹. Журналист О.Г. Савич поража­лся тому факту, что в годы войны И.Г. Эренбург писал порой по три статьи в день, почти по тысяче в год. По его мнению, «удивительно было не столько это количество — работоспособность Эренбурга из ряда вон выходящая — и даже не качество статей — это особенность таланта, — как умение писать, по существу говоря, на одну и ту же тему не повторяясь»¹⁰.

Советские военачальники, офицеры, политработники и рядовые бойцы, а также иностранные наблюдатели оставили очень живые и колоритные свидетельства о чрезвычайной востребованности публицистики И.Г. Эренбурга на фронтах Великой Отечественной войны и о большой личной популярности писателя среди советских воинов.

Британский журналист А. Верг считал, что И.Г. Эренбург летом 1942 года сыграл очень большую роль в великой битве за поднятие морального духа советских людей. По его мнению, «каждый солдат в армии читал Эренбурга. Известно, что партизаны в тылу врага охотно обменивали лиш­ний пистолет-пулемёт на пачку вырезок его статей. В те трагические недели Эренбург, безусловно, проявил гениальную способность перелагать жгучую ненависть всей России к немцам на язык едкой вдохновляющей прозы. Этот рафинированный интеллигент интуитивно уловил чувства, какие испытывали простые советские люди». А. Верг утверждал, что в 1942 году И.Г. Эренбургу принадле­жало «центральное место... в битве за укрепление, поднятие морали Красной Армии»¹¹.

Д.И. Ортенберг привёл ха­рактерный пример влияния публицистики И.Г. Эренбурга

на настроения бойцов Красной армии. Так, в октябре 1942 года корреспонденты по Северо-Кавказскому фронту прислали в редакцию толстую тетрадь с дневниковой записью некоего Фридриха Шмидта, секретаря тайной полевой полиции 626-й группы при 1-й танковой армии германских вооружённых сил. «Это был страшный документ. Такие материалы сразу же передаются Илье Эренбургу». В ответ на его печатное выступление редакция получила не одну сотню треугольников со всех фронтов. Это была «даже не волна откликов, а буря»; под заголовком «Письма гнева» газета смогла напечатать лишь двенадцать писем, раскрывавших чувства, бушевавшие в сердцах советских бойцов и командиров¹².

Тогда в редакции «Красной звезды» действовал неписанный закон: наиболее важные сообщения, факты, документы, поступавшие от фронтовых журналистов, читателей, политорганов, отбирать для А.Н. Толстого и И.Г. Эренбурга. Подпись И.Г. Эренбурга «десятикратно усиливала их воздействие, побуждала глубже вдуматься в напечатанное»¹³. Кроме того, в редакции понимали, что «ни один читатель, а тем более в боевых условиях, не читает всю газету “от корки до корки”. Это общеизвестная истина. Но мы знали, что, если под статьёй стоит подпись “И. Эренбург”, она обязательно будет прочитана всеми»¹⁴.

В период Сталинградской битвы одним из лучших снайперов 65-й армии был воин-наенаец М.А. Пассар. Имя его было известно всему Донскому фронту. Немцы сбрасывали листовки с дикими угрозами в его адрес. В этой связи генерал армии П.И. Батов писал: «Я знаю ещё только одного человека, тоже снайпера нашей страны, на которого тогда (в ноябре 1942 г.)

фашистские пропагандисты с такой же ненавистью обрушивали свою злобу, — это Ильи Эренбург»¹⁵. По образному выражению поэта и писателя К.М. Симонова, «с первых же дней Великой Отечественной войны, сражаясь на страницах наших газет с фашизмом, Эренбург открыл свой собственный счёт. Так, во время войны мы обычно говорили не о писателях, а о снайперах, о людях прямого и смертельного действия. Но это с достаточной точностью применимо и к Эренбургу. И метафора, что Ильи Эренбург — снайпер пера, — не новая и не моя. А старая, солдатская, времён войны»¹⁶.

По словам Д.И. Ортенберга, публицистика И.Г. Эренбурга убивала страх перед немцем. Он «был беспощаден в изображении фашистов. Он как бы заставлял врага разоблачиться и предстать на свету в своём отвратительном обличье. Острым сатирическим пером разил он главарей “третьего рейха”, банкиров и промышленников, вспоивших и вскормивших всю эту шайку. Для каждого из них он находил точные характеристики и клички, которые так и остались за ними до конца, как клеймо. Эренбург первым в нашей печати пустил кличку “фриц”, и она сразу вошла в разговорный и печатный лексикон, прочно прикрепилась к солдатам и офицерам нацистской армии»¹⁷.

Поэт А.Т. Твардовский вспоминал: «Слово его (И.Г. Эренбурга. — Прим. авт.), испытанное ещё в дни боёв за республиканскую Испанию, с особой силой зазвучало, когда оно было обращено к защитникам родной советской земли. Оно было дорого им и на горьком пути отступления, и в нелёгком победном пути от Сталинграда до Берлина. Недаром и враг отдавал себе отчёт в силе этого слова. Стоит вспом-

нить, как гитлеровцы в своих листовках с яростной злобой угрожали любимому писателю советских воинов: “...Погоди, Ильи!”»¹⁸.

Зимой 1942/43 года, очищая от врага задонские степи, части 65-й армии захватили много документов немецко-фашистского командования и оккупационной администрации. Среди них оказались «Двенадцать заповедей поведения на Востоке и обхождения с русскими», своего рода военно-политическая программа нацистов, скреплённая подписью самого Гитлера. Политработники 65-й армии использовали «заповеди» в беседах с бойцами. Как подчеркнул генерал П.И. Батов, характерной была резолюция митинга воинов одного из полков армии: «1. Клянёмся бить фашистов беспощадно и первыми выйти к Сталинграду. 2. Послать заповеди товарищу Эренбургу и просить раздраконить фрицев через “Красную звезду”»¹⁹.

Военный переводчик Им.И. Левин так оценил значение эренбурговских материалов для воинов-фронтовиков: «“Звёздочку” с разящими каждой строчкой статьями и очерками Ильи Эренбурга ждали на фронте и с одинаковым волнением читали маршалы и солдаты. Их как лекарство прописывали раненым в госпиталях. И они помогали заживлению ран. Во всяком случае, так утверждали сами раненые»²⁰.

Как писал литератор В.А. Каверин, «можно с уверенностью сказать, что любому из участников войны запомнилось впечатление, которое производили статьи Эренбурга, передававшиеся по радио и почти ежедневно печатавшиеся в советских газетах. Маршал Баграмян недаром считал их “действительнее автомата”, и недаром Ильи Григорьевич был зачислен “почётным красноармейцем” в 1-й танковый батальон 4-й гвардей-

И.Г. Эренбург на Западном фронте под Можайском
Фото В.А. Тёмина, декабрь 1941 г.

И.Г. Эренбург в гостях у танкистов
1942 г.

ской бригады». Такой приказ был отдан 21 августа 1942 года за № 0112с, и в нём говорилось: «Учитывая огромную популярность писателя Ильи Эренбурга среди личного состава и большое политическое значение его статей в деле воспитания стойкости, мужества, любви к Родине, ненависти к немцам и презрения к смерти и удовлетворяя ходатайство комсомольской организации бригады, зачислить писателя Илью Эренбурга почётным гвардии красноармейцем в списки бригады, в 1-й танковый батальон. Командир 4-й гвардейской бригады гвардии полковник Копылов. Военком бригады старший батальонный комиссар Сверчков. Начальник штаба бригады гвардии подполковник Товариченко»²¹.

Фронтвик поэт С.С. Наровчатов свидетельствовал, что газета «Красная звезда», жадно читавшаяся от строки до строки, всегда встречалась на переднем крае возгласом: «А Эренбург есть?» Мемуарист отмечал, что статьи И.Г. Эренбурга читались сразу же после сводки Информбюро, а то и раньше, поскольку сводку узнавали ещё до «Красной звезды» из дивизионной и армейской печати. Эренбурговские статьи, фельетоны, заметки проглатывались залпом, как знаменитый «наркомовский паёк», и действие их было примерно одинаково. По оценке ветерана, «возбуждающая сила строк поражала своей мгновенностью и безотказностью. Ненависть к фашистам у солдат была естественна и неостановима, но эренбурговские строки обостряли, нацеливали и давали ей, вместе со всероссийским и всесоветским, всечеловеческое обоснование. Солдат в его статьях ощущал себя, прежде всего, защитником родной земли, но наряду с этим соратником французских маки, югославских партизан, всех

антифашистов мира. Публицистика Эренбурга помогала армейскому читателю ощутить своё первенствующее место во всемирной борьбе»²².

По свидетельству К.М. Симонова, работая в газете «Красная звезда», И.Г. Эренбург, стремясь чаще и больше выезжать на фронт, в действующую армию и настаивая на этих поездках, порою ставил редакцию в сложное положение. С одной стороны, в редакции хорошо понимали, как необходимо ему для очередных статей, корреспонденций, фельетонов непосредственное общение со своими фронтовыми читателями. А с другой — газета есть газета, и как только в ней неделю-полторы, а уж тем более две не появлялось статей и корреспонденций И.Г. Эренбурга, начинали сыпаться письма с фронта: где Эренбург, почему его не видно на страницах газеты, когда будут его статьи? Когда в «Красной звезде» долго не появлялся очередной материал публициста, то всем казалось, что не хватает чего-то очень важного и нужного. И, как подчеркнул К.М. Симонов, «именно это читательское чувство и может служить высшей оценкой всего, что делал Илья Григорьевич в годы войны»²³. Действие военных статей И.Г. Эренбурга было сродни удару легендарных «катюш» — «прямым и сокрушительным». По наблюдениям литератора, «люди, причастные к войне, не размышляли над тем, откуда и как появилась “катюша”, они радовались, что она есть, так же, как и радовались тому, что есть Эренбург!»²⁴.

Характерно, что И.Г. Эренбург сумел завоевать уважение и интерес не только у простых советских людей, но и у ряда выдающихся полководцев и военачальников, а также крупных организаторов военно-политической работы в Красной армии

периода Великой Отечественной войны. Зачастую эти симпатии перерастали в крепкую дружбу.

Д.И. Ортенберг вспоминал, что Илья Григорьевич не раз просил его, чтобы в месяцы советского контрнаступления под Москвой он устроил встречу с тогда ещё генералом армии Г.К. Жуковым. Георгий Константинович высоко ценил писателя, он знал, как на фронте любят И.Г. Эренбурга, прислушиваются к его голосу, и сам, видимо, был рад встрече с ним. К тому же появился повод: «Красная звезда» готовила полосу об освобождении войсками Г.К. Жукова Московской области от фашистских оккупантов. Их встреча произошла в Перхушково, в ставке командующего фронтом. Георгий Константинович рассказал писателю, как проходила Московская битва, демонстрировал события на карте. Беседа была долгой — более часа. По наблюдениям Д.И. Ортенберга, Г.К. Жуков не торопился, ему интересно было разговаривать с собеседником. До этого И.Г. Эренбург совершил поездки в войска и делился с военачальником своими впечатлениями. Так появилась статья «Великая битва», где было немало добрых слов сказано и о Г.К. Жукове»²⁵.

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян вспоминал, что с И.Г. Эренбургом познакомился в июле 1942 года, когда 11-я гвардейская армия, которой командовал полководец, прорвала мощную оборону фашистских войск южнее Жиздры и стремилась выйти во фланг и в глубокий тыл орловской группировке противника. По словам И.Х. Баграмяна, писатель, побывав на переднем крае, был страшно доволен тем, что увидел, как бегут гитлеровцы. По оценке военачальника, «имя и жизнь Ильи Эренбурга не только символ высокой бескомпромиссной литературы, но

и пример преданного служения делу мира в наш чересчур уж воинственный век»²⁶.

Фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда» полковник Н.Н. Денисов отметил, что в 1944 году в освобождённом от врага городе Минске И.Г. Эренбурга с искренним радушием встретил, крепко расцеловав при этом, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал И.Д. Черняховский. Их знакомство возникло ещё на Брянщине, где военачальник командовал дивизией. И.Г. Эренбург бывал там, писал об отваге воинов, о мужестве их командира — человека смелых решений и активных действий. На этот раз И.Д. Черняховский попросил журналистов приехать к нему в штаб на всю ночь, чтобы «наговориться»²⁷.

По свидетельству Д.И. Ортенберга, адмирал флота И.С. Исаков, подаривший в 1944 году И.Г. Эренбургу свою книгу «Военно-морской флот СССР в Отечественной войне», сделал следующую надпись: «Где бы Вы ни были, на фронте или в Москве, дорогой Илья Эренбург, я всегда представляю Вас знаменосцем Великой Отечественной войны, знаменосцем тех эпох, когда знамя шло впереди батальонов. Ваш Исаков»²⁸.

Мемуаристами подмечалась не только огромная значимость творчества И.Г. Эренбурга, но и определённая противоречивость его публицистики. Британский журналист А. Верт характеризовал статьи Ильи Григорьевича как «яркие, блестящие филиппики против немцев, пользовавшиеся колоссальной популярностью в Красной армии», которые «иногда критиковали за тенденцию высмеивать немцев, забывая, какой это страшный и грозный враг». По мнению А. Верта, мысль Эренбурга, что все немцы — зло, конечно, расходилась с официальной идеологической

И.Г. Эренбург на фронте

И.Г. Эренбург с генералом К.К. Рокоссовским

линией, но «эренбургизм» был действенной формой разжигания ненависти. По оценке иностранного журналиста, то, что писал И.Г. Эренбург, было «неортодоксально», но из тактических соображений в тогдашних условиях было сочтено целесообразным предоставить ему свободу действий. Пропагандистская линия, которую писатель проводил в годы Великой Отечественной войны, была скорее «специфически антинемецкой», нежели антифашистской²⁹.

А.К. Гладков указывал, что И.Г. Эренбург первым ввёл в обиход презрительное «фриц». И с полос газеты «Красная звезда» замелькали заголовки: «Фриц-блудодей», «Фриц-философ», «Суеверный фриц», «Фриц-хитрец», «Фриц в Шмоленгсе», «Ископаемый фриц», «Фриц-биолог», «Фриц-нарцисс», «Фрицы этого лета», «Сумерки фрицев» и т.п. В такого рода публикациях присутствовал элемент упрощения, но «нужно было видеть разницу между беспристрастием исторической ретроспекции и пахнущей гарью листовкой со сводкой Совинформбюро. Эренбург отлично чувствовал необходимость момента, и, конечно, презирая и ненавидя врага, воевать было с ним легче. Он не изобрёл этого приёма “упрощения”, он угадал его в народном настроении первых недель войны»³⁰.

14 апреля 1945 года в «Правде» была опубликована статья Г.Ф. Александрова «Тов. Эренбург упрощает», содержавшая резкую критику писателя и положившая конец его «пропаганде ненависти». Как подчеркнул А. Верт, выступления И.Г. Эренбурга были подвергнуты критике по прямому указанию И.В. Сталина. Статья Г.Ф. Александрова вменяла в вину публицисту два момента: во-первых, считать

всех немцев «недочеловеками» значило придерживаться антимарксистской и неразумной точки зрения. Во-вторых, Г.Ф. Александров возражал против опубликованной 11 апреля 1945 года в «Красной звезде» статьи И.Г. Эренбурга «Хватит!», где автор возмущался той лёгкостью, с какой союзники продвигались на западе, и отмечал отчаянное сопротивление, которое немцы по-прежнему оказывали русским на востоке. Илья Григорьевич объяснял это тем, что, уничтожив на востоке миллионы мирных граждан, немцы теперь боятся Красной армии, но не западных союзников³¹.

Отражением официальной критики И.Г. Эренбурга в 1945 году явились воспоминания генерал-полковника К.В. Крайнюкова, на тот момент занимавшего пост члена военного совета 1-го Украинского фронта. Один из наиболее видных политработников Красной армии констатировал: «Писатель Илья Эренбург, в своё время опубликовавший много ярких, документально обоснованных и правдивых материалов о кровавых преступлениях фашизма, помогал воспитывать советских людей, советских воинов в духе ненависти к врагу. Но когда наши войска вступили на территорию Германии, в некоторых его статьях проскальзывали ошибочные утверждения, неправильно ориентирующие советских воинов. Центральный Комитет партии немедленно исправил ошибку писателя»³².

Полковник М.М. Литвяк в 1944—1945 гг. был начальником политотдела 2-й гвардейской танковой армии. Ветеран также счёл важным отметить, что, подвергнув критике ошибочные взгляды И.Г. Эренбурга, центральный печатный орган ВКП(б) подчёркивал: «Красная Армия... ведёт бои за ликвидацию гитлеровской армии, гит-

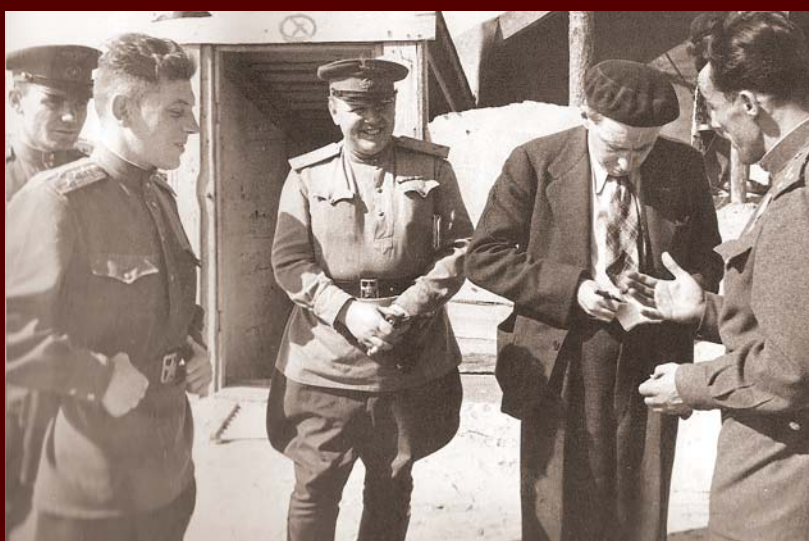

И.Г. Эренбург беседует с жителями освобождённого советского села
1943 г.

Фронтальная фотография И.Г. Эренбурга

В.И. Сталин, корреспондент газеты «Красная звезда» Н.Н. Денисов и И.Г. Эренбург
Фото С. Гурария, 1944 г.

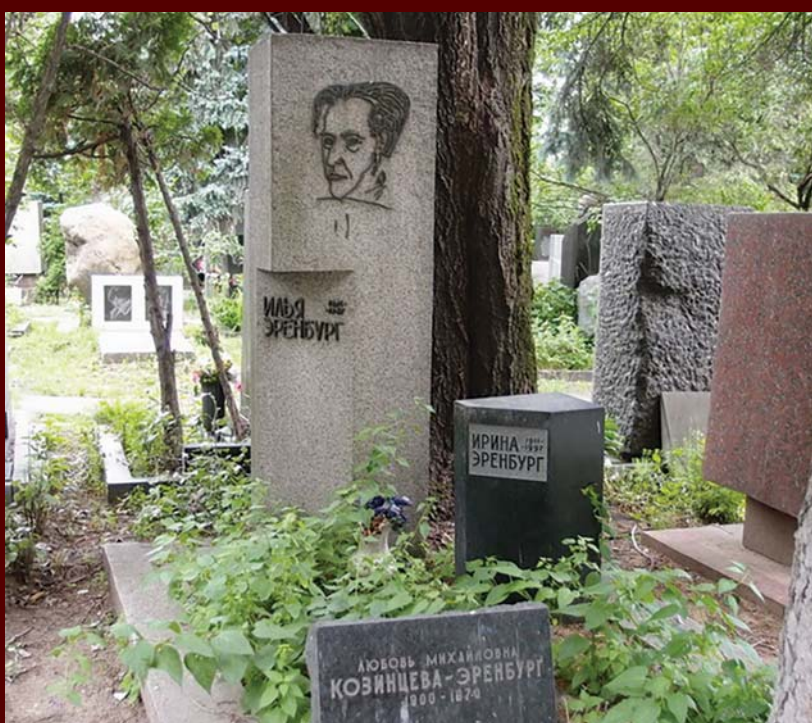

И.Г. Эренбург (справа) с К.М. Симоновым и генералом П.И. Батовым

И.Г. Эренбург допрашивает пленного немецкого лётчика
Могила И.Г. Эренбурга на Новодевичьем кладбище

леровского государства, гитлеровского правительства, но никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ... Советский народ никогда не отождествлял население Германии и правящую в Германии преступную фашистскую клику...». Политотдел армии не ограничился указанием, чтобы в ротах, батальонах, штабах организовали чтение этой, по оценке ветерана, «очень своевременной статьи», — в войска выехали десятки командиров и политработников армейского уровня, в том числе и генерал С.И. Богданов³³.

Согласно воспоминаниям генерал-лейтенанта М.Ф. Манакина, являвшегося в 1944—1945 гг. командиром роты 32-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской стрелковой дивизии, в конце 1944 года в воинскую часть пришли газеты, и внимание всех сразу же привлекла публикация И.Г. Эренбурга, в которой, как и прежде, звучал призыв: «Убей немца!» Газета ходила по рукам, её читали в каждой роте. Как отметил мемуарист, это была «гневная, страстная, берущая за сердце статья. Надо ли говорить, на какую благодатную почву упал страстный призыв публициста! Каждому из нас было за что рассчитаться с гитлеровцами. Сколько среди нас было таких, которые лишились и семьи, и родного крова?! Сколько верных боевых товарищей, которым бы только жить и жить, приняла наша истерзанная врагом земля?! Сколько слёз материнских пролито, сколько судеб детских исковеркано?! Было от чего каждому из нас прийти в ярость, и ненависть наша была священна». Однако, по свидетельству ветерана, реакция на статью И.Г. Эренбурга оказалась далеко не однозначной. Одни советские воины, которых генерал М.Ф. Манакин называл «горячими головами», сразу заявили:

«Правильно!» и призывали к возмездию других. Но немало оказалось и таких, которые «более чем сдержанно» встретили призыв, содержащийся в статье. Особенно М.Ф. Манакину запомнился солдат, пришедший в роту вместе с пополнением за день-два до этого случая. Ему было где-то за сорок. Он говорил, что, конечно, без ненависти к врагу воевать никак нельзя, но и нельзя стремиться к тому, чтобы устроить немцам всеобщее кладбище. Вскоре в роту прибыл офицер из политотдела и, собрав командиров подраз-

делений, попросил «правильно» растолковать подчинённым статью И.Г. Эренбурга, имея в виду, чтобы личный состав роты «зрело понимал свою благородную миссию — миссию советского солдата-освободителя»³⁴.

Следует согласиться с тем, что на завершающем этапе Великой Отечественной войны, когда требовалось охладить понятные эмоции вступивших на землю лютого врага советских солдат, безусловно, присутствовала политическая целесообразность официальной критики опреде-

лённых мотивов публицистики И.Г. Эренбурга. Но на официальном уровне это, конечно, надлежало сделать не в такой грубой и оскорбительной для писателя форме. Некоторые крайности его военных статей не могут заслонить величайшие заслуги Ильи Григорьевича в борьбе против фашизма на информационном и идеологическом фронте. Недаром Михаил Иванович Калинин при вручении писателю ордена Ленина ёмко подметил: «Эренбург сражался с фашистами как гвардейская армия»³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ортенберг Д.И. Июнь—декабрь сорок первого: рассказ-хроника. М.: Советский писатель, 1986. С. 147.

² Воспоминания об Илье Эренбурге / Сост. Г. Белая, Л. Лазарев. М.: Советский писатель, 1975. С. 41.

³ Там же. С. 81, 82.

⁴ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1972. С. 119.

⁵ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 91.

⁶ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1988. С. 410.

⁷ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 90, 91, 93.

⁸ Рубашкин А. Илья Эренбург: путь писателя. Л.: Советский писатель, 1990. С. 385.

⁹ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 27, 28.

¹⁰ Там же. С. 127, 128.

¹¹ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М.: Прогресс, 1967. С. 296.

¹² Ортенберг Д.И. Год 1942: рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1988. С. 386, 387.

¹³ Он же. Время не властно. М.: Советский писатель, 1979. С. 67.

¹⁴ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 110.

¹⁵ Батов П.И. В боях и походах. М.: Воениздат, 1974. С. 163.

¹⁶ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 137.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Батов П.И. Указ. соч. С. 232, 233.

²⁰ Левин Им.И. Записки военного переводчика. 2-е изд., доп. М.: Московский рабочий, 1986. С. 155.

²¹ Ортенберг Д.И. Время не властно... С. 125.

²² Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 119, 120.

²³ Там же. С. 135, 136.

²⁴ Там же. С. 137, 138.

²⁵ Ортенберг Д.И. Год 1942... С. 50, 51.

²⁶ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 115—117.

²⁷ Денисов Н.Н. 1418 дней фронтового корреспондента. Воспоминания. М.: Воениздат, 1969. С. 241.

²⁸ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 287, 288.

²⁹ Верт А. Указ. соч. С. 28, 190.

³⁰ Воспоминания об Илье Эренбурге... С. 260.

³¹ Верт А. Указ. соч. С. 705.

³² Крайнюков К.В. Оружие особого рода. М.: Мысль, 1984. С. 388.

³³ Литвяк М.М. Порождённые бронёй. М.: Воениздат, 1985. С. 215.

³⁴ Манакин М.Ф. Полковая наша семья. М.: Воениздат, 1983. С. 139—141.

³⁵ Ортенберг Д.И. Июнь—декабрь сорок первого... С. 128.

A.N. Kolobov, A.A. Yefimov, I.A. Anokhina

«SHARPSHOOTER OF THE PEN»

I.G. Ehrenburg's journalism during the Great Patriotic War

Information about authors. Andrey Kolobov — head of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) of the Branch of the Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Educ.) (city of Penza. E-mail: andrei-kolobov1977@mail.ru);

Alexey Yefimov — senior lecturer of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) at the Branch of the Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Penza. E-mail: aleksej.efimov.00@inbox.ru);

Irina Anokhina — lecturer of the Department of Military and Political Work in the Troops (Forces) at the Branch of the Military Academy of Logistics Named after Army General A.V. Khrulev (Penza), Cand. Sc. (Hist.) (city of Penza. E-mail: anohina_iren@mail.ru).

Summary. The paper examines the anti-fascist journalistic activities of Soviet writer and journalist Ilya Ehrenburg during the Great Patriotic War, using memoir sources. Special attention is given to the study of the distinct characteristics of the organization of a publicist's work and the essential ideological and political factors of the information campaign pursued by I. Ehrenburg during 1941—1945. The official evaluation of the writer's work and the responses from front-line soldiers who received his works at various stages of the war are presented.

Keywords: I. Ehrenburg; Great Patriotic War; Red Army; newspaper «Red Star»; information struggle; military-political work; propaganda of hatred towards Nazi invaders; moral support of Soviet soldiers.

«...В ЦЕЛЯХ УСКОРЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТИ ДОСТОЙНО ПРОЯВИВШИХ СЕБЯ В БОЯХ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ»

Кадровое обеспечение боевых действий частей и соединений
Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

Сведения об авторе. Тарасов Сергей Анатольевич — советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: satar79@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе документов, находящихся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), рассматриваются место и роль кадровых органов Народного комиссариата обороны в организации работы с командным составом советских Вооружённых сил в условиях военного времени. Пристальное внимание уделено исследованию деятельности сотрудников кадровых органов по обеспечению действий частей и соединений Красной армии в различных видах боя. Наиболее подробно исследуется порядок работы в третьем периоде Великой Отечественной войны. Анализируется полученный в ходе войны опыт кадровой работы, что позволяет подчеркнуть её важность в деле военного строительства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (1941—1945 гг.); Народный комиссариат обороны Союза Советских Социалистических Республик (НКО СССР); Вооружённые силы (ВС); Красная армия; кадровые органы; командный и начальствующий состав; кадровая работа; комплектование; Ф.И. Голиков.

Практическая деятельность людей, направленная на преобразование природы или общественных отношений, всегда является целенаправленной и коллективной. Решение любой значимой задачи требует объединения больших человеческих масс, мобилизации их усилий на достижение поставленной цели. Непременным условием успеха здесь выступает единство действий, для достижения которого необходимо наличие руководителей, способных сконцентрировать всю человеческую волю и энергию на главном направлении.

Справедливость указанного тезиса наиболее чётко проявляется в военном деле. История войн и военного искусства показывает, что именно от качества руководящего состава во многом зависит успешность ведения боевых действий. Особенно сильно роль командных

кадров возрастает в связи с происходящей революцией в области вооружённой борьбы. В современных условиях бурного развития технического прогресса ведение боевых действий с каждым годом становится всё более сложным, ответственным и опасным видом деятельности, а достижение успеха во многом обуславливается качеством управления. Чем выше уровень руководства, тем эффективнее результат. В этой связи возрастает значимость организации кадровой работы с командным составом вооружённых сил.

Ярким примером данного утверждения является период Великой Отечественной войны. Он характеризовался ведением продолжительных крупномасштабных боевых действий высокой интенсивности на широком фронте с привлечением десятков миллионов человек с обеих противоборствующих

сторон. Всё это обуславливало высокую потребность в командных кадрах¹.

Для решения данной задачи в составе Народного комиссариата обороны (НКО) СССР имелись соответствующие кадровые органы, структура которых охватывала все уровни военной организации советских Вооружённых сил. Их деятельность была направлена на решение широкого спектра задач, в т.ч. и новых, появившихся в условиях военного времени. С учётом того, что главные усилия страны в указанные годы были сосредоточены на достижении решительной победы над противником, значительный интерес представляет рассмотрение места кадровых органов в обеспечении боевых действий частей и соединений Красной армии в различных видах боя.

Важная роль в этой сфере отводилась звену «полк (отдельная часть) — дивизия».

Количество личного состава, выделявшегося для ведения кадровой работы, во многом обуславливалось штатной структурой, которая в годы войны не была однородной, непрерывно изменяясь и совершенствуясь. Так, по итогам первых восьми месяцев противостояния нацистской агрессии штаты центрального аппарата Военно-воздушных сил Красной армии (ВВС КА) полностью или частично изменялись пять раз, а авиационные полки имели 25 различных вариантов организационной структуры². Аналогичная ситуация наблюдалась и в других родах войск.

Изучение штатной структуры различных частей, соединений и объединений показывает, что за данный вид деятельности во фронтах, армиях и корпусах отвечал соответствующий отдел кадров, в штабах дивизий — сотрудники четвёртого (строевого) отделения (части), а в полках — помощники начальников штабов по учёту (по строевой части). Ввиду того что последние были сильно перегружены решением значительного количества дополнительных задач — учётом рядового, сержантского и конского состава, упряжи и обоза, а также ведением делопроизводства, — качество работы с командными кадрами на низовом уровне сильно страдало.

В результате побед, одержанных советскими войсками во втором периоде Великой Отечественной войны, и их перехода в решительное наступление объёмы кадровой работы существенно возросли. Во многом это было обусловлено ростом числа офицеров, представлявшихся к награждению за отличие в бою, а также активизацией усилий по улучшению как персонального, так и количественного учёта командного состава.

Вопрос о необходимости «укрепить» первичное звено кадровой работы был поднят в ходе трёх десятидневных учебных сборов, проходивших в течение января—марта 1944 года в Москве под руководством Главного управления кадров Народного комиссариата обороны (ГУК НКО). Целью их проведения был анализ накопленного опыта «работы за время войны и обмен им, установление единого понимания и подхода в разрешении практических вопросов и изучение законоположений, инструкций и приказов по работе с кадрами». Всего на сборы были привлечены 310 офицеров, в т.ч. 50 начальников отделов кадров армий, 11 начальников отделов кадров фронтов и их заместителей. По результатам сборов благодаря ходатайству начальника ГУК НКО генерал-полковника Ф.И. Голикова заместителем народного комиссара

входили начальник отделения, его помощник и старший писарь. При этом учёт офицеров, назначавшихся на должности начальников отделений кадров стрелковых дивизий, был возложен на управление общевойсковых кадров ГУК НКО⁴.

Накопленный опыт военного времени позволил также сформулировать и ряд требований к данной категории кадровых работников, которым им следовало соответствовать. Так, для успешного решения поставленных задач начальники отделений кадров дивизий должны были: а) быть всесторонне развитыми в военном отношении, обладать тактическим кругозором как минимум в масштабе батальона; б) быть политически грамотными, разбираться в международном и внутреннем положении страны и ситуации, складывавшейся на фронтах; в) всегда знать боевую задачу дивизии, где находятся подчи-

По итогам первых восьми месяцев противостояния нацистской агрессии штаты центрального аппарата Военно-воздушных сил Красной армии (ВВС КА) полностью или частично изменялись пять раз, а авиационные полки имели 25 различных вариантов организационной структуры

обороны Маршалом Советского Союза А.М. Василевским было принято решение о введении в стрелковых полках должности делопроизводителя по учёту офицерского состава, а в штате стрелковой дивизии — отделения кадров, подчинённого непосредственно комдиву³. В состав отделения кадров, как правило,

нённы полки, какой противник ей противостоит; г) знать мировую и отечественную военную историю, способствовать созданию и укреплению боевых традиций дивизии и её частей; д) быть образцом дисциплинированности, подтянутости, аккуратности и вежливости; е) быть бдительным как в под-

боре и изучении кадров, так и во всей работе с кадрами; ж) хорошо знать офицерские кадры своего соединения и выдвигать способных боевых офицеров. Отдельно отмечалось, что «основа работы начальника отделения кадров — это изучение офицерского состава дивизии»⁵.

Одной из главных задач, решавшихся кадровиками действующих частей и соединений на протяжении всей войны, являлось обеспечение ведения успешных боевых действий посредством своевременного и качественного комплектования своих формирований командно-начальствующим составом. Для этого от них требовалось проявление инициативы, энергии и способности принимать самостоятельные решения.

Следует отметить, что в годы войны вопросы изучения, подбора и расстановки командных кадров рассматривались значительно шире и гораздо оперативнее, чем в мирное время. Юридическим основанием для этого служили целый ряд приказов народного комиссара обороны СССР, наибольшее значение из которых имел № 0225 от 30 марта 1942 года. Согласно ему «в целях ускорения назначения на должности достойно проявивших себя в боях с немецко-фашистскими захватчиками» военнослужащих командирам корпусов и дивизий разрешалось своими приказами назначать начальствующий состав пехоты на должности до командира роты и ему соответствовавших включительно, а командирам полков — до командира взвода. Аналогичные приказы были изданы и в отношении других родов войск. Так, применительно к ВВС КА в соответствии с приказом НКО СССР от 10 сентября 1942 года № 0695 командиры авиационных дивизий полу-

Начальник Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР, заместитель народного комиссара обороны по кадрам, начальник Главного управления кадров Министерства Вооружённых сил СССР в 1943—1950 гг. генерал-полковник (с 1961 г. Маршал Советского Союза) Ф.И. Голиков

чили право своим решением комплектовать должности до командира звена и ему равных включительно⁶.

Реализуя данные полномочия, кадровикам приходилось заниматься не только изучением личного состава и подбором кандидатов для продвижения по службе с последующим их представлением командованию, но и проводить назначения соответствующими приказами по личному составу. Указанная самостоятельность, непозволительная в мирные годы, обуславливалась требованиями военного времени, когда промедление с кадровым решением грозило оставить подразделения без руководства на длительный срок, что негативно сказывалось на результатив-

ности их действий в условиях фронтовой обстановки.

Изучение архивных документов показывает, что различные виды боя требовали от кадровиков соответствующих приёмов и способов работы, которые влияли на её специфику. В начале войны действия войск Красной армии носили преимущественно оборонительный характер. Однако по мере накопления опыта, получения во всё возрастающем количестве вооружения и военной техники осуществлялся переход к стратегическим наступательным операциям, успешное проведение которых обеспечило полный разгром противника и его безоговорочную капитуляцию.

Следует отметить, что в годы противостояния нацистской агрессии подготовка частей и соединений к наступлению осуществлялась либо в условиях обороны, когда они имели непосредственное соприкосновение с противником, либо вне прямого огневого воздействия неприятеля, когда они располагались во втором эшелоне или в тыловом районе в качестве резерва армии, фронта, Ставки ВГК. Сама процедура укомплектования командным составом, как правило, проводилась на основании полученной из вышестоящего штаба директивы, в которой указывался штатный расчёт, до которого требовалось довести численность личного состава. Необходимо подчеркнуть, что в годы войны было отмечено значительное количество случаев, когда полки и дивизии содержались не по штату, по которому они формально существовали, а по штатным расчётам, периодически уснащивавшимся вышестоящим командованием. Основной объём работы при этом ложился на кадровые органы дивизионного уровня, непосредственно отвечавшие за решение указанной задачи⁷.

Исходя из данного документа, кадровики производили все исчисления и составляли ведомость укомплектованности соединения командным составом для выяснения некомплекта и определения способов его восполнения. При этом имевшаяся нехватка комначсостава старались преимущественно покрывать за счёт собственных ресурсов, используя ряд источников.

Во-первых, это был кадровый резерв дивизии⁸. В нём состояли офицеры, прибывавшие из госпиталей после выздоровления и из отпусков, а также поступающие в дивизию по другим причинам, но не назначенные в части в связи с малой численностью в них рядового состава или отсутствием на тот момент времени вакантных должностей. Данные военнослужащие находились во втором эшелоне, где с ними проводились регулярные занятия по программам, разработанным штабом соединения.

Во-вторых, перемещение на новые должности. Происходило это в основном посредством продвижения отличившихся офицеров на более высокие посты. В ряде случаев за счёт назначения на равнозначные должности. Так, в ходе войны отмечалось немало случаев, когда в связи с большой нехваткой комначсостава пехоты командование соединения было вынуждено перемещать военнослужащих хозяйственной и административной служб на должности командиров пехотных подразделений.

В-третьих, источником пополнения были офицеры, находившиеся на излечении в медико-санитарном батальоне собственной дивизии, которые к назначенному сроку отформирования соединения должны были выздороветь и вернуться в строй. С целью их учёта от кадровиков требова-

лось регулярно посещать медсанбат, контролируя качество и ход лечения. Одновременно в конце войны в обязанность кадровым работникам стало также вменяться принятие активных и действенных мер к «розыску» офицеров своего соединения, попавших в результате ранения в условиях интенсивных боевых действий в медицинские подразделения соседних дивизий. Данная мера содействовала сохранению связи с военнослужащими и помогала их последующему возвращению в свою часть после выздоровления⁹.

В-четвёртых, осуществлялось выдвигание на первичные офицерские должности (в основном командиров взводов) отличившихся солдат и сержантов, продемонстрировавших в ходе боевых действий уверенные командные навыки. Подобных фактов в годы войны было много, и в своей массе они носили положительный характер¹⁰.

Составленная ведомость укомплектованности соединения

внутренних ресурсов дивизии, а какое количество недостающих командиров необходимо будет запрашивать у вышестоящего командования. Она подписывалась начальником отделения кадров, начальником штаба соединения и утверждалась командиром. На основе данной ведомости составлялась заявка на потребное количество командного состава. Она направлялась в зависимости от подчинённости в отдел кадров корпуса, армии или фронта, который после её рассмотрения сообщал в дивизию, когда и сколько офицеров будет направлено в распоряжение её командования для окончательного восполнения некомплекта.

После обобщения всех указанных данных дивизионные кадровики формировали окончательный план укомплектования подчинённых частей и подразделений комначсоставом в соответствии с полученным штатным расчётом.

Опыт первых лет войны показал, что успешное решение задачи своевременного вос-

В ходе войны отмечалось немало случаев, когда в связи с большой нехваткой комначсостава пехоты командование соединения было вынуждено перемещать военнослужащих хозяйственной и административной служб на должности командиров пехотных подразделений

офицерским составом и исчисления его потребности по штатному расчёту являлась важным документом, из которого было видно, сколько и какие должности будут заполнены за счёт

полнения потерь во многом зависело от того, насколько активно кадровые работники занимались вопросом создания резервов командного состава на различных уровнях¹¹. Для

накопления людских ресурсов кадровики вели список (книгу, тетрадь) кандидатов, по своим деловым и политическим качествам достойных продвижения по службе. В них записывались основные сведения на отбравшихся военнослужащих: фамилия, имя, отчество, звание, социально-демографические данные, информация о должности, на которую намечалось назначение.

Изучение личного состава велось двумя основными способами — детальным рассмо-

трением учётных документов и личным общением кадровиков с военнослужащими.

В первом случае пристальное внимание уделялось изучению аттестационных листов, служебно-боевых и партийных (на членов ВКП(б)) характеристик, представлений на присвоение очередного военного звания и награждение отличившихся государственными наградами. Практика показала, что для оперативного и максимально полного получения искомой

информации подобным образом следовало иметь хорошо налаженный персональный учёт комначсостава, в первую очередь за счёт качественного ведения личных дел.

Во втором случае беседа кадрового работника с изучавшимся кандидатом могла осуществляться посредством как его вызова в кадровый орган, так и личного визита кадровика на передовую. Последний вариант признавался наиболее оптимальным, поскольку позволял получить дополнительные сведения от сослуживцев кандидата, а также его непосредственных командиров и начальников.

Следует отметить, что кадровая работа велась на постоянной основе, в т.ч. и в ходе боевых действий. Всё это требовало от кадровиков дивизионного уровня находиться в тесной взаимосвязи со штабами частей и соединений, периодически посещать места расположения рот и батальонов, владеть боевой обстановкой, регулярно получать от командиров информацию об успехах и неудачах их подчинённых. Одновременно от них требовалось лично беседовать со всеми кандидатами, достойными продвижения по службе, и, кроме того, с офицерами, к которым имелись различные претензии у вышестоящего командования. Так, при беседе с командиром батальона кадровик получал от него сведения на командиров рот, а при общении с последними — на командиров взводов. По совокупности полученных сведений и на основе сложившегося личного мнения кадровики составляли кандидатские списки, которые представлялись командиру соединения на утверждение.

Целесообразно подчеркнуть, что факторами, влиявшими на порядок укомплектования частей, являлись их боевой по-

" УТВЕРЖДАЮ "

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАДРОВ НКО СССР
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

ГОЛИКОВ

" 10 " декабря 1943г.

РАСЧЕТ

командирования офицеров отделов кадров военных округов, фронтов и армий на 10 дневные сборы при ГУК НКО.

Наименование военных округов, фронтов	Отделы кадров округов		Отд. кадр. фронтов	Отделы кадров армий		Примечание
	НО4, или ст. пом. нач. отдела кадров по присвоению званий и награждениям	НО5, или ст. пом. нач. отдела кадров по учету	нач. 1 отделение	нач. 2 отделение	нач. 1 отделение	
МВО	1	1				
АРХВО	1	1				
ПРМВО	1	1				
УРВО	1	1				
ВЛУРВО	1	1				
САВО	1	1				
СКВО	1	1				
ОРВО	1	1				
ХВО	1	1				
ПРМОВО	1	1				
КВО	1	1				
БВО	1	1				
Карельский				1		2
Ленинградский			1		1	2
Волковский				1		1
1 Прибалтийск.				1		1
2 Прибалтийск.				1		1
Западный				1		1
Белорусский				1		1
1 Украинский				1		1
2 Украинский				1		1
3 Украинский				1		1
4 Украинский				1		1
Закавказский				1		1
Резервные						4
7 отд. Армия						1
Примор. отд. Арм.						1
И Т О Г О:	12	12	6	6	14	25

И. Д. НАЧ. ОРГ. МОБ. УПР. ГУК НКО
ГЕНЕРАЛ-МАJOR

" 10 " декабря 1943г.

ЗАГЛАДИН /

Расчёт командирования офицеров отделов кадров военных округов, фронтов и армий на 10-дневные сборы при ГУК НКО
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 689. Л. 1.

рядок и стоявшие перед ними задачи. В большинстве случаев для решения данного вопроса они отводились во второй эшелон или фронтовой резерв, что обеспечивало их одновременное пополнение личным составом.

Если дивизия занимала оборону, а её порядок был выстроен в два эшелона, и при этом первый эшелон находился в огневой взаимосвязи с противником, то укомплектование частей осуществлялось поочередно. Первоначально производилось пополнение полка, расположенного во втором эшелоне, потом он сменял один из полков первого эшелона, который выводился во второй эшелон, укомплектовывался и затем менял третий полк. В тех случаях, когда дивизия занимала оборону на второстепенном участке линии боевого соприкосновения, на широком фронте и её порядок был выстроен в один эшелон, а все батальоны имели двухротный состав, укомплектование производилось поротно. Первоначально целиком формировались третьи роты¹². По завершении обучения личного состава и сколачивания они образовывали вторые эшелоны батальонов. Через несколько дней, после того как их личный состав осваивался с боевой обстановкой и «обстреливался», они выводились на первую линию, меняя одну из рот. Последние, в свою очередь, перемещались во второй эшелон, доукомплектовывались и меняли оставшиеся роты¹³.

Дополнительным обстоятельством, которое следовало учитывать в процессе пополнения соединений, находившихся в непосредственном соприкосновении с противником, являлась необходимость обеспечения скрытности при подаче командного состава на передовую.

Общей чертой, объединявшей оба способа комплектования, являлось то, что во всех случаях кадровики старались направлять офицеров в их части за несколько дней до прибытия в них рядового и сержантского состава, чтобы у командиров было время ознакомиться с обстановкой и организовать их встречу.

Опыт кадровой работы убедительно показал, что для аккумуляции офицеров, попадавших в распоряжение командования соединений, целесообразно было в ближайшем тылу создавать специальные внештатные приёмные пункты. Их начальниками, как правило, назначались сержанты или старшины старших возрастов и ограниченно годные к строевой службе. В их обязанности входила организация размещения, питания и помывки командного состава. Функционирование указанных

положения и наличия близких родственников; определение деловых и политических качеств военнослужащих; выяснение фактов наличия каких-либо претензий и проблем с принятием соответствующих мер для их решения; занесение полученных сведений в книги алфавитного учёта. Также в период пребывания офицеров на приёмном пункте осуществлялся их медицинский осмотр, а представители политического отдела брали на учёт членов ВКП(б). Дополнительную беседу с офицерами проводил и представитель командования соединения, доводивший до них обстановку на данном участке фронта и боевую задачу дивизии, знакомил с новыми требованиями в области тактики и порядка применения военной техники¹⁴.

После реализации всех указанных мер шло распре-

Опыт первых лет войны показал, что успешное решение задачи своевременного восполнения потерь во многом зависело от того, насколько активно кадровые работники занимались вопросом создания резервов командного состава на различных уровнях

пунктов контролировалось сотрудниками отделений кадров дивизий. С каждым из вновь прибывавших офицеров они проводили личные беседы, в ходе которых осуществлялся следующий комплекс мероприятий: проверка учётных документов (удостоверений личности, предписаний, личных дел и т.п.); уточнение семейного

деление командного состава по подразделениям, которое дивизионными кадровиками оформлялось посредством издания соответствующих приказов. Данные документы составлялись в трёх экземплярах, один из которых оставался в дивизии, а два других направлялись в отделы кадров армии и фронта. В подчинённые части

высылались выписки из приказов, содержавшие информацию о назначенных к ним офицерах.

Свою специфику кадровая работа имела и в тех случаях, когда соединения на протяжении длительного времени принимали участие в оборонительных операциях. Преимущественно указанный вид боевых действий характеризовался определённой стабильностью фронта, когда войска относительно длительное время находились на одних и тех же позициях. Эту оперативную паузу кадровики старались использовать как для накопления резерва командного состава,

дование определяло численность находившихся в обороне дивизий в 4000—6500 человек. Подобные показатели приводили к сокращению строевых и обслуживающих подразделений и высвобождению части офицерского состава. В целях сохранения данной категории военнослужащих, целесообразность пребывания которых на передовых позициях без наличия подчинённого личного состава теряла свой смысл, они выводились в тыловые районы, где с ними организовывались занятия по боевой подготовке. В эти группы вливались офицеры, возвращавшиеся из

кадровые органы корпусного уровня. Изучение документов показывает, что в своей деятельности они также соединяли кадровые и учётно-строевые обязанности. Отличительной особенностью их функционирования являлось то, что корпус в своём составе имел не только дивизии, но и различные части корпусного подчинения, которые укомплектовывались отделом кадров корпуса тем же порядком, как и в дивизиях. Ввиду данного обстоятельства его сотрудникам, так же как и нижестоящим кадровикам дивизионного звена, приходилось составлять расчёт на потребное количество офицерского состава для корпусных частей и план их укомплектования, выполняя работу, аналогичную той, которую вели их подчинённые в дивизиях.

В дополнение к этому отделу кадров приходилось периодически составлять обобщённую заявку в армию или фронт на весь офицерский состав, потребный для всех дивизий и отдельных частей корпуса. Она имела разделение по группам: общевойсковые командиры, артиллеристы, тыловики, медицинские работники, офицеры бронетанковых и механизированных войск и т.д. Указанный документ подписывали одновременно начальник штаба и начальник отдела кадров корпуса.

Нередко, учитывая высокую загруженность корпусных кадровиков, дивизионное командование свои заявки на укомплектование офицерским составом посылало напрямую в отдел кадров армии или фронта. Это позволяло сократить время и разгрузить отдел кадров корпуса, высвобождая его сотрудников от механического составления значительных по объёму суммарных заявок.

Помимо указанных задач отдел кадров корпуса осу-

Восполнение потерь осуществлялось по мере возникновения фактической потребности и в соответствии с установленным штабом фронта штатным расчётом. Зачастую в связи с отсутствием активных наступательных действий и необходимостью экономить людские ресурсы вышестоящее командование определяло численность находившихся в обороне дивизий в 4000—6500 человек

так и для устранения накопившихся недочётов в своей работе.

Восполнение потерь осуществлялось по мере возникновения фактической потребности и в соответствии с установленным штабом фронта штатным расчётом. Зачастую в связи с отсутствием активных наступательных действий и необходимостью экономить людские ресурсы вышестоящее коман-

госпиталей, и прибывавшее пополнение. В совокупности они составляли основу командного резерва, который, как уже отмечалось, за несколько дней до прибытия рядового и сержантского состава распределялся по подразделениям для организации приёма и размещения подчинённых¹⁵.

Значительный объём работы по укомплектованию частей командным составом выполняли

ществлял всю ту же работу по назначению, присвоению очередных званий, учёту и награждению офицерского состава частей корпусного подчинения и управления корпуса, что и отделения кадров дивизий, входивших в его состав. Одновременно с этим корпусные кадровики проводили инспекции кадровых органов дивизий и соответствующих помощников начальников штабов частей. Зачастую указанная деятельность реализовывалась в рамках общей инспекции командованием корпуса подчинённых дивизий и полков посредством включения в состав комиссии по проверке представителей отдела кадров.

Опыт войны показал, что назначение прибывших в действующую армию офицеров лучше всего было осуществлять в условиях обороны. Это позволяло им иметь достаточное время на то, чтобы в соответствии со своими должностными обязанностями освоиться в боевой обстановке. В данном случае наиболее оптимальным признавался следующий порядок ввода в строй новых командных кадров: нахождение несколько дней в резерве для ознакомления с положением дел, уточнения переднего края и расположения оборонительных сооружений, выполнения отдельных поручений командования; вступление в командование своим подразделением и выполнение первых боевых задач (служба боевого охранения, участие в захвате пленных, отражение атак, занятие опорных пунктов противника)¹⁶.

Относительная стабильность фронта позволяла кадровикам контролировать процесс подготовки офицеров, находившихся в дивизионном резерве, собирать на них характеризующий материал, намечать кандидатов к выдвиганию на вышестоящие должности. Неред-

ко отобранных претендентов направляли на стажировку по предназначенной должности и после её прохождения осуществляли назначение.

Отдельное внимание уделялось поддержанию здоровья личного состава соединения. В третьем периоде Великой Отечественной войны для решения этой задачи стали активно прибегать к созданию дивизионных домов отдыха, куда в период затишья на основе ротации направляли как офицеров, так и рядовых и сержантов. Подобные объекты располагались либо в населённых пунктах, либо в хорошо оборудованных землянках вне досягаемости артиллерийского огня противника. Организовывалось качественное питание «санаторного» уровня. Срок пребывания в них колебался в пределах 5–10 суток. В это время с восстанавливавшими свои силы военнослужащими проводили работу сотрудники кадровых органов. Они опрашивали личный состав на предмет наличия претензий и определения эффективных способов их устранения, вручали ордена и медали, оказывали содействие в розыске родных и близких, с которыми в силу суровых событий военного времени была утрачена связь¹⁷.

В ходе таких контактов кадровики старались более детально изучить личный состав, уточняя своё представление о наиболее оптимальном служебном предназначении каждого офицера дивизии, а из рядового и сержантского состава намечали потенциальных кандидатов на должности командиров взводов или для направления на обучение на курсы младших лейтенантов¹⁸.

Другим направлением, на котором максимально сосредоточивалось внимание в период нахождения войск в обороне, являлось приведе-

ние в порядок учёта командного состава. С этой целью проводилась сверка учётных данных, имевшихся в соединении и подчинённых частях, с действительным наличием офицеров и их расстановкой на должностях. Необходимо подчеркнуть, что рядовые и сержанты, исполнявшие командные должности, также брались кадровыми органами на учёт и, как правило, заносились в алфавитные и штатно-должностные книги. Зачастую указанные военнослужащие и их семьи могли пользоваться теми же правами, что и офицеры¹⁹.

Значительные усилия прилагались для исправления выявленных ошибочных записей в личных делах, алфавитных и штатно-должностных книгах. Во время войны было много случаев искажения фамилий, имён и отчеств, социально-демографических данных и сведений о составе семьи. В результате этого «человек по учёту терялся». Допущенные неточности приводили к тому, что на одного и того же офицера в вышестоящих кадровых органах заводились разные учётные карточки. Вследствие этого отмечались факты, когда отличившиеся военнослужащие не получали своих заслуженных наград, родственники не могли найти своего сына, брата, мужа, находившихся на фронте, а в случае гибели офицера ошибка в адресе места проживания его близких не позволяла направить им соответствующее уведомление и переслать ценные вещи погибшего²⁰.

Опыт боевых действий подтвердил острую необходимость тщательной регистрации всех лиц командного состава. К концу войны на фронте сформировался следующий порядок. Все прибывавшие в соединение офицеры направлялись на бе-

седу к начальнику отделения кадров или к его помощнику. В ходе неё анкетные данные заносились в алфавитную книгу учёта. При этом записи тщательно сверялись с предписанием на прибытие, удостоверением личности военнослужащего, с партийным и комсомольским билетами (при их наличии) и сопоставлялись с ответами самого офицера²¹. Подробно уточнялись и фиксировались состав семьи, наличие родственников, их основные демографические сведения и место проживания. В тех случаях, когда близкие проживали в разных регионах Советского Союза, в книгу заносились все имевшиеся адреса.

Следует отметить, что качественный учёт и тщательный подход к изучению офицеров (в первую очередь документов, приобщённых к личному делу) позволяли выявлять «самозванцев», причислявших себя к командному составу. Кадровики соединений, имевшие большой боевой опыт, отличное знание мест расположения своих и соседних частей, хорошее представление обо всех этапах проводившихся армией и фронтом операций, достаточно легко и уверенно выявляли сомнительные записи в личном деле и вычисляли нарушителя²².

В период нахождения соединения в обороне его кадровики стремились сверить свой учёт с армейским и фронтовым. Для этого они выезжали в отделы кадров армии и фронта и тщательно проверяли соответствующую информацию. В ходе этой работы кадровики устраняли выявленные расхождения и ошибочные записи, а также уточняли личности интересовавших их офицеров.

Период ведения оборонительных действий также активно использовался для решения накопившихся вопросов

относительно награждения и присвоения очередных военных званий. В последнем случае основным методом работы кадровиков было внимательное и систематическое изучение алфавитных и штатно-должностных книг, а также других учётных документов на предмет определения офицеров, у которых истёк срок выслуги в звании и которым по должности полагалось присвоение очередного. Одновременно уточнялось наличие рядовых и сержантов, временно исполнявших вакантные офицерские должности. На основе собранной информации составлялись контрольные списки соответствующих военнослужащих, на которых готовились документы для присвоения очередного (для комначсостава) и первичного (для рядовых и сержантов) офицерского звания.

С последней категорией военнослужащих кадровики старались провести личную беседу, в ходе которой осуществлялось заполнение послужных документов, полагавшихся офицеру. В первую очередь заводилось личное дело, состоявшее из послужного списка и автобиографии. К нему также приобщались служебно-боевая и партийная (на членов партии) характеристики от вышестоящих командиров. На основе указанных материалов составлялся аттестационный лист на присвоение первичного офицерского звания. При наличии в части наградных листов или каких-либо других характеризующих документов они также вшивались в личное дело. После чего в обязанность сотрудников кадровых органов входило проследить своевременность издания соответствующего приказа по армии или фронту по личному составу. В тех случаях, когда обстановка не позволяла организовать личную встречу, проект приказа о

присвоении первичного офицерского звания мог подготавливаться на основе только одного рапорта, поданного по команде. Но и в этом случае предпринимались все усилия для заведения личного дела, которое являлось основой персонального учёта командного состава.

В тех случаях, когда кадровики указанной работе уделяли должное внимание и вопросы с присвоением очередных и первичных офицерских званий решали оперативно, это имело положительный эффект и позитивно сказывалось на моральном состоянии личного состава. И наоборот, в тех частях и соединениях, где наблюдалась «запущенность в этом вопросе», среди военнослужащих отмечались элементы определённой «неудовлетворённости»²³.

Более трудоёмкой являлась работа по награждению отличившихся военнослужащих. Здесь кадровикам зачастую приходилось разбираться со всеми категориями военнослужащих. Для этого они выезжали непосредственно в действующие подразделения, дома отдыха или медсанбаты, поскольку ввиду отсутствия у них учётных документов на рядовой и сержантский состав требуемые сведения (анкетные данные на отличившихся, описание героического поступка и т.п.) приходилось собирать в результате прямого общения с «солдатской массой», командирами рот и взводов на месте их службы. Положительным моментом данного способа являлось то, что он одновременно позволял проверить качество ведения ротного учёта, а также установить тех бойцов, которые уже только одним фактом длительного нахождения на фронте и наличием нескольких ранений заслуживали награждения. Следует отметить, что в

годы войны срок пребывания солдат в зоне боевых действий (особенно в пехоте) зачастую был кратковременным, так что командиры не успевали представить их к награде. Многие получали ранения, попадали в госпиталь, а после выздоровления направлялись в запасной полк и оттуда в новую часть. Некоторые военнослужащие проходили указанный круг по несколько раз, оставаясь неотмеченными. Исходя из этого, в конце войны кадровые органы стали более тщательно выявлять таких солдат и сержантов и представлять их к награждению²⁴.

В период нахождения непосредственно в подразделениях кадровики не только устанавливали военнослужащих, достойных поощрения, но и зачастую сами там же, на месте, оформляли наградные документы. Таким образом, они существенно помогали командирам рот, батарей, эскадронов, батальонов и дивизионов в их работе, одновременно на практике обучая их составлению необходимых документов.

Следует отметить, что, стараясь повысить оперативность в деле поощрения отличившихся военнослужащих, советское военно-политическое руководство в первом периоде войны приняло несколько решений по наделению командиров на местах определёнными правами по награждению. Так, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1942 года командиры дивизий и бригад получили возможность награждать свой подчинённый личный состав до командира роты и ему соответствующих включительно орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Право награждать рядовой и младший начальствующий состав двумя указанными медалями было предоставлено и

командирам полков. Этим же указом было документально закреплено правило, что вручение орденов и медалей СССР личному составу следовало производить непосредственно в тех частях, где он проходил службу²⁵.

Дополнительные трудности создавала нехватка стандартных удостоверений к наградам, что порождало излишнюю переписку по уточнению сведений о награждении воен-

нослужащих, переведённых в другие части или выбывших по ранению. В целях устранения указанного недочёта целесообразно было до начала активной фазы боевых действий создавать в кадровых органах необходимый запас. Так, в дивизиях оптимальный резерв составлял: орденских знаков в количестве 300–500 шт., удостоверений к ним — 1000–1500 шт. Соблюдение данного требования позволяло обеспечить

Схема комплектования соединений корпуса
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 737306. Д. 11. Л. 338.

оперативное вручение заслуженных наград и удостоверений к ним непосредственно в условиях боевой обстановки²⁶.

Отмечались случаи занижения статуса награды, вручавшейся отличившемуся военнослужащему. Нередко это мотивировалось желанием как можно скорее поощрить героя, поскольку награждение более высокими орденами требовало большего времени на прохождение наградного материала. Так, в приказе командующего Юго-Западным фронтом генерала армии Р.Я. Малиновского от 16 октября 1943 года № 0112, изданном по результатам проверки в частях фронта вопросов награждения правительственными наградами, произведённой группой офицеров из управления по награждению ГУК НКЮ, отмечалось: «Ряд командиров соединений и частей, желая произвести награждение немедленно и своими правами, занижают награждения, награждая отличившихся в боях медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” лиц, достойных награждения орденами Советского Союза. Этим самым нарушаются Указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления ЦИК и СНК СССР по вопросам награждения». В качестве примера в приказе приводились следующие случаи: «Приказом 26 гвардейского стрелкового корпуса № 02/н от 19.06.43 г. гвардии красноармеец Бекасов Георгий Иванович за то, что из личного оружия ПТР сбил самолёт противника “Ю-87” и гвардии сержант Шарапенко Алексей Петрович за то, что сбил 3 самолёта противника, — награждены медалями “За отвагу”, в то время как по статуту ордена Отечественной войны, объявленному Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20.05.43 г., они

достойны награждения орденами Отечественной войны II степени». Схожий случай, приводимый в том же документе: «Приказом 113 гвардейского стрелкового полка № 019/н от 24.07.43 г. гвардии красноармеец Юхневич Анна Арсентьевна, санитар санитарного взвода 113 гвардейского стрелкового полка 38 гвардейской стрелковой дивизии, за то, что она вынесла с поля боя раненых с их оружием, награждена медалью “За отвагу”, в то время как приказом Народного Комиссара Обороны № 281 от 23 августа 1941 г. установлено — “За вынос с поля боя 20 раненых с их винтовками или ручными пулемётами представлять к правительственной награде — орденом “Красная Звезда” каждого санитаря и носильщика»²⁷. С целью предотвращения подобных случаев в будущем командующий фронтом требовал обязательного выполнения ряда мер, в том числе взятие командующими армиями и членами военных советов армий «под свой непосредственный контроль вопросов награждения правительственными наградами и через отделы кадров армий и работников по кадрам в корпусах, дивизиях и полках устранить и впредь не допускать недочётов, указанных настоящим приказом»²⁸.

Опыт войны продемонстрировал, что деятельность сотрудников кадровых органов соединений своей наибольшей интенсивности достигала в период ведения активных наступательных действий. Тогда от них требовалось качественное и своевременное решение следующих актуальных задач: обеспечение регулярной подачи офицерского состава в действующие подразделения с целью восполнения потерь; незамедлительное оформле-

ние назначений положительных зарекомендовавших себя командиров на вышестоящие должности; поощрение отличившихся в боях военнослужащих; осуществление тщательного контроля за эвакуацией раненых и захоронением погибших офицеров.

Для этого кадровики соединений обязаны были постоянно следить за развитием наступления и быть в курсе результатов каждого дня боя, ежедневно докладывая в вышестоящие кадровые органы сведения по убыли офицерского состава по родам войск и должностям. Указанная информация являлась для отделов кадров армии и фронта основанием для расчёта потребности в восполнении возникшего некомплекта. Анализируя ход операции и уровень потерь, они при необходимости докладывали командиву о целесообразности слияния малочисленных стрелковых рот и батальонов и выводе в резерв высвободившихся офицеров с целью их сохранения для приёма нового пополнения рядового и сержантского состава. Такой оперативности в работе можно было добиться только за счёт непрерывного нахождения кадровиков в первом эшелоне при оперативной группе штаба соединения (располагавшей связью с подчинёнными частями и вышестоящим командованием), организуя свою работу в тесном взаимодействии с её офицерами²⁹.

Изучение опыта кадрового обеспечения боевых действий Красной армии в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод о том, что хорошо налаженная кадровая работа является важным элементом поддержания высокой боеготовности войск и залогом их успешных действий на поле боя. В период обороны, когда части и соединения го-

товятся к наступлению, кадровым органам соединений целесообразнее располагаться во втором эшелоне, обеспечивая функционирование пункта приёма офицерского пополнения, создавая необходимые условия для размещения прибывающих лиц

командно-начальствующего состава. Указанное время также необходимо использовать для устранения накопившихся упущений в учёте и для более детального изучения личного состава. В свою очередь во время наступления кадровикам следует находиться в

первом эшелоне, действуя в тесной взаимосвязи со штабом соединения. Подобное расположение обеспечивает оперативность в решении большинства кадровых вопросов, что положительно сказывается на результатах боевой работы частей и соединений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Применительно к ВС СССР до 1943 г. под командными кадрами понимается командно-начальствующий состав (комначсостав), а с 1943 г. — офицерский состав Красной армии, специальных родов войск, служб и управлений Народного комиссариата обороны Союза Советских Социалистических Республик.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11304. Д. 265. Л. 6.

³ Там же. Ф. 33. Оп. 11477. Д. 86. Л. 49.

⁴ Там же. Оп. 11456. Д. 689. Л. 60.

⁵ Там же. Оп. 11484. Д. 308. Л. 10, 11.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (22 июня 1941 г. — 1942 г.). Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 189, 300, 301.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 737306. Д. 11. Л. 330.

⁸ Следует отметить, что к середине 1943 г. в результате большой организаторской работы, проделанной военно-политическим руководством СССР, и постепенного накопления в Красной армии значительного количества офицеров с боевым опытом решение вопроса с резервом командного состава получило положительную динамику. Так, к началу битвы под Курском в резерве фронтов имелись около 90 тыс. офицеров всех родов войск и служб. См.: Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Под общ. ред. А.П. Белобородова. М.:

Военное издательство МО СССР, 1963. С. 311.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11484. Д. 308. Л. 27.

¹⁰ Там же. Оп. 737306. Д. 11. Л. 332—333.

¹¹ К концу войны для обеспечения успешной наступательной операции полагалось целесообразным иметь следующие резервы командного состава: в соединении (дивизия, бригада) — 15—25 офицеров, в армии, действовавшей на главном направлении, — 200—300 офицеров. Дополнительно на участке прорыва сосредоточивался фронтовой резерв в количестве 300—400 офицеров. В результате суммарный резерв всего офицерского состава на направлении главного удара насчитывал порядка 700—1000 офицеров, что, по мнению советского командования, обеспечивало интенсивное ведение боевых действий в первые наиболее напряжённые дни наступления. См.: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 737306. Д. 11. Л. 364.

¹² При трёхбатальном составе стрелкового полка получалось девять рот на полк.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 737306. Д. 11. Л. 339.

¹⁴ Там же. Л. 341—342.

¹⁵ Там же. Л. 347—348.

¹⁶ Там же. Оп. 11484. Д. 308. Л. 8—9.

¹⁷ Там же. Оп. 737306. Д. 11. Л. 349—350.

¹⁸ Согласно послевоенным данным Главного управления кадров Министер-

ства обороны СССР за период Великой Отечественной войны на курсах младших лейтенантов были подготовлены свыше 355 тыс. командиров, из них: пехоты — 318 тыс. человек, артиллерии — 20 тыс., морской пехоты береговых частей и малых кораблей ВМФ — 14,5 тыс., кавалерии — 2900 человек и т.д. См.: Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. ... С. 240.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 737306. Д. 11. Л. 350.

²⁰ Там же. Л. 350—351.

²¹ Там же. Оп. 11484. Д. 308. Л. 11.

²² Там же. Оп. 737306. Д. 11. Л. 352.

²³ Там же. Л. 360—361.

²⁴ Там же. Л. 354—355.

²⁵ Русский архив: Великая Отечественная... С. 360, 361.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11484. Д. 310. Л. 52.

²⁷ В тексте документа допущена опечатка. Согласно приказу НКО СССР от 23 августа 1941 г. № 281 представление санитаров и носильщиков к ордену «Красная Звезда» осуществлялось за вынос с поля боя 25 раненых с их винтовками или ручными пулемётами. См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (22 июня 1941 г. — 1942 г.). Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 72.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 689. Л. 234, 234 об.

²⁹ Там же. Оп. 11484. Д. 308. Л. 12.

S.A. Tarasov

«...TO EXPEDITE THE PROMOTION OF THOSE WHO DEMONSTRATED MERIT IN COMBAT AGAINST THE NAZI FORCES»

Human resourcing of combat operations of Red Army units and formations during the Great Patriotic War (1941—1945)

Information about author. Sergey Tarasov — advisor at the Russian Academy at Missile and Artillery Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: satar79@mail.ru).

Summary. The paper analyzes the place and role of personnel bodies of the People's Commissariat of Defense in organizing work with the command staff of the Soviet Armed Forces during wartime, based on documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). The study extensively delves into the activities of the personnel bodies' staff to ensure effective actions of units and formations of the Red Army in different forms of combat. The third period of the Great Patriotic War's work order is extensively researched. Authors analyze the cadre work's experience throughout the war, highlighting its significance in military construction.

Keywords: Great Patriotic War (1941—1945); People's Commissariat of Defense of the Union of Soviet Socialist Republics (NKO USSR); Armed Forces (AF); Red Army; cadre bodies; command and supervisory staff; cadre work; staffing; F. Golikov.

«НАБАТНЫЙ ПРИЗЫВ К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ»

Казахстанский опыт агитации и пропаганды
в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Аккузинов Асет Кайролдинович — докторант Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник Вооружённых сил Республики Казахстан, кандидат политических наук (Москва. E-mail: altinay_akku@mail.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты анализа документов Архива Президента Республики Казахстан, исследований советских, казахстанских и российских учёных, публикаций средств массовой информации об агитационно-пропагандистской деятельности в Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. Освещены её основные направления, формы и методы, особенности казахстанских условий, влиявшие на эту деятельность, использование газет, радио, учреждений культуры в воспитании населения, примеры работы пропагандистов и агитаторов в трудовых коллективах промышленных предприятий, колхозов и совхозов республики. Проведённое исследование привело к выводу: целенаправленная агитационно-пропагандистская деятельность в Казахской ССР достигла своей цели, сыграла большую роль в воспитании, сплочении и мобилизации казахстанцев на самоотверженное выполнение воинского долга по защите Отечества на фронте и решение народнохозяйственных задач обеспечения армии и флота для борьбы с захватчиками, на достижение победы над фашизмом.

Ключевые слова: СССР; Великая Отечественная война; Казахстан; агитационно-пропагандистская деятельность; государственные и партийные органы; общественные организации; пропагандисты; агитаторы; газеты; радиовещание; учреждения культуры; женский актив.

Суть идейно-политической деятельности в Казахской ССР в 1941—1945 гг. видный советский и казахстанский историк, академик Академии наук Казахстана М.К. Козыбаев отразил образным выражением: «Набатный призыв к защите Родины»¹. Этот набат

в годы Великой Отечественной войны пронизывал всю агитационно-пропагандистскую работу в республике, звучал призывом «к подвигу... в труде, на фронте, к победе» в написанных в 1943 году строках Государственного гимна КазССР².

Различные аспекты идеологической работы в КазССР в военные годы исследовали советские, российские и казахстанские учёные Г.А. Абишев³, А.Н. Нусупбеков⁴, Б.А. Акжанов, Т.Б. Балакаев, П.С. Белан, Н.Е. Едыгенов, К.И. Желтякова, Н.П. Калинта, М.К. Козыбаев, Т.Н. Познякова⁵, А.Б. Тасбулатов, К.Р. Аманжолов⁶, Е.А. Абиль⁷, Г.Д. Задворнов⁸, С.К. Козыбаев⁹ и др. Вместе с тем ставшие в последние годы доступными общественности сведения об агитационно-пропагандистской деятельности (АПД) в Казахской ССР освещены

недостаточно. Они открыли новые горизонты исследования роли и влияния АПД на бойцов и командиров частей и соединений Красной армии, сформированных в Казахстане, а также на трудящихся республики, выполнение ими народнохозяйственных задач обеспечения фронта и тыла.

Казахстан вместе со всем советским обществом и государством с честью выдержал тяжелейшие испытания самой масштабной и ожесточённой войной в истории¹⁰. В ходе неё потерпели сокрушительное фиаско гитлеровские планы захвата Средней Азии, Ка-

захстана и создания «Туркестанского государства»¹¹, для выполнения которых нацисты стремились разжигать вражду между народами СССР и насаждать антисоветские настроения, готовили и забрасывали шпионов и диверсантов. Отправленные в Западный Казахстан три группы гитлеровских лазутчиков (23 человека) явились в советские органы с повинной, ещё одну кучку обезвредила советская контрразведка¹².

В числе объективных научно выверенных оценок истоков и слагаемых советского патриотизма на фронте и в тылу —

выводы авторов фундаментального 12-томного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов». Они обратили внимание на добровольную мобилизацию — множество инициатив рядовых советских граждан, которые свидетельствовали об общественной солидарности в условиях нужды и бедствий военных лет, когда можно было ожидать преобладания противоположных процессов атомизации общества. Именно «единение общества и власти стало главным фактором Победы... Для поколений 1920—1940-х гг., особенно для молодёжи, ключевыми факторами, определявшими позитивное отношение к советской системе и побудившими встать на её защиту во время войны, были разительные перемены в стране, произошедшие в результате экономической, социальной и культурной модернизации 1920—1930-х гг., чувство социального оптимизма, уверенность в том, что принесённые жертвы не будут напрасными. Советское поколение, сформировавшееся в 1920—1930-е гг., не сомневалось в правоте коммунистических идей, гордилось своей Родиной, считало её лучшей в мире. Молодые граждане СССР чувствовали личную сопричастность громадным переменам в стране и по зову сердца были готовы защищать Советское государство»¹³. Таки-

ми были убеждения большинства казахстанцев. Общественно-политическая атмосфера в КазССР характеризовалась сплочённостью и нацеленностью населения на решение задач защиты Отечества на фронте, обеспечения армии и флота в тылу.

шевиков) Казахстана — Центральный комитет, обкомы, райкомы, а также первичные организации КП(б)К. Под их руководством в АПД активно участвовали комсомольские и профсоюзные организации, структуры Осоавиахима, спортивные, технические общества, коллективы профессионалов науки, образования и культуры. АПД выстраивали с учётом особенностей условий республики: многонациональности Казахстана, в котором проживали представители более 90 национальностей; культурных, религиозных традиций населения; роста удельного веса женщин среди тружеников, вызванного массовой мобилизацией мужчин в Вооружённые силы; обширности территории КазССР; слабой оснащённости телефонной и телеграфной связью. В агитационно-пропагандистской деятельности учитывали то, что часть насе-

в другие республики СССР и сопредельные страны¹⁴. Вместе с тем абсолютное большинство населения КазССР с первых дней войны делами доказывало стремление и готовность отдавать все силы защите Родины и трудиться на её благо.

Агитационно-пропагандистская деятельность в республике была нацелена на разъяснение политики Советского государства, донесение до казахстанцев правды о событиях на фронте и в тылу, в СССР и за рубежом, развитие их политического сознания, подъём трудовой и политической активности, укрепление патриотических убеждений, любви к Родине и ненависти к фашистскому агрессору. На протяжении войны во всех областях республики работали специально сформированные выездные пропагандистские бригады во главе с работниками ЦК и обкомов КП(б)К.

Общественно-политическая атмосфера в КазССР характеризовалась сплочённостью и нацеленностью населения на решение задач защиты Отечества на фронте, обеспечения армии и флота в тылу

ления Казахстана, как и других азиатских республик СССР, слабо владела русским языком, а также другие особенности. В начале войны органы государственной власти и КП(б)К были вынуждены преодолевать настроения казахстанцев, вызванные предвоенными лозунгами победы «малой кровью на чужой территории», репрессиями, годами голода и, как следствие, миграцией

10 июля 1943 года первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцов в докладе в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) СССР отметил, что «особо волнующими трудящихся республики вопросами были о причинах отступления нашей армии. Буквально не было ни одного собрания, ни одной беседы, на которых не вставали бы эти вопросы... отступление наших

Занятие с агитаторами-женщинами
г. Алма-Ата, 1942 г.

Чтение сообщения Совинформбюро труженицам одного
из колхозов Алма-Атинской обл.
1943 г.

войск вызвало у населения тревогу за судьбу Родины и за своих близких людей, находящихся на фронте. Мы тогда послали в области весь пропагандистский актив республики... областные комитеты партии также послали областной актив в районы, колхозы. С этого момента стала большая необходимость создать при отделе пропаганды и агитации ЦК постоянно действующую группу докладчиков из республиканского актива на казахском языке... в количестве 40 человек. Проведённая ими работа вселила в трудящихся бодрость и уверенность в победе Красной армии»¹⁵.

Проблемы перестройки политико-массовой, идеологической работы в военное время обсуждались в ЦК, областных и районных органах КП(б)К, партийных, комсомольских и других общественных организациях, трудовых коллективах. АПД организовывали и контролировали отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)К, обкомы и райкомы. В районах Алма-Атинской области проверки агитполитработы в июне 1942 года показали её высокую результативность. Пропагандисты и агитаторы умело учитывали национальные и профессиональные особенности аудиторий, проводили собрания трудовых коллективов, женщин, жён бойцов и командиров Красной армии, советы старейшин. В тот период обком и райкомы партии направили в аулы свыше 2000 женщин — организаторов агитполитработы. Её женщины-активистки вели безвозмездно, не получая никакой оплаты. Ими двигали патриотизм и убеждённость в необходимости этой работы.

Опыт направления из городов в сёла районных, колхозных бригадных женорганизаторов¹⁶ полностью себя оправдал. Они формировали в колхозах

женский актив, организовывали в сёлах детские учреждения — ясли, площадки, контролировали и улучшали их работу, проводили агитацию среди колхозников, активно участвовали в мобилизации домохозяек из городов на сельскохозяйственные работы и помогали им осваивать сельские специальности, адаптироваться к условиям работы в поле.

ЦК КП(б)К разработал меры улучшения политико-массовой работы на местах, в т.ч. с мобилизуемыми в ряды Красной армии, на трудовой фронт и контролировал их реализацию¹⁷.

В Алма-Атинской, Кызыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской областях собрания, встречи, лекции проводили на русском, казахском, узбекском, дунганском, уйгурском и корейском языках.

Наиболее эффективным способом политического влияния на трудящихся была устная агитация. В результате мобилизации в армию и на флот значительного количества опытных работников райкомов, горкомов и обкомов существенно изменился состав организаторов АПД, пропагандистов и агитаторов. Взамен ушедших ЦК КП(б) Казахстана привлекал к партийной работе передовиков производства и творческую интеллигенцию, что позволило укрепить агитгруппы. В 1941 году число нештатных агитаторов в КазССР составляло 50 тыс., а в 1942-м выросло до 60 тыс., 80 проц. из которых составляли коммунисты и комсомольцы¹⁸. Они вели агитационно-пропагандистскую работу на предприятиях и колхозных полях, в общежитиях, красных уголках, клубах, общественных столовых, заготовительных пунктах, организациях профсоюзов, Осоавиахима, Красного Креста,

физкультурно-спортивных и др. За два года войны в Казахстане были проведены свыше 900 тыс. бесед и встреч, суммарный охват составил около 13 млн человек¹⁹.

Действенными направлениями агитмассовой работы были встречи трудящихся с фронтовиками и переписка с ними трудовых коллективов, разъяснение населению директивных документов Государственного комитета обороны, ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, республиканских государственных и партийных органов, путей и мер выполнения требований этих документов. Отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)К разработывал тематику лекций, докладов, бесед с указанием литературы и методическими рекомендациями²⁰. Директивные документы активисты изучали в специально организованных кружках. В конце 1944 — начале 1945 года их было 22 629 с общим количеством слушателей 342 тыс.²¹ Отдел пропаганды и агитации Алма-Атинского горкома КП(б)К для повышения идейно-теоретического уровня партактива в мае 1944 года организовал при райкомах партии вечерние партийные школы. В них за 7 месяцев провели 29 занятий, обучили 270 активистов²².

Практика АПД отражена в докладе секретаря Гурьевского обкома КП(б) по пропаганде и агитации С. Тюлебаева (отчество в архивных документах не указано) секретарю ЦК КП(б)К М.А. Абдыкалыкову «О ходе разъяснения и изучения приказа Сталина о 27 годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции», датированном 5 января 1945 года. Тюлебаев сообщил, что на основе постановлений ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)К бюро обкома 16 ноября 1944 года приняло

специальное постановление, предусмотрев конкретные мероприятия. 20—30 ноября того же года во всех районах области провели собрания городских и районных партийных активистов. На них с докладами выступили секретари и члены бюро обкома, председатель облисполкома и его заместитель, первые секретари райкомов КП(б)К и др.²³

В числе важных проблем была организация АПД в колхозах, нацеленной на повышение результативности сельхозработ. Уход в армию большого числа сельских агитаторов потребовал помощи городских парторганизаций. В 1942—1943 гг. около 20 тыс. горожан-агитаторов дополнили трудовые коллективы колхозов и совхозов, участвовали в сельскохозяйственном производстве, проводя агитацию на общественных началах, без оплаты, в свободное от работы время²⁴. В их числе были члены ВЛКСМ, направленные в сёла в соответствии с постановлением бюро ЦК КП(б)К от 4 марта 1943 года «О мобилизации двух тысяч комсомольцев-активистов на постоянную работу в колхозы республики»²⁵.

С агитаторами, направленными в сельскую местность, проводили недельные совещания-семинары, изучали задачи и формы политической агитации на селе, конкретные аспекты сельхозпроизводства (укрепление трудовой дисциплины, агроминимум²⁶, механизация сельского хозяйства и др.), актуальные международные проблемы. Агитаторов, выезжавших из городов на сельскохозяйственные работы, снабжали небольшими библиотечками художественной и политической литературы.

Многие посланцы городских трудовых коллективов показа-

Слева направо: артист Н.К. Черкасов в роли Ивана Грозного, режиссёр С.М. Эйзенштейн и кинооператор Э.К. Тиссэ на съёмках одного из эпизодов фильма «Иван Грозный», которые начались в 1943 г. и проходили в Алма-Ате

Представители трудящихся Казахстана привезли новогодние подарки воинам 8-й гвардейской стрелковой дивизии им. Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова
1942 г.

Красноармеец Ержанов читает сослуживцам газету на казахском языке

ли себя умелыми организаторами и завоевали доверие колхозников. Основными формами их работы были беседы и читки, доклады, вечера вопросов и ответов, консультации, индивидуальные беседы, выпуск боевых листков и стенгазет, в которых освещались производственные показатели бригад и отдельных колхозников²⁷.

Так как в ЦК КП(б)К не было штатной пропагандистской группы, начиная с весенней посевной 1942 года отдел пропаганды и агитации Центрального комитета и обкомы формировали из профессорско-преподавательского состава вузов и научно-исследовательских учреждений, находившихся в КазССР, и направляли во все районы республики нештатные агитпропгруппы (по 5—8 пропагандистов в каждой) общей численностью более 100 человек²⁸. Они активно работали с населением и обучали сельских агитаторов.

Роль промышленности Казахстана в обеспечении потребностей фронта и народного хозяйства страны обусловила требования к содержанию и эффективности АПД в трудовых коллективах заводов и фабрик, шахтёров, железнодорожников и др. В них насчитывалось свыше 25 тыс. агитаторов²⁹. Из форм работы особенно эффективными оказались вечера вопросов и ответов. Их организовывали первичные парторганизации. Перед каждым вечером партторги вместе с агитаторами заранее оповещали коллективы предприятий и собирали вопросы трудящихся. Исходя из их содержания подбирали компетентных специалистов. Например, узловой партком станции Джамбул, собрав 92 вопроса, привлёк к участию в вечере для ответов на них начальников депо и отделения милиции, секретаря партбюро,

председателя месткома, врача поликлиники, лектора обкома и др. Список докладчиков был объявлен коллективу за несколько дней до вечера. Он вызвал большой интерес. Труженики остались довольны полученными ответами.

На этом диалог руководства и парторганизаций с коллективами предприятий о проблемах, поднятых трудящимися, не заканчивался. По ним проводились лекции, доклады, беседы, обсуждения насущных вопросов улучшения организации производства и устранения недостатков³⁰.

Высокую оценку получил опыт, накопленный на предприятиях Джамбульской области. Там хорошие результаты приносили ежедневные подведения итогов работы предприятия, каждого цеха, бригады и работника. Агитаторы вели решительную борьбу с бракоделами, добиваясь изменения их отношения к делу, полного и качественного выполнения норм³¹.

ЦК, обкомы, райкомы и парторганизации КП(б) Казахстана умело организовывали распространение опыта передовиков производства. Так, на Ачисайский рудник дважды приглашали с Урала знатного забойщика, орденоносца И.П. Янкина. Он в забое демонстрировал коллегам передовые приёмы работы и помогал осваивать их. Это значительно повышало выработку. Аналогично передавал свой опыт знатный бурильщик Лениногорского рудника Г.Г. Хайдин³².

Немалый вклад в выполнение производственных планов предприятиями КазССР, агитацию и пропаганду в трудовых коллективах вносила молодёжь. ЦК ЛКСМ Казахстана в справке о работе молодёжи в промышленности республики, направленной в отдел агитации и пропаганды ЦК

КП(б)К 4 октября 1943 года, отметил, что «комсомольские организации промышленных предприятий республики проделали большую работу... повысилась активность комсомольцев и молодёжи на производстве... их ответственность за выполнение государственных планов... на промышленных предприятиях республики работают 31 382 комсомольца»³³.

Агитаторы и пропагандисты активно использовали в своей работе стенную печать. Стенгазеты выпускали на всех предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. С их редакторами райкомы партии регулярно проводили совещания, организовывали смотры

казахстанская пресса³⁵. В годы войны в КазССР издавались 229 газет (2 республиканские, 27 областных, 3 городские, 197 районных, из них более половины — 126 — на казахском языке) общим разовым тиражом 664 830 экземпляров, а также на железнодорожном транспорте, крупных предприятиях, шахтах Караганды 44 малотиражки общим тиражом 30 300 экземпляров³⁶. Эвакуационные и воинские эшелоны обеспечивали газетами и листовками со сводками Совинформбюро, свежей информацией об обстановке на фронте и в тылу агитаторы, которые круглосуточно дежурили на станционных агитпунктах, созданных по

Дефицит инженерно-технических кадров в типографиях республики, вызванный мобилизацией полиграфистов на фронт, устранили направлением в них выпускников Московского полиграфического института

стенгазет. В 1944 году по итогам смотра лучшими признали стенгазеты находившихся в столице республики Алма-Атинского завода тяжёлого машиностроения, мединститута, трикотажной фабрики, республиканского Наркомата совхозов, Казахского филиала Академии наук СССР, киностудии, Горно-металлургического института³⁴.

В числе важнейших инструментов мобилизации трудящихся на усиление помощи фронту и выполнение производственных планов трудовыми коллективами была

указанию секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова³⁷.

Газеты в республике печатали подчинённые Управлению полиграфии и издательств при Совнаркоме Казахской ССР 4 республиканские, 13 областных, 2 городские и 197 районных типографий. Дефицит инженерно-технических кадров в типографиях республики, вызванный мобилизацией полиграфистов на фронт, устранили направлением в них выпускников Московского полиграфического института.

Пресса Казахстана с началом войны перестроила свою рабо-

ту и вносила весомый вклад в АПД в республике. Редакции газет активизировали информационное обеспечение деятельности государственных и партийных органов, усилили связи с трудящимися, пополнили свой авторский актив новыми нештатными корреспондентами — фронтовиками и производственниками. Постоянно публиковали письма фронтовиков землякам и ответы на них передовиков промышленного и сельского производства. К примеру, авторский актив «Казахстанской правды» на фронтах насчитывал более 200 командиров и бойцов Красной армии. Они писали о героических делах воинов-казахстанцев в боях. Корреспондент газеты находился в 8-й гвардейской

стрелковой дивизии им. Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова, с которой редакция поддерживала тесные связи. Дзямбульские газеты сообщали о подвигах бывшего тракториста, снайпера старшины И. Сулейменова, истребившего 239 гитлеровцев. Коллеги-трактористы Дзямбульской МТС написали герою письмо о своём обязательстве перевыполнить план тракторных работ в ходе весеннего сева. И сдержали слово. Дзямбульская МТС стала одним из лидеров в области³⁸.

На фронт направляли журналистов-казахов. Там с ноября 1942 года издавали газеты на казахском языке³⁹. На Западном фронте — газету «Қызыл әскер ақиқаты» («Красноармейская правда»), Брянском

— «Жауды жоюға» («На разгром врага»), Калининском, позже 1-м Прибалтийском — «Жауға қарсы аттан» («Вперёд на врага»), Волховском, затем 2-м Белорусском — «Майдан ақиқаты» («Фронтовая правда»), 1-м Украинском — «Отан намысы үшін» («За честь Родины»), Ленинградском — «Отан күзетінде» («На страже Родины»), 1-м Белорусском — «Қызыл Армия» («Красная армия»), 2-м Прибалтийском — «Суворовшы» («Суворовец»), 3-м Украинском — «Совет жауынгері» («Советский воин»), 4-м Украинском — «Сталин туы» («Сталинское знамя»), Карельском — «Отан үшін ұрысқа» («В бой за Родину»), Дальневосточном — «Дабыл» («Тревога»), Забайкальском — «Майдан

Фрагмент картины «Подвиг гвардейцев-панфиловцев»
Художник В.Е. Памфилов

шегінде» («На боевом посту»), в панфиловской 8-й гвардейской стрелковой дивизии — «Отан үшін» («За Родину»)»⁴⁰.

Действенным средством информирования населения, агитации и пропаганды было радиовещание. В последнем предвоенном году Казахстан располагал 151 тыс. радиоприёмных точек (приёмников и точек трансляции), занимая по их числу четвёртое место среди союзных республик⁴¹. Правда, техническая оснащённость казахстанского радио была слабой. Недостатки материально-технической базы радиотрансляции — отсутствие комплектующих частей к репродукторам и радиоприёмникам, батарей и аккумуляторов, нехватка репродукторов, горючего для двигателей генераторов. Это не позволяло использовать радиоузлы с полной нагрузкой, обеспечивать все райцентры и крупные колхозы радиовещанием. Как выход из положения было организовано местное вещание по телефонным проводам в 82 районах с охватом 610 сельсоветов и колхозов⁴².

В работе радиоузлов активно участвовали руководящие работники⁴³. Она находилась под пристальным вниманием отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)К, который 30 августа 1941 года утвердил мероприятия по улучшению радиовещания и массовой трансляционной работы в областных и районных центрах республики. Был усилен кадровый состав областных и районных уполномоченных республиканского радиокомитета. Под партийным контролем находилось вещание действовавших в республике радиоузлов республиканских и союзных наркоматов связи, путей сообщения, совхозов, земледелия, Всесоюзного

центрального совета профсоюзов⁴⁴.

Ежедневное радиовещание составляло 16 часов, из них 9 занимали республиканские передачи, в т.ч. 5 ч 13 мин — политической тематики. Активно практиковались радиомитинги⁴⁵. В их числе — посвящённые обороне Ленинграда, помощи казахстанцев Сталинграду, антифашистские радиомитинги учителей, молодёжи и др. Часто по радио транслировали выступления фронтовиков⁴⁶.

С началом войны претерпела изменения работа учреждений культуры. Эвакуированные в начальный период войны в столицу КазССР киностудии «Ленфильм», «Мосфильм» и созданная в 1941 году Алма-Атинская киностудия (художественных фильмов) вошли в Центральную объединённую киностудию. Она работала в Алма-Ате до 1944 года, выпустив в годы войны 80 проц. всех отечественных художественных фильмов⁴⁷, в т.ч. «Оборона Царицына», «Парень из нашего города», «Котовский», «Секретарь райкома», «Ленинградцы», «Она защищает Родину», «Воздушный извозчик» и др. В республике функционировали 49 городских кинотеатров, 765 киноустановок, включая 186 сельских и 183 клубные, 347 кинопередвижек⁴⁸.

В Казахстан в 1941—1943 гг. эвакуировались 19 театров. В том числе из Москвы в Алма-Ату — им. Моссовета, из Киева в Семипалатинск — имени Ивана Франко, в Караганду — Киевский драматический театр и др. Это увеличило количество театров в Казахстане до 51 (6 республиканских, 16 областных, 11 городских, 18 самодеятельных колхозно-совхозных). Во время войны в них были поставлены патриотические пьесы «Русские люди», «Война», «Оле-

ко Дундич», «Фельдмаршал Кутузов», «Надежда Дурова», «Фронт» и др. Драматурги совместно с театральными коллективами создали ряд постановок, посвящённых героям Великой Отечественной войны⁴⁹. В их числе на сцене Государственного академического казахского театра драмы — «Сын Сагатта» (автор М.О. Ауэзов), «Песня Победы» (С.М. Муқанов), «Кыратылык» («Крайность», А. Абишев, отчество этого казахского советского писателя не указали⁵⁰). Крупным достижением по содержанию, режиссёрскому решению и актёрскому исполнению стала посвящённая 8-й гвардейской стрелковой дивизии пьеса «Намыс Гвардиясы» («Гвардия чести», М.О. Ауэзов и А. Абишев, постановщик М.И. Гольдблат)⁵¹. Для создания пьесы Абишев был командирован на фронт, в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию, где изучал жизнь гвардейцев. В пьесе убедительно раскрыты образы Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова и воинов дивизии — участников разгрома врага под Москвой.

Коллективы театров активно выступали на предприятиях, в госпиталях, колхозах и совхозах, а также отправили на фронт 8 актёрских бригад. С неизменным успехом проходили их выступления⁵² на разных фронтах, перед защитниками Москвы, Сталинграда, Ленинграда, красноармейцами — освободителями европейских стран от фашистского рабства. Приезжая с фронтов, артисты из фронтовых бригад на собраниях трудящихся рассказывали о подвигах бойцов и командиров в боях и передавали наказы фронтовиков землякам — трудящимся тыла.

В числе ярких примеров служения Родине, искусству и народу — творчество заме-

чательной казахской оперной певицы Р.Т. Баглановой. Во фронтовых творческих бригадах она поднимала боевой дух командиров и бойцов исполнением народных казахских песен, произведений советских композиторов и помогала выносить с поля боя раненых солдат, была участником концерта 9 мая 1945 года в Берлине⁵³.

За годы войны свыше 300 патриотических песен создали народные певцы — акыны. Многие из них ездили по аулам, своими выступлениями призывая земляков к защите Родины и самоотверженному труду. Карагандинский обком применял пользовавшуюся большой популярностью форму публичного состязания акынов «Айтқыс», в котором они в поэтической форме сравнивали результаты труда шахтёрских коллективов и звали их на трудовые подвиги⁵⁴.

Среди народных акынов выделялся престарелый орденосец Нурпеис Байганин. Он неумоимо создавал талантливые песни о подвигах героев-фронтовиков и ударном труде в тылу. Выдающимся агитатором и пропагандистом в искусстве был долгожитель народный акын Джамбул. Его песенные обращения к самым животрепещущим вопросам поддерживали и укрепляли патриотические убеждения и чувства фронтовиков и тружеников тыла. На всю страну звучали песни Джамбула «Поэма любви и гнева», «Москве», «Приказ Родины»⁵⁵, «Ленинградцы, дети мои!» и др. Песенное обращение к жителям и защитникам осаждённой врагом невиской твердыни, изданное листовками и расклеенное на улицах блокадного города, стало ярким выражением их всенародной поддержки.

Анализ агитационно-пропагандистской деятельности в

Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны привёл к следующим выводам.

Руководящую роль в организации и совершенствовании АПД играли структуры государственной власти и Компартии (большевиков) Казахстана. В ней участвовали комсомольские и профсоюзные организации, оборонное, спортивные, технические общества, коллективы учреждений образования, науки и культуры.

Содержание, формы и методы АПД совершенствовались на основе предшествовавшего опыта этой деятельности, соответствовали обстановке, задачам военного времени и особенностям Казахстана. Её вели на русском, казахском, узбекском, дунганском, уйгурском и корейском языках.

Численность агитаторов и пропагандистов в КазССР к середине войны достигла 60 тыс. Подавляющее большинство из них занимались АПД безвозмездно, на общественных началах. Часть этого актива из профессорско-преподавательского состава вузов и научно-исследовательских учреждений была сосредоточена в нештатных агитпроп-группах. К АПД привлекали передовиков производства и творческую интеллигенцию. В ней участвовали более 33 тыс. комсомольцев, направленных на работу в промышленность и сельское хозяйство республики.

Эффективными средствами пропаганды и агитации в КазССР были пресса и радио, возможности использования которого в агитационно-пропагандистской деятельности и размер его слушательской аудитории в республике расширили организацией местного вещания по телефонным проводам.

Вклад в АПД, патриотическое воспитание населения

на протяжении всей войны вносили деятели науки, образования и культуры — учёные и педагоги, писатели, поэты и драматурги, композиторы и актёры, народные акыны, коллективы казахстанских и эвакуированных в республику вузов, театров и Центральной объединённой киностудии.

Эффективность агитационно-пропагандистской деятельности в КазССР наряду с другими факторами была обусловлена тем, что её содержание соответствовало убеждениям абсолютного большинства населения республики, морально-политической атмосфере в казахстанском обществе. Вместе со всей советской страной Казахстан выдержал тяжелейшие испытания войной благодаря патриотизму и сплочённости казахстанцев, единению общества и власти, основой которого были любовь к Отечеству и вера в него, объективная оценка перемен народной жизни в результате социально-экономического развития 1920—1930 гг., стремление и готовность защищать эти достижения, чувство социального оптимизма и нацеленность на решение задач защиты Родины на фронте, обеспечения армии и флота в тылу.

Активная многоплановая агитационно-пропагандистская деятельность в Казахстане в 1941—1945 гг. укрепляла моральный дух казахстанцев и способствовала достижению ими боевых и трудовых успехов, определивших вклад республики в Победу СССР в Великой Отечественной войне.

Иллюстрации из Центрального государственного архива кинофотодокументов и звукозаписи Республики Казахстан и с сайтов: riamediabank.ru; rg.ru; drive2.ru; old.vecher.kz.

¹ Козыбаев М.К. Идеинный арсенал партии в действии. Гл. 3. Набатный призыв к защите Родины // Казахстан — арсенал фронта. Алма-Ата, 1970. С. 166.

² Государственный гимн Казахской ССР // Российская государственная библиотека. URL: <http://simvolika.rsl.ru/index.php?doc=809>; История гимна Казахстана // ИА «Объектив Восток». 2020. 4 июня. URL: <https://obvk.kz/>.

³ Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945). Дисс. ... докт. ист. наук. Алма-Ата, 1959. 631 с.

⁴ Нусупбеков А.Н. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической Республике. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1953. 99 с.

⁵ Акжанов Б.А., Балакаев Т.Б., Белан П.С., Едыгенов Н.Е., Желтякова К.И. и др. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 в 2 т. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1964. 595 с.

⁶ Тасбулатов А., Аманжолов К. Военная история Казахстана: очерки. Алматы: Рауан, 1998. 175 с.

⁷ Абиля Е.А. История государства и права Казахстана: курс лекций. 3-е изд. Караганда: Учебная книга, 2005. 256 с.

⁸ Задворнов Г.Д. Роль и место идеологической работы в психологическом противоборстве в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 19. 2017. № 3(2). С. 308—312.

⁹ Козыбаев С.К. Опалённая войной: казахская фронтовая печать. Алматы: Экономика, 2010. 272 с.

¹⁰ См.: Козыбаев М.К. Компартия Казахстана в боевом строю // Избранные труды в 2 т. Т. 1. Алматы: Елтаным, 2015. С. 74—167; он же. Идеинный арсенал партии в действии // Там же. С. 168—237; он же. В одной руке — меч, в другой — молот // Там же. С. 238—337; Аккузинов А.К. Деятельность высших учебных заведений Казахстана по подготовке военно-обученного резерва в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2023. №4; он же. Подготовка военных кадров на территории Казахстана в годы Великой

Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2023. №7.

¹¹ Козыбаев М.К. Идеинный арсенал партии в действии. С. 168, 169.

¹² Там же.

¹³ Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 10. М.: Кучково поле, 2014. С. 20.

¹⁴ Козыбаев М.К. Идеинный арсенал партии в действии // Избранные труды. Т. 1. С. 173.

¹⁵ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 4.

¹⁶ В 1942—1943 гг. во всех обкомах и крайкомах были введены должности жен-организаторов, в горкомах и райкомах партии — должности инструкторов по женской работе, в колхозах создавались женсоветы. 1 октября 1944 г. женщины составляли 55 проц. в аппаратах верховных советов и совнаркомов союзных республик, 60,9 проц. в областных и краевых исполкомах, 76,5 проц. в городских и районных Советах депутатов трудящихся. См.: Скуридина Я.И. Правовой статус женщин в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2017. С. 13.

¹⁷ АП РК. Ф. 708. Оп. 5. Д. 738. Л. 31—35.

¹⁸ Там же. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 8.

¹⁹ Там же. Оп. 7. Д. 86. Л. 105.

²⁰ Там же. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 3, 4.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Оп. 9. Д. 1336. Л. 107.

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ Там же. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 12.

²⁵ Там же. Оп. 7. Д. 57. Л. 137.

²⁶ Агроминимум — совокупность самых необходимых знаний в области сельского хозяйства.

²⁷ АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ Там же. Л. 16.

³⁰ Там же. Л. 17.

³¹ Там же. Л. 18.

³² Там же. Л. 19.

³³ Там же. Ф. 812. Оп. 7. Д. 2489.

Л. 201—203.

³⁴ Там же. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1336. Л. 10.

³⁵ Козыбаев С.К. Указ. соч. С. 9.

³⁶ АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 36.

³⁷ Там же. Ф. 185. Оп. 6. Ед. хр. 2849.

Л. 95.

³⁸ Там же. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 36, 37.

³⁹ Приказ НКО СССР от 13 мая 1942 г. № 0379 «Об издании газет на Юго-Западном, Южном и Брянском фронтах на грузинском, армянском, азербайджанском и казахском языках» // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 229; Приказ НКО СССР от № 0457 8 июня 1942 г. «Об издании при политуправлении Северо-Западного фронта газет на казахском и татарском языках» // Там же. С. 252.

⁴⁰ Козыбаев С.К. Указ. соч. С. 17.

⁴¹ Радиовещание и телевидение // Большая советская энциклопедия в 30 т. 3-е изд. Т. 24. Кн. II. СССР. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 418.

⁴² АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 39.

⁴³ Там же. Л. 37, 38.

⁴⁴ Козыбаев М.К. Идеинный арсенал партии в действии // Избранные труды. Т. 1. С. 200. URL: <https://evartist.narod.ru/>.

⁴⁵ Радиомитинг (радиособрание) — жанр радиожурналистики, передача, включающая выступления представителей разных слоёв населения о важных событиях или актуальных проблемах. Подробнее см.: Словарь терминов радиовещания // Радиожурналистика. М.: Изд-во МГУ, 2000.

⁴⁶ АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 38.

⁴⁷ История киностудии «Ленфильм». URL: <https://oli-da.livejournal.com/1837405.html>.

⁴⁸ АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 39, 40.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См., например: Абишев Альжаппар // Большая советская энциклопедия в 30 т. 3-е изд. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 22.

⁵¹ АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190.

⁵² Там же. Л. 41.

⁵³ 100 лет Розе Баглановой // Официальный электронный ресурс Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/33rFmg>.

⁵⁴ АП РК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 190. Л. 41, 42.

⁵⁵ Там же.

A.K. Akkuzinov

«THE DRUM CALL TO THE DEFENSE OF THE MOTHERLAND»

Kazakhstan's experience with agitation and Propaganda during the Great Patriotic War

Information about author. Aset Akkuzinov — doctoral student at the Military Academy of the General Staff of the RF AF, colonel of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan, Cand. Sc. (Pol.) (Moscow. E-mail: altinay_aku@mail.ru).

Summary. The paper discusses the findings obtained from analyzing documents from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, as well as studies conducted by Soviet, Kazakhstani, and Russian scholars, and mass media publications on propaganda and propaganda activities in the Kazakh SSR during the Great Patriotic War. The publication covers the primary directions, forms, and methods of the activity, as well as the unique aspects of Kazakhstani conditions that impacted it. It examines the utilization of newspapers, radio, and cultural institutions in educating the population, while also providing examples of the efforts of propagandists and agitators in labor collectives of industrial enterprises and collective and state farms in the republic. The conducted research led to the conclusion that purposeful agitation and propaganda activities in the Kazakh SSR were successful in achieving their objectives. They played a pivotal role in educating, unifying, and mobilizing the Kazakh people for the selfless fulfillment of their military duty to protect their country and solve national economic tasks to support the army and navy in fighting the invaders, ultimately achieving victory over fascism.

Keywords: USSR; Great Patriotic War; Kazakhstan; agitation and propaganda activity; state and party bodies; public organizations; propagandists; agitators; newspapers; radio broadcasting; cultural institutions; women's activity.

НЕ ДОШЕДШИЕ ДО ПОБЕДЫ

Боевые потери РККА при освобождении Польши в 1944—1945 гг.: просопографический анализ

Сведения об авторе. Бушуев Алексей Сергеевич — учёный секретарь Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (г. Казань. E-mail: a.bushuev81@gmail.com).

Аннотация. В статье на основе математико-статистического анализа базы данных, содержащей сведения о 951 бойце и командире Красной армии, захороненном на воинском кладбище в г. Сувалки (Подляское воеводство Польши), составлен просопографический портрет красноармейцев, погибших при освобождении северо-восточных районов Польши от фашистов в ходе Гумбинненской и Инстербургско-Кёнигсбергской наступательных операций летом 1944 — зимой 1945 года. В результате проведённого исследования установлены особенности возрастного и кадрового состава погибших, места их рождения, призыва и другие характеристики. Представленные в публикации материалы позволяют частично восполнить существующий историографический пробел в изучении качественного состава боевых потерь РККА на завершающем этапе Великой Отечественной войны, в частности в ходе освободительной миссии Красной армии в Польше.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Вторая мировая война; РККА; Красная армия; освобождение Польши; 3-й Белорусский фронт; 31-я армия; боевые потери.

Исследование боевых потерь Красной армии по целому ряду причин в последние годы стало одной из ключевых тем в изучении истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Большая работа в этом направлении проделана не только при анализе общих потерь РККА за все военные годы¹, но и в рамках отдельных воинских частей², войсковых операций³, а также границ регионов⁴. Чаще всего подобные исследования опираются

на сведения из полковых и дивизионных донесений о понесённых потерях и больше говорят о количественном, нежели о качественном составе погибших.

В данной статье автор стремится восполнить этот пробел, рассматривая особенности социального состава боевых потерь Красной армии при освобождении северо-восточных районов Польши на подступах к Восточной Пруссии в 1944—1945 гг.

Речь идёт о районе Польши на сувалкском направлении, где Красная армия столкнулась с ожесточённым сопротивлением противника на завершающем этапе войны. Освободив территорию Советской Белоруссии, в июле 1944 года она вышла на рубежи государственных границ. Наиболее тяжёлые, кровопролитные бои продолжались здесь летом—осенью. Основной удар приняли на себя войска 3-го Белорусского фронта, и прежде всего 31-й общевойсковой армии под

командованием Героя Советского Союза генерал-полковника В.В. Глаголева⁵.

31-я армия, выйдя в августе 1944 года в район г. Сувалки (ныне Подляское воеводство Польши), заняла оборону и начала подготовку Гумбинненской наступательной операции, которая продолжалась с 16 по 30 октября 1944 года⁶. За две недели боёв в ходе этой операции войска 3-го Белорусского фронта прорвали оборону противника в приграничном районе и вторглись на территорию Восточной

Пруссии на глубину до 50 км и до 140 км по фронту. При этом они понесли значительные потери в живой силе и технике: людские потери составили 79,5 тыс. человек, в т.ч. 16,8 тыс. человек — безвозвратные потери⁷. В конце октября — декабре 1944 года фашисты предприняли ряд контрударов, частично отбив ранее занимавшиеся ими позиции. Следующий этап кровопролитных наступательных боёв РККА на участке в районе Мазурских озёр пришёлся на зимние месяцы 1945 года,

когда была начата Восточно-Прусская наступательная операция. Таким образом, войска 3-го Белорусского фронта понесли значительные людские потери в боях за освобождение этих земель летом—осенью 1944 года, зимой 1944/45 года.

Многие из погибших в этих боях солдат и офицеров были захоронены на кладбище в д. Кшивулька Сувалкского повета Подляского воеводства, ныне административно входящей в состав г. Сувалки. На сегодняшний день это одно из крупнейших советских воинских захоронений из всех известных подобных объектов, которых на территории Подляского воеводства насчитывалось 91. По имеющимся сведениям, здесь покоятся 51 136 человек⁸.

Кладбище возникло в 1942 году как место упокоения замученных фашистами советских военнопленных, содержащихся в концентрационном лагере в Сувалках (Stalag I-F), который действовал в 1941—1944 гг. Кроме 46 тыс. узников Stalag I-F, после окончания войны на кладбище в Кшивульке перезахоронили останки 5136 бойцов РККА, погибших при освобождении различных населённых пунктов Сувальщины. Сюда из парка Конституции 3 мая перенесли останки бойцов 173-й стрелковой дивизии, освободившей город 23 октября 1944 года.

В результате изучения списков погибших и захороненных на данном кладбище и поиска дополнительной информации

о них по полковым донесениям о потерях Красной армии на этом участке фронта удалось составить базу данных, содержащую сведения о 951 красноармейце, упокоенном здесь. Проведённая автором математико-статистическая обработка этой базы данных позволила составить просопографический портрет солдат и офицеров РККА, погибших на Сувальщине. В частности, было установлено, что большую часть погибших в боях за освобождение Сувалок и близлежащих населённых пунктов составили уроженцы трёх крупнейших союзных республик — РСФСР (41,2 проц.), Белорусской (34,8 проц.) и Украинской ССР (17 проц.).

Уроженцы РСФСР (392 человека) представляли 57 ре-

Картограмма мест рождения красноармейцев — уроженцев РСФСР, погибших и захороненных в Сувалках

Цифрами на карте обозначены:	
1-5 чел. (0,1-0,5%)	1 г. Санкт-Петербург
6-10 чел. (0,6-1,1%)	2 Псковская обл.
11-30 чел. (1,2-3,2%)	3 Новгородская обл.
31-50 чел. (3,2-5,2%)	4 Смоленская обл.
> 50 чел. (5,3%+)	5 г. Москва
	6 Московская обл.
	7 Ярославская обл.
	8 Брянская обл.
	9 Калужская обл.
	10 Орловская обл.
	11 Тульская обл.
	12 Владимирская обл.
	13 Ивановская обл.
	14 Костромская обл.
	15 Курская обл.
	16 Липецкая обл.
	17 Рязанская обл.
	18 Нижегородская обл.
	19 Белгородская обл.
	20 Воронежская обл.
	21 Тамбовская обл.
	22 Респ. Мордовия
	23 Пензенская обл.
	24 Чувашская Респ.
	25 Респ. Марий Эл
	26 Ульяновская обл.
	27 Респ. Татарстан
	28 Самарская обл.
	29 Краснодарский край
	30 Ростовская обл.
	31 Волгоградская обл.
	32 Ставропольский край
	33 Астраханская обл.
	34 Респ. Сев. Осетия - Алания

© Бушуев А.С., 2022.

Составлена по итогам анализа базы данных военного кладбища в Сувалках, наработанной автором в ходе поездки на места захоронений. Публикуется впервые.

гионов. Из Центрального и Центрально-Чернозёмного районов была почти половина всех погибших под Сувалками, из Волго-Вятского района с Поволжьем — пятая часть, на Уральский регион приходится каждый десятый погибший, на Сибирь — седьмая часть бойцов. В небольшом количестве имеются уроженцы Северного Кавказа (4,6 проц.) и Северо-Запада РСФСР (3,3 проц.). Более подробная информация по местам рождения представлена на картограмме.

География мест призыва также весьма обширна, но имеет и свою специфику. Распределение между союзными республиками другое: доля РСФСР в общей массе меньше на 6,9 проц., Украинской ССР — на 2,3 проц., а Белорусской

ССР, наоборот, больше на 8,8 проц.

Практически все уроженцы Белорусской ССР (98,2 проц.) были призваны в пределах родной для них республики. Межобластные перемещения при мобилизации и призыве были незначительными. Призывные ресурсы лишь частично стягивались в г. Минск и Минскую область перед отправкой на фронт: отсюда призваны 38,1 проц. уроженцев Гомельской, 24,1 проц. — Могилёвской, 18 проц. — Витебской области. В самой Минской области ресурсы стягивались в столичный город — отсюда ушёл на фронт каждый пятый уроженец области.

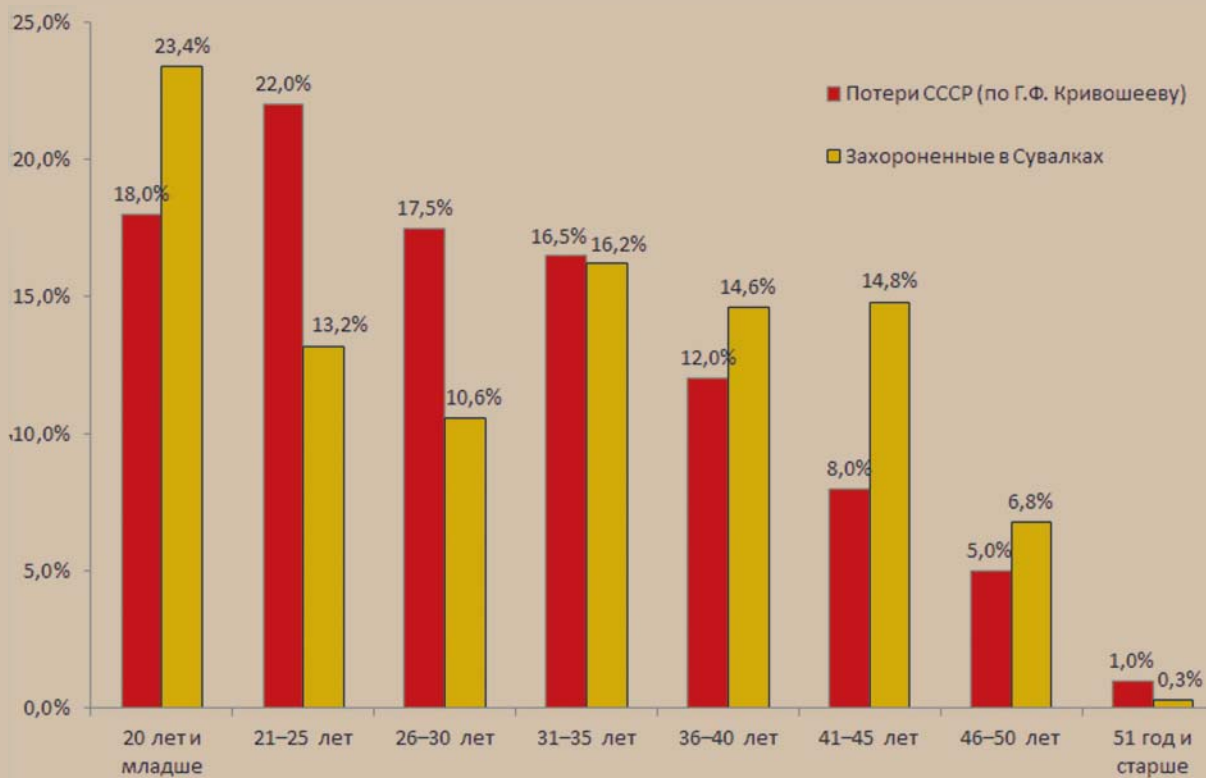
В Украинской ССР в отличие от Белоруссии доля уроженцев, призванных по месту рожде-

ния, была ниже и составила 85,1 проц. При этом практически все призванные в УССР красноармейцы (97,9 проц.) родились здесь же — среди них крайне редко встречаются уроженцы других союзных республик. Также межобластные перемещения здесь существенно ниже, чем в Белоруссии, нет и стягивания призывных ресурсов в Киевскую область, а из немногочисленных уроженцев г. Киева никто не призывался в нём.

В РСФСР 69,3 проц. граждан призывались по месту рождения. Лишь в двух из 10 районов 100 проц. уроженцев призывались в этих же районах — Восточно-Сибирском и Дальневосточном, что объясняется сложностями транспортной доступности указан-

Диаграмма 1

Возрастной состав безвозвратных боевых потерь СССР в годы Великой Отечественной войны и захороненных в Сувалках

Составлена по: Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 236.

ных регионов. Волго-Вятский регион также демонстрирует высокую долю (80,6 проц.) уроженцев, призванных по месту рождения.

В остальных регионах РСФСР картина иная. Треть уроженцев Центрального, Поволжского, Уральского и Западно-Сибирского районов, а также более половины Центрального Черноземья и Северного Кавказа были призваны на фронт из других регионов страны. Это было обусловлено многими причинами, в т.ч. миграцией населения в предвоенные и военные годы. Это добровольно-вынужденные перемещения, связанные с военно-мобилизационными предписаниями и трудовой мобилизацией, принудительные перемещения, стихийная трудовая миграция и плановые перемещения населения (в основном сельского), весьма распространённые ещё с предвоенного времени⁹. Военно-мобилизационная миграция также не была однородной. Воинские части формировались в разных регионах страны, поэтому до отправки на фронт в них могли направляться призывные резервы из других регионов¹⁰.

Призыв не по месту рождения был характерен не только в рамках РСФСР, но и в рамках всего Советского Союза. Например, каждый пятый уроженец РСФСР был мобилизован с территории Белоруссии.

Ещё одной важной характеристикой социального состава бойцов РККА является их возраст. Почти каждый пятый боец погиб в возрасте 18—19 лет, каждому третьему не удалось исполниться и 25 лет, а три четверти погибли в возрасте до 40 лет. Средний возраст погибших красноармейцев — 31 год, медианный возраст — 32 года. Таким образом, наибольшие потери пришлись на самый

молодой и перспективный с точки зрения демографического потенциала возраст — на только что оказавшихся на фронте, поэтому не самых опытных солдат.

Чтобы сравнить потери Красной армии при освобождении Сувалок и близлежащих населённых пунктов с общими потерями Вооружённых сил страны в годы войны, нами проведена группировка по возрастным интервалам, предложенным в исследовании Г.Ф. Кривошеева (см. диаграмма 1).

Несмотря на общую характерную особенность, выражающуюся в преобладании воинов молодых возрастов среди боевых потерь Красной армии, есть и некоторые отличия. В Сувалках выше (на 5,4 проц.) среди погибших доля 18—20-летних солдат, а доля 21—25-летних и 26—30-летних ниже. Выше и доля всех возрастов старше 35 лет (за исключением последней группы — тех, кто был старше 50 лет). Если доля погибших в возрасте до 35 лет включительно в СССР составляет 74 проц., то в Сувалках — лишь 63,5 проц. Доля погибших до 40 лет включительно — 86 и 78,1 проц. соответственно. Таким образом, доля старших возрастных групп среди захороненных в Сувалках на 10,5 проц. превышает аналогичную долю среди всех безвозвратных потерь РККА за годы Великой Отечественной войны. Особенно многочисленными среди старших возрастных групп были уроженцы 1900—1906 гг., которым в 1944—1945 гг. было от 38 до 45 лет.

Одними из факторов повышенной гибели молодых бойцов на фронте, безусловно, являлись их неопытность и эмоциональность, стремление к совершению героических по-

ступков. Они, однако, были свойственны молодым бойцам на всех этапах войны, а значит, не могут оказать решающего воздействия на изменение структуры боевых потерь в отдельно взятом районе или в ходе отдельной войсковой операции. Здесь, на наш взгляд, превышение доли самой младшей возрастной группы (20 лет и младше) связано с молодым пополнением, которое пришло в войска 3-го Белорусского фронта после понесённых в ходе освобождения Белоруссии значительных потерь. Пополнение это пришло накануне Гумбинненской наступательной операции¹¹.

Что касается потерь СССР за весь период войны, то в начальный её период армия несла большие потери из числа красноармейцев первой волны мобилизации, среди которых была значительна доля резервистов, ещё до войны отслуживших в армии, соответственно, попадавших в более зрелые возрастные группы. Поэтому неудивительно, что доля 20-летних среди потерь 1941—1945 гг. не так велика.

Вторая особенность — повышенная по сравнению с потерями за весь период войны доля старших возрастных групп — также не противоречит первой. Складывается она как минимум из двух компонентов. Во-первых, естественный ход времени приводил к тому, что к концу войны возраст военнослужащих рос и они переходили в более старшие возрастные группы. Во-вторых, прибывшее армейское пополнение состояло не только из молодых, недавно достигших 18-летнего возраста, но и из тех, кто оказался на оккупированной немцами территории. По мере освобождения территории СССР они вновь зачислялись в состав

армейских подразделений и отправлялись на фронт. По сведениям одного из исследователей этого вопроса С.А. Якимова, свыше 20 проц. пополнения 11-й гвардейской армии накануне Гумбинненской операции были старше 40 лет, а 34 человека — старше 50 лет¹². Поэтому есть все основания полагать, что и в соседней по фронту 31-й армии наблюдалась схожая картина. Эту гипотезу косвенно подтверждают и наши расчёты, показывающие, что более половины (56,4 проц.) погибших близ Сувалок красноармейцев в возрастной группе старше 35 лет были призваны из Белоруссии, а из РСФСР — лишь 27,1 проц.

Рассмотрев особенности возрастного состава безвозвратных потерь РККА на сувалкском направлении, подробнее остановимся на их принадлежности к родам войск, участвовавшим в операции. По нашим

подсчётам, 75,8 проц. захороненных здесь красноармейцев служили в стрелковых подразделениях, 3,8 проц. — в артиллерийских и миномётных частях, 1,6 проц. — в разведке, 1,2 проц. были сапёрами, 0,9 проц. — связистами, 16,7 проц. служили в других подразделениях: истребительно-противотанковых, зенитно-огнётных, кавалерийских, понтонно-мостовых и пр.

Подавляющее большинство (97,5 проц.) захороненных на кладбище в Сувалках служили в частях и подразделениях 3-го Белорусского фронта. Соединения этого фронта несли потери на данном участке наиболее длительное время — с мая 1944 по июнь 1945 года. Наибольшие потери пришлось на III—IV кварталы 1944 года, особенно — на август (32,2 проц.) и октябрь (37,4 проц.). Из всех безвозвратных потерь, понесённых войсками 3-го Белорусского фронта с апреля

1944 по май 1945 года, потери в Сувалках и окрестностях составили 0,5 проц., отдельно за 1944-й — 0,9 проц.¹³

Из войск 3-го Белорусского фронта выделяются 31-я общевойсковая и 11-я гвардейская армии, потери которых составили 95,2 и 1,9 проц. соответственно. Число захороненных в Сувалках бойцов 11-й гвардейской армии существенно ниже потому, что её части в ходе Гумбинненской операции действовали севернее этого района и погибшие бойцы были захоронены на других кладбищах. Погибшие красноармейцы иных армий и фронтов (их единицы) оказались на этом кладбище в результате послевоенных перезахоронений.

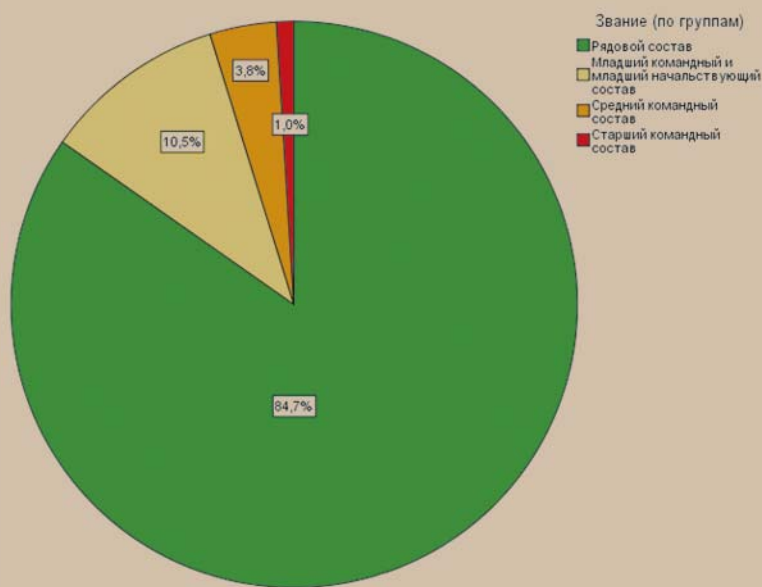
Более детально рассмотрев распределение самой многочисленной группы погибших по частям 31-й армии (870 человек), можно заключить, что каждый пятый из них служил в 220-й и 173-й стрелковых дивизиях, каждый шестой — в 352-й дивизии, каждый десятый — в 62-й дивизии. Ещё 15,6 проц. потерь личного состава армии на этом участке пришлось на 331, 88, 174 и 192-ю стрелковые дивизии.

Многочисленными оказались и потери штрафных подразделений 31-й армии — они составили 13,5 проц. всех потерь. Наибольшие потери понесли 140, 136 и 142-я отдельные армейские штрафные роты, в сумме — почти три пятых (58,4 проц.) от всех потерь штрафных подразделений этой армии. В общей массе захороненных и опознанных в Сувалках солдат штрафники составляют 12,5 проц.

Как известно, штрафные подразделения в РККА в период Великой Отечественной войны были созданы в соответствии с приказом наркома обороны СССР № 227 от

Диаграмма 2

Состав захороненных в Сувалках бойцов РККА по категориям военнослужащих

Составлена по итогам анализа базы данных по захороненным в Сувалках.

28 июля 1942 года¹⁴. Через два месяца приказом НКО СССР № 298 от 28 сентября 1942 года было утверждено «Положение об отдельных штрафных батальонах и ротах действующей армии»¹⁵. Они направлялись на самые сложные участки фронта, поэтому и несли серьёзные боевые потери. Согласно боевому расписанию в составе 31-й армии в 1944 году действовали 16 отдельных штрафных рот, бойцы двенадцати из которых захоронены в Сувалках.

Численность потерь личного состава РККА по категориям военнослужащих представлена на диаграмме 2.

Традиционно наибольшие людские потери в любой армии во время войн приходятся на рядовой состав. Четыре пятых всех захороненных в Сувалках бойцов составляют рядовые красноармейцы. К младшему командному составу относится каждый десятый погибший здесь военнослужащий, в т.ч. 38 сержантов, 25 младших и 19 старших сержантов, 14 старшин. На средний и старший командный состав приходятся соответственно 3,8 и 1 проц. из захороненных здесь. Офицеры представлены 17 младшими лейтенантами, 12 лейтенантами, 4 старшими лейтенантами, 2 старшими техниками-лейтенантами, 4 капитанами, 3 майорами, 2 подполковниками.

Доля погибших среди рядового состава превышает здесь на 7,2 проц. соответствующую долю среди всех безвозвратных потерь Красной армии за годы войны, а доля сержантского и офицерского состава, напротив, ниже на 7,1 и 3,8 проц. соответственно¹⁶. В отдельных воинских частях и соединениях, участвовавших в освобождении Сувальщины, доля рядового состава среди погибших колеблется от 79,7 проц. в 62-й стрелковой

дивизии до 83,8—84,8 проц. в 352-й и 220-й; 88,5 проц. — в 173-й; 87,1—87,2 проц. в 331-й и 88-й дивизиях. Очевидно, превышение доли потерь среди рядового состава обусловлено особо ожесточённым характером боевых действий на подступах к Восточной Пруссии. Свою «лепту» в это внесли и действовавшие в большом количестве на этом участке фронта штрафные роты 31-й армии с контингентом, не имевшим воинских званий, кроме рядового.

При этом нельзя сказать, что рядовые были самыми молодыми по возрасту среди погибших, что отчётливо видно на диаграмме 3.

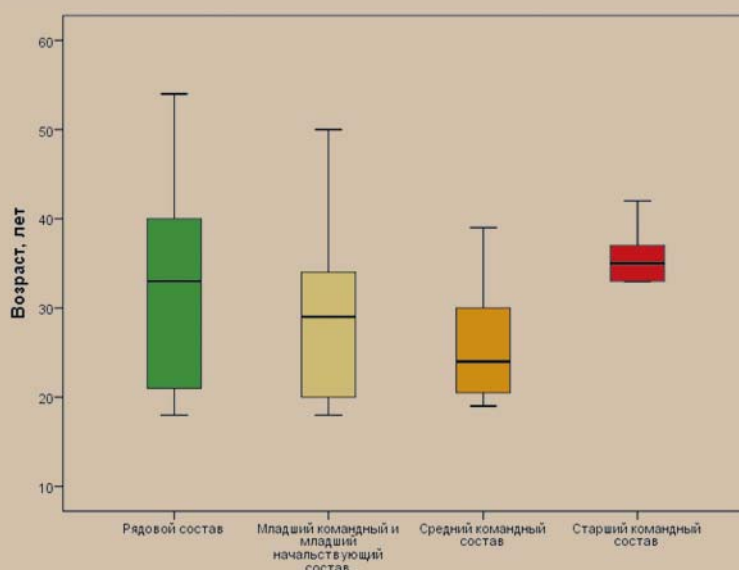
Медианный возраст погибших рядовых составляет 33 года, а половина из них погибла в возрасте от 21 года до 40 лет. Младший командный состав (сержанты и старшины) оказался в среднем на 4 года моложе (медиана — 29 лет),

половина из них погибла в возрасте от 20 до 34 лет. Наиболее молодыми из погибших были офицеры среднего командного звена — в основном лейтенанты и младшие лейтенанты. Их медианный возраст составляет всего 24 года, притом что половина из них была не младше 20,5 и не старше 30 лет. Что касается старших офицеров, то при медиане в 35 лет половина из них была в возрасте от 33 до 37 лет. Это объясняется тем, что подготовка старших офицеров требовала большего времени, боевого опыта и выслуги лет.

Такое распределение по возрасту во всех категориях военнослужащих является следствием так и не решённой в ходе войны проблемы пополнения кадрового офицерского состава РККА, на которую указывал в своём отчёте заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного управления форми-

Диаграмма 3

Распределение захороненных в Сувалках солдат и офицеров РККА по возрасту и категориям военнослужащих

Составлена по итогам анализа базы данных по захороненным в Сувалках.

рования и укомплектования войск Красной армии генерал-полковник Е.А. Щаденко. В частности, речь идёт о том, что в 1936—1939 гг. из Красной армии были уволены по разным причинам 42,5 тыс. человек из числа командно-начальствующего и политического состава. В результате некомплект комсостава на январь 1939 года составлял 31,6 проц., к началу 1941 года он сократился до 18 проц., но так и не был ликвидирован полностью. В итоге средний возраст у назначенных на должности в 1940—1941 гг. командиров полков находился в пределах 29—33 лет, командиров дивизий — 35—38 лет, командиров корпусов и командующих армиями — 40—43 года¹⁷.

В ходе войны проблема неполной укомплектованности комначсостава РККА усугублялась боевыми потерями не только среди рядового, но и среди офицерского состава. Для ускоренного пополнения командного состава уже в августе 1941 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, который давал право военному совету фронта присваивать воинское звание до майора, а военному совету армии — до старшего лейтенанта или политрука¹⁸. Осенью 1941 года на всех фронтах были открыты курсы младших лейтенантов, на ускоренный темп перестраивалась система подготовки в военных училищах, принимались другие меры. Всё это и дало такой эффект, который подтвердило наше исследование, что

младшие лейтенанты и другие младшие командиры были зачастую существенно моложе рядового состава армии.

Расклад потерь по армейским должностям дополняет возрастную картину. Освобождая от фашистов Сувалки и окрестности, свои жизни отдали 23-летний командир 1158-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии подполковник С.Х. Колесников; заместители командиров полков: 89-го артиллерийского (62-я стрелковая дивизия) — 35-летний майор Д.А. Найденко, 86-го кавалерийского (31-я армия) — 42-летний гвардии майор П.И. Ильичёв, 1160-го стрелкового (352-я стрелковая дивизия) — 36-летний подполковник И.М. Архипов. Здесь погибли также 40-летний дивизионный врач 174-й стрелковой дивизии майор медицинской службы Г.С. Меньших; 34-летний командир батальона 17-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии лейтенант Т.М. Даниленко; заместители командиров батальонов: 37-летний капитан И.Т. Гнездилов, служивший в 1162-м стрелковом полку 352-й стрелковой дивизии, и 23-летний капитан С.Г. Казанов из 123-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии. Своё упокоение в Сувалках нашли также 6 командиров рот и 1 командир батареи, 24 командира взводов, 39 командиров отделений, 6 командиров орудий, 1 командир танка и 1 командир самоходной артиллерийской установки.

Конечно, самой многочисленной группой оказались стрелки (668 человек), из которых подавляющее большинство (96,4 проц.) пришлось на рядовых красноармейцев, остальные — на военнослужащих в звании ефрейтора, младшего сержанта и старшины. Артиллеристов в этом списке представляют орудийные номера (2,1 проц.) и миномётчики (1 проц.). Сложили здесь свои головы также разведчики (2 проц.), сапёры (1,9 проц.), связисты (1,8 проц.), санитары, огнемётчики, повара, ездовые и повозочные, хим- и санинструкторы, механики-водители танков и САУ, снайперы, писари и др.

В целом мы видим, что понесённые Красной армией потери оказались существенными не только для рядовых бойцов по их численности, но и для молодых командиров, которые могли в будущем составить офицерский костяк Вооружённых сил страны. Кроме того, потери нёс не только основной боевой состав сражавшихся полков и дивизий, но также обслуживающий и вспомогательный персонал.

Составленный на основе анализа базы данных просопографический портрет солдат и офицеров РККА, погибших на польской земле и захороненных в Сувалках, не является полным из-за ограниченности имеющихся сведений. Вместе с тем, на наш взгляд, он может представлять определённый интерес как для исследователей, так и для широкой общественности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гриф секретности снят: потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воен-

издат, 1993. 415 с.; Литвиненко В.В. Цена Великой Победы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 37—45; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование

/ Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.

² Мизеров И.И. Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычёвской операции: по-

тери и их восполнение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 145—159; *Прокина А.И., Катионов О.Н.* Боевые потери 11-й гвардейской стрелковой дивизии в июне 1944 года в период проведения операции «Багратион» // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2019. № 2(6). С. 61—66; *Синенко В.А.* Потери и боевые успехи 83-й гвардейской стрелковой дивизии, принимавшей участие в Восточно-Прусской операции 1945 года // Человечество против фашизма: люди, народы, государства: материалы III Международной научно-практической конференции, посвящённой 75-й годовщине Великой Победы. Омск, 24 апреля 2020 г. Омск: Филиал ФГКВУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва» МО РФ в г. Омске, 2020. С. 155—160.

³ *Киселёв О.Н.* Динамика потерь личного состава Красной армии в ходе сражения за Суомуссалми зимой 1939—1940 гг.: по документам Российского государственного военного архива // Клио. 2014. № 9(93). С. 109—120; *Литвиненко В.В.* Наступательные операции советских войск в Московской битве: людские потери Красной армии и вермахта // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1(78). С. 133—141; *Олейник Н.Б., Сяков Ю.А., Тургаев А.С.* Любанская наступательная операция 1942 г.: подготовка к сражению, начало боевых действий, анализ потерь. СПб.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2006. 68 с.; *Пермяков И.А., Фитисов А.И.* Организация персонального учёта потерь личного состава боевых частей Западного фронта в ходе Спас-Деменской операции (7—20 августа 1943 г.) // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 38—43.

⁴ *Арсентьев Н.М., Котков С.К., Скворцова Л.Г.* Цена победы: хроника безвозвратных потерь жителей Респуб-

лики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 224 с.; *Бушуева О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Самара: РЕАВИЗ, 2012. 188 с.; *Иванов А.А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2001. 94 с.; *Скворцова Л.Г.* Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 221 с.; *она же.* Боевые потери уроженцев Куйбышевской области, Мордовской и Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Экономическая история. 2015. № 3(30). С. 32—41.

⁵ *Глазунов Н.* 31-я армия на завершающем этапе Белорусской операции // Военно-исторический журнал. 1981. № 6. С. 41, 42.

⁶ *Алексеев М.* Начало боёв в Восточной Пруссии // Там же. 1964. № 10. С. 119.

⁷ Россия и СССР в войнах XX века. С. 316.

⁸ Кладбище воинов СА и военнопленных. Паспорт воинского захоронения (2012 г.) № 13/34/II. // Память народа [сайт]. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie86390844.

⁹ *Исупов В.А.* К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 13—16.

¹⁰ В этом отношении показательна судьба командира стрелковой роты 1160-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии лейтенанта Я.В. Казанцева (1918 г.р.). Он, будучи уроженцем с. Явленка Ленинского района Северо-Казанской обл., в 1941 г. окончил Владивостокское военно-пехотное училище и был направлен в 16-й запасной стрелковый полк в г. Бугульму Татарской АССР, на

базе которого формировалась 352-я стрелковая дивизия, участвовавшая в освободительных боях на Сувальщине. См.: *Бушуев А.С.* «Товарищ Ворошилов говорил, что нашей задачей является выправить положение под Москвой»: воспоминания политработников 352-й стрелковой дивизии РККА — участников битвы за Москву в конце 1941 — начале 1942 г. // Исторический архив. 2022. № 3. С. 65.

¹¹ *Галицкий Г.К.* В боях за Восточную Пруссию: записки командующего 11-й гвардейской армией. М.: Наука, 1970. С. 54.

¹² *Якимов С.А.* Вопросы политико-морального состояния войск 3-го Белорусского фронта в Гумбиннен-Гольдапской операции (октябрь 1944 г.) // Время музея: сборник статей. Калининград: Страж Балтики, 2019. С. 16.

¹³ Подсчитано по: Россия и СССР в войнах XX века. С. 327, 328.

¹⁴ Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г. // Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73—75.

¹⁵ *Кузьмичев И.В.* Штрафники // Сержант. 2000. № 1(14). С. 26.

¹⁶ Подсчитано по: Россия и СССР в войнах XX века. С. 255.

¹⁷ *Коршунов Э.Л.* Офицеры Генерального штаба Красной Армии о боевых действиях 6-й гвардейской армии в ходе Курской битвы // 1943 год. От Курска до Днепра: материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве (Москва, 21 августа 2018 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 276, 277.

¹⁸ Указ Президиума ВС СССР от 18 августа 1941 г. «О присвоении военных званий начальствующему составу и красноармейцам, отличившимся в боях за Родину» // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. / Под общ. ред. В.А. Золотарёва. Т. 13 (2—2). М.: Терра, 1997. С. 65.

A.S. Bushuyev

THOSE WHO DID NOT REACH VICTORY

Combat losses in the Red Army during the liberation of Poland in 1944—1945: a prosopographical analysis

Information about author. Alexey Bushuyev — scientific secretary at the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sc. (Hist.) (city of Kazan. E-mail: a.bushuev81@gmail.com).

Summary. Based on mathematical and statistical analysis of a database with information about 951 fighters and commanders of the Red Army buried in the military cemetery in Suwalki (Podlaskie Voivodeship of Poland), this paper presents a prosopographic portrait of the Red Army soldiers who lost their lives during the liberation of northeastern Poland from the Nazis in the Gumbinnen and Insterburg-Königsberg offensive operations from the summer of 1944 to winter 1945. The study revealed unique aspects regarding the age and personnel makeup, birthplaces, draft status, and other traits of the deceased individuals. The materials presented in the publication partially fill the existing historiographical gap in the study of the qualitative composition of combat losses of the Red Army in the final stage of the Great Patriotic War, especially during the Red Army's liberation mission in Poland.

Keywords: Great Patriotic War; World War II; Red Army; liberation of Poland; 3rd Belorussian Front; 31st Army; combat losses.

«МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА... САМООТВЕРЖЕННО ВЫПОЛНЯЛА СВОЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДОЛГ»

Лечебно-эвакуационное обеспечение 42-й армии Ленинградского фронта
в январе 1944 года

Сведения об авторах. Будко Анатолий Андреевич — директор Военно-медицинского музея МО РФ, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург. E-mail: milmedmuseum@mil.ru);

Бринюк Надежда Юрьевна — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: brinyuk2013@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассказывается о медицинском обеспечении 42-й армии Ленинградского фронта в первый период Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции. Описываются трудности и опасности, сопровождавшие медиков в их работе по спасению раненых и больных. При написании статьи использованы впервые вводимые в научный оборот архивные документы.

Ключевые слова: Ленинградско-Новгородская операция; 42-я армия; Я.А. Борейша; передовые медицинские пункты; госпитали; раненые; больные.

Особой страницей в истории военной медицины стала организация медицинской помощи защитникам Ленинграда в 1941—1944 гг.¹ Военно-медицинская служба Ленинградского фронта получила большой опыт в Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции (14 января — 1 марта 1944 г.). Целями операции являлись разгром немецкой группы армий «Север», полное снятие

блокады Ленинграда, освобождение Ленинградской области от противника, создание благоприятных условий для переноса боевых действий на территорию Прибалтики².

42-я армия генерала И.И. Масленникова вместе со 2-й ударной армией в январе 1944 года фронтальными действиями прорывала глубокоэшелонированную долговременную оборону противника.

В годы блокады тыловая граница 42-й армии с фронтовым тылом проходила в южной части Ленинграда. Общая глубина войскового и армейского тыловых районов местами не превышала 15 км. Полевая армейская база со складами и все прочие тыловые части и учреждения размещались или на окраине Ленинграда, или в самом городе³.

Медико-санитарные батальоны (медсб) 42-й армии также располагались в черте

города, в школьных зданиях, например, на Малодетско-сельском проспекте, на углу Лермонтовского проспекта и Садовой улицы, на 7-й Красноармейской улице. Раненые доставлялись с полковых медицинских пунктов (ПМП) по асфальтированным городским улицам без задержек⁴.

К операции санитарные управления (СУ) Ленинградского и Волховского фронтов, санитарные отделы входивших в их состав армий начали готовиться весной

1943 года, но наиболее активной эта работа стала в октябре 1943 года⁵. При составлении санитарным отделом (СО) 42-й армии (начальник — полковник медицинской службы Яков Алексеевич Борейша) лечебно-эвакуационного плана операции учитывалось, что боевой состав армии равнялся 71 тыс. человек⁶. В это число входили дивизии 109-го (72, 109, 125 сд), 110-го (56, 85, 86 сд) стрелковых и 30-го гвардейского стрелкового (45, 63, 64 гв. сд) корпусов, 189-я

стрелковая, 18-я и 23-я артиллерийские дивизии, две танковые бригады, несколько танковых полков, истребительные и миномётные артиллерийские полки и другие части.

Санитарный отдел армии готовил свои медицинские пункты и госпитали к предстоявшим наступательным действиям. Полевые учреждения, ранее развёрнутые в жилых домах, «выводились в поле». «Первое такое полевое развёртывание было произведено на Поклонной горе, где в порядке учёбы были отрыты и оборудованы землянки и развёрнуты палатки»⁷.

В дивизиях подготовка медицинской службы включала тренировку личного состава полковых медицинских пунктов и медсанбатов в быстром свёртывании и развёртывании палаток и в погрузке имущества на транспорт. Всё имущество тщательно проверялось, закреплялось за подразделениями медсанбатов, изымалось всё ненужное.

В госпиталях организовывались врачебные конференции, на которых разбирались наиболее часто встречавшиеся оперативные вмешательства, ошибки хирургов, меры по их недопущению. Врачи медсанбатов читали лекции по повышению квалификации для среднего и младшего медицинского персонала. Проводились занятия по боевой и политической подготовке медицинского состава.

В частях все бойцы и офицеры обеспечивались индивидуальными перевязочными пакетами. В каждой роте было проведено несколько занятий по правилам пользования ими, а также по правилам наложения жгута, элементарного шинирования при огнестрельных переломах и т.п.

42-я армия начала наступление 15 января 1944 года

Я.А. Борейша
1946—1947 гг.
ФВФ-8001

и продвигалась в направлении на Гатчину, Волосово и далее по лесисто-болотистой местности на Гдов и к району Пскова по просёлочным дорогам с участками бревенчатого настила.

Работа медицинской службы была чрезвычайно на-

в дивизии из своего резерва отделения санитаров (10 человек) во главе с командиром отделения-санинструктором для прочёсывания поля боя. На батальонные медицинские пункты были направлены фельдшера-дублёры, чтобы освободить командиров санитарных взводов для непосредственной организации выноса раненых. Таким образом, вынос раненых с поля боя осуществлялся как штатными санитарями-носильщиками, так и санитарями-носильщиками, приданными в дивизии из резерва начальника санитарного отдела армии.

Вынос тяжелораненых с поля боя производился волоком на плащпалатках, на лодочках-волокушах, на себе. Несмотря на то что лодочка-волокуша являлась наиболее щадящим средством эвакуации с поля боя, ураганный огонь противника и изрытая воронками снарядов и мин земля не всегда позволяли применять её.

Дивизионные медицинские пункты⁹ 42-й армии, как пра-

По воспоминаниям начальника санитарного отдела 42-й армии Я.А. Борейши, в первые два дня боёв через один из медсанбатов прошли около 2000 раненых

пряжённой. Так, по воспоминаниям начальника СО 42-й армии Я.А. Борейши, в первые два дня боёв через один из медсанбатов прошли около 2000 раненых⁸.

С целью сокращения сроков выноса раненых и эвакуации их на полковые медицинские пункты начальник санитарного отдела армии направлял

вило, развёртывались в лесах вблизи дорог, в палатках типа ДПМ и ППМ¹⁰. Здесь оказывалась квалифицированная хирургическая помощь экстренной и первой срочности, за исключением оперативных вмешательств по поводу проникающих ранений живота и открытого пневмоторакса¹¹. Такие раненые зачастую опе-

Собачья упряжка
Ленинградский фронт, 42-я армия, 1944 г.
ФОФ-38067

Погрузка раненых в армейский санитарный транспорт
1942 г.
ФОФ-46952

Медико-санитарный батальон. Работа в перевязочной
1944 г.
ФОФ-63524

рировались в хирургических полевых подвижных госпиталях (ХППГ) 1-й линии, которые располагались на небольшом удалении от медсанбатов, чтобы те не перегружались нетранспортабельными и сохраняли максимальную мобильность.

Следует упомянуть, что в одном из медсанбатов 42-й армии операционной сестрой служила широко известная Лидия Филипповна Савченко (1922—2000). За годы войны она 32 раза сдавала свою кровь прямым переливанием нуждавшимся в этом бойцам. После войны за храбрость и исключительную преданность раненым Международным комитетом Красного Креста она была награждена медалью имени Флоренс Найтингейл.

Для эвакуации раненых использовались автосанитарный транспорт, обратный порожняк, санитарные самолёты, санлетучки, конный сантранспорт. Эвакуация от дивизионного медицинского пункта производилась в основном автосантранспортом, машинами обратного порожняка, а по труднопроходимым дорогам — конным санитарным транспортом.

С началом наступления раненые из дивизионных медицинских пунктов эвакуировались средствами 114-й автосанитарной роты (аср) в армейский сортировочно-эвакуационный госпиталь (СЭГ) № 5115. При массовом потоке раненых один такой госпиталь не успевал разгружать десятки одновременно прибывавших машин, поэтому потоки раненых периодически переключались на фронтовые учреждения, например СЭГ-1170. Таким образом, в первый период наступательных боёв благодаря сокращённым коммуникациям и расположению в Ленинграде

как армейских, так и фронтовых лечебно-эвакуационных учреждений эвакуация раненых производилась из медсанбатов непосредственно во фронтовые сортировочно-эвакуационные госпитали на расстоянии 20—30 км, минуя все промежуточные этапы. Несмотря на то что медицинская служба армии была обеспечена недостаточно (на армию приходилось всего три ХППГ, а госпитальная база накануне боёв была заполнена почти наполовину), госпитализация большого потока раненых осуществлялась без особых затруднений благодаря близости расположенной в Ленинграде госпитальной базы фронта и отличным дорогам для эвакуации. Я.А. Борейша писал, что в первые дни наступательных боёв, когда легкораненые направлялись

в дивизионные медицинские пункты, ещё находившиеся в городе, их останавливали с расспросами группы ленинградцев и бойцы, возбуждённые недавним участием в боях, рассказывали о событиях на передовой¹².

По мере наступления частей армии за Гатчину и Красное Село медсанбаты продвигались вслед за своими соединениями. Для приёма от них нетранспортабельных и сохранения подвижности дивизионных медицинских пунктов в район Средней Рогатки был выдвинут хирургический полевой подвижной госпиталь № 92, в район Красного Села — ХППГ-634 и подвижное отделение эвакогоспиталя № 926 (ПОЭГ). Красное Село в те дни ещё продолжало обстреливаться противником из района Дудергофских высот.

По мере удаления медсанбатов от Ленинграда схема эвакуации менялась. В район Средней Рогатки был выдвинут головной полевой эвакуационный пункт (ГПЭП) № 96 для приёма раненых и больных из медсанбатов левого фланга армии, а в Красное Село для приёма раненых и больных с правого фланга — головной полевой эвакуационный пункт № 139 с подчинёнными госпиталями¹³.

Во время боевых действий по овладению г. Гатчиной в пос. Б. Тайцы был развернут хирургический полевой подвижной госпиталь № 2230, обеспечивший дивизионные медицинские пункты на этом направлении, а также терапевтический полевой подвижной госпиталь (ТППГ) № 2228 для приёма больных и послеоперационных

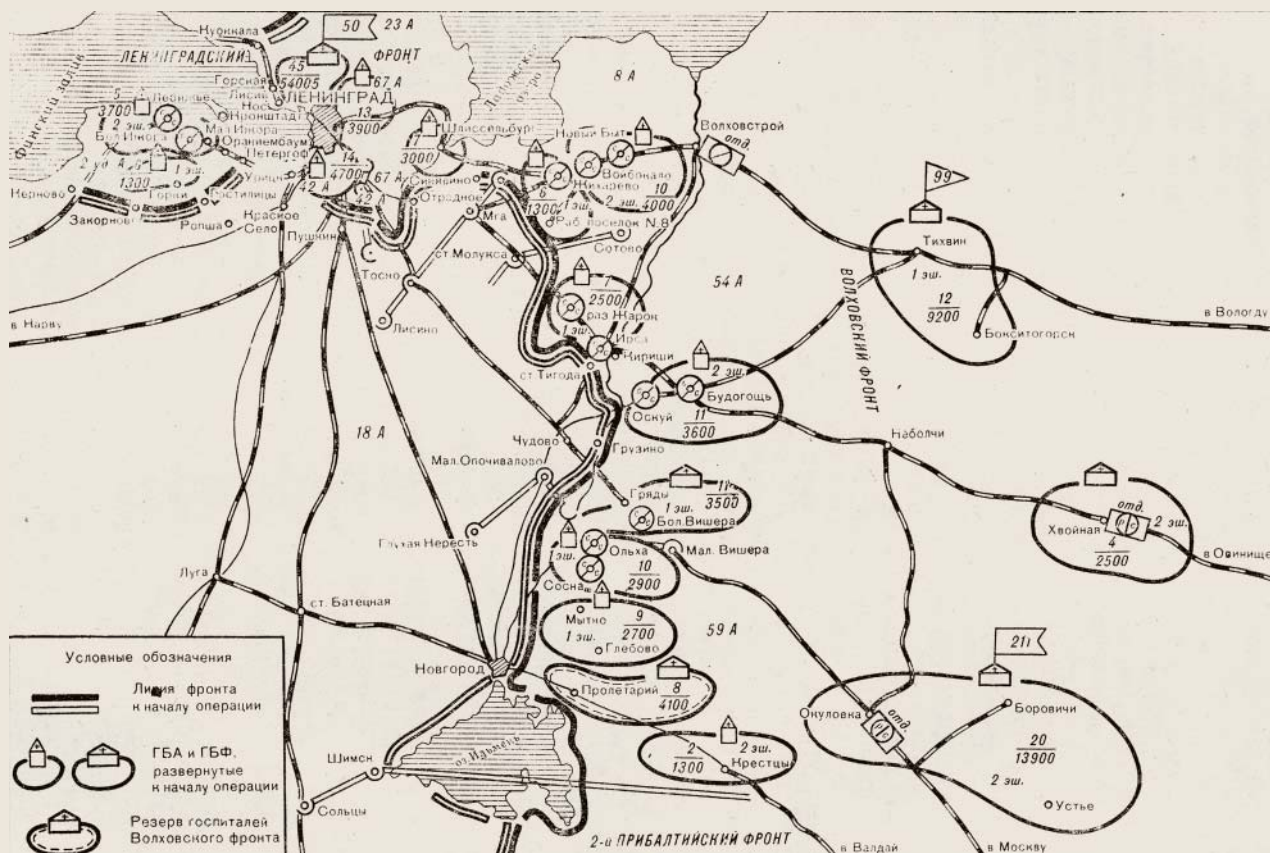

Схема расположения госпитальных баз Ленинградского и Волховского фронтов к началу операции (на 14 января 1944 г.)

Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в 2 т. Т. 2. / Под общ. ред. генерал-полковника м/с Э.А. Нечаева. М.: Воениздат, 1993. С. 42.

Раненый боец в приёмном отделении
Ленинградский фронт, 42-я армия, 85 сд, 48 медсб, 1944 г.
ФОФ-81722

Руководители медицинской службы 42-й армии Ленинградского фронта. Слева направо: армхирург полковник медицинской службы И.С. Белозор; начальник 1 отделения СО армии полковник медицинской службы М. Рачков; армтерапевт майор медицинской службы А.Г. Дембо
1944 г.
ФВФ-17192

Построение группы медицинского персонала СЭГ-5115
Ленинград, 1943 г.
ФВФ-25297

раненых. При последующем движении советских войск на Волосово головной полевой эвакуационный пункт № 96 был переброшен в Гатчину и вскоре передан 67-й армии. После занятия Волосово во 2-ю ударную армию был передан головной полевой эвакуационный пункт № 139 с его госпиталями, а в Волосово в распоряжение 42-й армии был перебазирован пункт № 140, эвакуация в который стала проводиться с конца января по 8 февраля.

Госпитализация раненых затруднялась из-за нехватки полевых госпиталей, которые отставали от войск. Плечо эвакуации растянулось, поэтому широко использовался обратный транспорт подвоза¹⁴.

В освобождённых от противника районах Ленинградской области наблюдалась крайне тяжёлая санитарно-эпидемиологическая обстановка. Значительная часть населённых пунктов была сожжена оккупантами, оставшаяся часть жилого фонда находилась в запущенном или полуразрушенном состоянии. В районах, где действовали партизанские бригады, фашисты уничтожили всё, что возможно, и они были превращены в пустынные зоны. Гдов был подорван и сожжён почти полностью: осталось 28 домов. В Красном Селе сохранилось не более 50 проц. жилого фонда; водопровод, бани, прачечные, электросеть были разрушены, жилища и улицы загрязнены. В таком же состоянии находилась и Гатчина. В Новоселье и Торошино было уничтожено до 80 проц. построек и разрушено всё санитарно-коммунальное хозяйство.

Большая часть оставшегося под оккупацией населения скрывалась в лесных лагерях, землянках и окопах. После прихода Красной армии на-

чалось возвращение людей в свои населённые пункты, где жители отрывали землянки, отстраивали срубные дома и использовали для расселения со значительным переуплотнением сохранившийся жилой фонд.

Санитарное состояние населения было угрожающим. Завшивленность составляла до 100 проц., чесоткой были поражены до 50 проц. людей, преимущественно детей, причём большой процент осложнялся пиодермитами, экземами и пр. Среди населения в 1941—1943 гг. была массовая эпидемическая заболеваемость сыпным, а местами брюшным тифом. Имелась большая заболеваемость детей дифтерией и корью. Всё это дополняли полное отсутствие мыла, изношенность одежды и обуви, резкий недостаток белья.

Медицинская служба 42-й армии вела непрерывную санэпидразведку. Было поголовно осмотрено население наиболее угрожаемых по сыпному тифу районов, госпитализированы в инфекционные госпитали армии до 200 гражданских больных, проведена санобработка населения в 45 деревнях; во всех населённых пунктах, неблагополучных по тифу, был введён карантин. Населению оказывалась помощь медикаментами, дезинфекционными средствами и мылом. Медики 42-й армии лечили местных жителей, больных чесоткой¹⁵.

Большое внимание уделялось проверке водоемников на освобождённых территориях. Лаборатории медсанбатов проверили до 320 водоемников и сделали анализы воды. Заражения водоемников отравляющими веществами не обнаружили, но в отдельных населённых пунктах колодцы были засы-

паны или загрязнены трупами животных.

Случаев отравления противником продуктов питания зафиксировано не было, однако в районах Гатчины и Волосово вдоль дорог и близ немецких гаражей были выявлены бочки с метанолом, от употребления которого, несмотря на принимавшиеся меры, в армии умерли свыше 60 человек. В Гатчине немцы перед оставлением города выпустили из «изоляционного дома» 50 женщин, больных сифилисом и гонореей, с целью сознательного заражения советских бойцов венерическими болезнями. По найденным спискам удалось найти часть этих больных. Для выявления венерических больных был проведён осмотр населения в Гатчине и Волосово¹⁶.

Санэпиднаблюдение осуществлялось и за пленными

сках во время операции было двухразовым. В действующих частях передовой линии — по одному блюду на каждый приём пищи, в остальных — по три-четыре блюда в сутки. Ассортимент продуктов был ограниченным. Среди круп преобладало пшено, из мясных продуктов 75—80 проц. поступало в виде консервов. Овощи частично заменялись крупами, а остальное количество шло в сушёном виде. Пища готовилась в походных кухнях, при этом медики следили за соблюдением элементарных правил личной гигиены работниками питания, содержанием кухни, кухонного инвентаря и окружающей обстановки в чистоте¹⁸.

Готовая пища в части обычно доставлялась с наступлением темноты непосредственно в походных кухнях на минимально возможное расстояние до боевых поряд-

В связи с недостатком кипяtilьников и тары неблагополучным было обеспечение бойцов горячим чаем, который в лучшем случае доставлялся один раз в сутки

гитлеровцами во время их пребывания как в войсковом, так и в армейском районах. У них, как правило, наблюдалась поголовная вшивость, было грязное бельё; последняя помывка имела место три-четыре недели назад¹⁷.

Медицинские работники войскового звена вели надзор за организацией питания с момента поступления продуктов в часть до выдачи готовой пищи бойцам. Питание в вой-

сков. В дальнейшем она разносилась подносчиками по подразделениям в термосах или утеплённых вёдрах. В связи с недостатком кипяtilьников и тары неблагополучным было обеспечение бойцов горячим чаем, который в лучшем случае доставлялся один раз в сутки, а в некоторых частях ещё реже.

Банное обслуживание, учитывая практически полную завшивленность населения

**Наложение повязки раненному в голову
и подготовка его к вывозу на лодке-волокуше**
Фото Е.С. Микулиной, 1945 г.
ФОФ-15796

Эвакуация раненого на лодке-волокуше на ездовых собаках
1942 г.
ФОФ-20800

**Медико-санитарный батальон. Переноска раненого
из операционной в палату**
1944 г.
ФОФ-63525

освобождавшихся районов, производилось при каждой возможности в межбоевые периоды в банях колхозного типа с малой пропускной способностью, в палатках с подогревом воды в бочках, походных кухнях и т.д. Для борьбы с педикулёзом использовались печи-каменки, русские печи, утюги и пр. Войска и население бесперебойно снабжались антипаразитарными средствами, как то: альбихтоловая паста¹⁹, антипедикулин²⁰, дуст²¹.

Полевые прачечные отряды (ППО) армии из-за непредоставления фронтом транспорта до 18 февраля 1944 года находились в Ленинграде. В непосредственной близости к войскам были организованы обменные бельевые пункты (Волосово, Хрель, Орёл, Наумовщина, Елизарово), из которых войсковые части получили более 100 тыс. пар нательного белья; с полевых прачечных отрядов и фабрик, расположенных в Ленинграде, было получено более 150 тыс. пар. Кроме того, привлекалось местное население для стирки белья за плату 1 рубль за кг²².

Медсанбаты 42-й армии работали с большим напряжением, постоянно меняли места дислокации, делились на эшелоны, чтобы не отставать от наступавших войск и при этом обеспечивать госпитализацию раненых до подхода полевых подвижных госпиталей. Некоторые подробности их работы в январе 1944 года описаны в отчётах, которые направлялись командирами медсанбатов в санитарный отдел армии.

216-й медсанбат 168-й стрелковой дивизии (командир майор м/с Соболев) до 19 января дислоцировался в д. Дубки, а за последнюю декаду месяца менял место расположения девять раз и проделал путь около 330 км. Дивизия

совершала марш с боями, вследствие чего медсанбату приходилось часто перемещаться на большие расстояния, а ввиду недостатка транспорта он растягивался на два-три эшелона.

Через медсанбат прошли 916 раненых, из них 832 бойца 168-й дивизии, 84 — других дивизий, кроме того, 4 раненых партизана и 3 гражданских. Он обслужил 384 больных²³; трое из них умерли: они поступили с отравлением метиловым спиртом при распитии трофейного алкоголя; ещё четверо отравленных были эвакуированы в госпиталь. Основную массу больных составили гриппозные (267 человек). Из группы партизан, принятых медсанбатом в д. Устье, восемь человек болели сыпным тифом, и их немедленно эвакуировали в инфекционный госпиталь в Волосово²⁴.

По докладу главного врача 168 сд майора м/с Фельдблюма, большинство раненых, поступивших в медико-санитарные подразделения, имели поражения от артиллерийского и миномётного огня и в меньшей степени от пуль. Среди ранений преобладали повреждения верхних и нижних конечностей, а также головы²⁵.

291-я стрелковая дивизия до 12 января 1944 года находилась на правом берегу р. Невы, в районе Невская Дубровка — Пороги. 12 января дивизия вышла на марш и 17 января начала наступательные действия в районе д. Пески, Камень, Финское Койрово с выходом на Русско-Высоцкое, Кайнелайзи, Никольское и затем на Гатчину. В конце месяца дивизия продвигалась с незначительными боями.

Приданный дивизии 302-й отдельный медсанбат (командир капитан м/с

Демидов) в наступлении развёртывал дивизионный медицинский пункт на расстоянии 5—6 км от полковых медицинских пунктов, которые находились в 2—3 км от боевых порядков и передвигались один, иногда два раза в сутки. За период с 17 января до конца месяца медсанбат семь раз сменил свою дислокацию, обеспечивая наступательные действия дивизии в районах д. Мяглово, г. Ленинград, Авиагородок, д. Николаевка, Лагола, Юля-Пурсково, Лядино, пос. Рошалья. Всё это время он работал эшелонами, сроки стоянки на одном месте составляли 1—2 суток.

Боевые действия 291 сд проходили в лесистой местности при недостатке дорог, на кото-

случаях — через 18 часов и больше.

Среднее поступление раненых в январе было до 250 человек в сутки, максимальное — до 450 человек в сутки. В январе из частей дивизии в медсанбат поступили 1588 раненых и больных, в т.ч. 1354 раненых, 36 контуженных, из других частей — 354 раненых²⁶. Обработку раненых проводили пять хирургов.

Госпитализация в дивизионном медицинском пункте № 302 была возможной на 4—5 суток, т.к. новая передислокация заставляла передавать раненых в головной полевой эвакуационный пункт. Госпитальное содержание послеоперационных больных

Госпитализация в дивизионном медицинском пункте № 302 была возможной на 4—5 суток, т.к. новая передислокация заставляла передавать раненых в головной полевой эвакуационный пункт

рых возникали частые пробки. Эвакуация раненых с поля боя производилась на лыжно-носилочных установках и лодочках, от передовых до полковых медицинских пунктов — на конно-санитарном транспорте. Первая помощь на месте ранения оказывалась в пределах от одного до восьми часов, случаи более позднего оказания помощи всегда были обусловлены затруднениями, связанными с огнём противника. В конце января поступление раненых в медсанбат происходило в течение первых полусуток, в среднем от 7 до 12 часов, в отдельных

было очень затруднено, и медсанбат оставлял группы работников, которые ухаживали за больными до стабилизации их состояния, после чего передавали подходившим полевым подвижным госпиталям. Средняя продолжительность пребывания больного на койке в январе 1944 года составляла 2½ дня.

За январь мытьё в бане личного состава дивизии было произведено дважды. Первый раз — ещё в период выхода на марш (12—14 января), второй раз — в Гатчине (28—29 января) отдельной дезинфекционной ротой № 9 (одр). Случаи

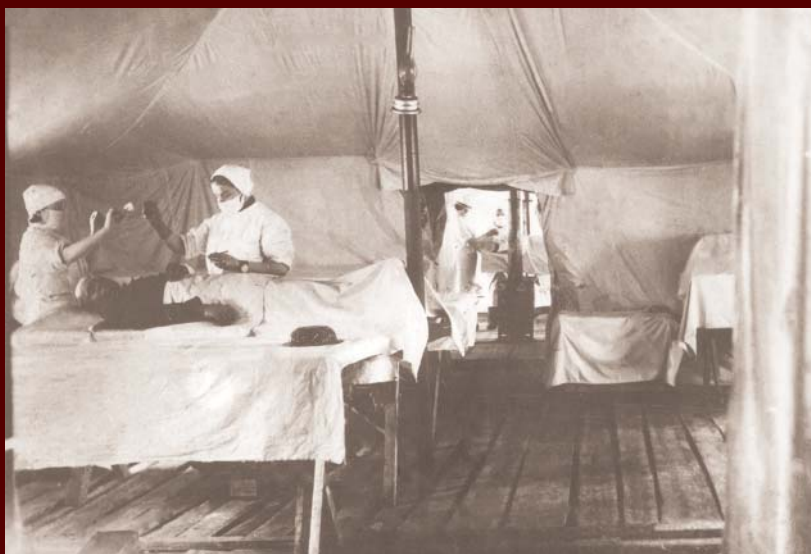

Санитары укладывают раненого в конверт перед погрузкой
в санитарный самолёт
1944 г.
ФОФ-143

Импровизированные санитарные сани
Средства санитарной эвакуации (1942 г.)
ФОФ-43157

Операционная ХППГ
1944 г.
ФОФ-46960

сыпного тифа были единичными.

14-й отдельный медико-санитарный батальон 86-й стрелковой дивизии (командир капитан м/с Бордилов) до 13 января стоял в Ново-Саратовской колонии, а дивизия находилась в резерве. 13 января медсанбат перешёл в район Мясокомбината, где развернулся в палатках и частично — в здании бывшей школы.

30 января медсанбат передислоцировался в Большой Лагерь, где развернулся своим первым эшелоном. Затем на одни сутки он остановился в д. Лагола и вскоре переехал в Б. Ивановку, где функционировал полностью, главным образом в домах. После ухода из этого пункта он последовательно развёртывался в д. Черново, Кирковоц (вероятно, Курковицы Волосовского района) и Сосницы.

В дни наибольшего поступления раненых личный состав работал по 18 часов в сутки; к работе в операционной привлекались зубной врач, младшие медсёстры, выздоравливавшие больные и легкокораненные²⁷. За период боёв января 1944 года в медсанбат поступили 1851 раненый, 66 контуженных, 6 обожжённых, один обмороженный, 167 больных. После эвакуации на 1 февраля в нём оставались три человека²⁸.

Через 26-й медико-санитарный батальон 90-й Ропшинской стрелковой дивизии, которая вошла в состав 42-й армии 24 января 1944 года, в конце месяца прошли 727 раненых и 40 больных, из которых 14 гриппозных²⁹. Медсанбат обрабатывал раненых не только своей, но и других дивизий. За неделю он передислоцировался эшелонами пять раз.

В дивизии ощущался недостаток санитаров для ор-

ганизации розыска и выноса тяжелораненых в полосе боёв, из-за чего были случаи доставки раненых в дивизионный медицинский пункт через 24 и более часов после получения ранения.

В 64-й гвардейской стрелковой дивизии в январе 1944 года наблюдалась вспышка гриппа. Она началась 7 января и к моменту вступления дивизии в бой была в целом погашена. Санитарные потери от гриппа за январь составили 153 человека³⁰.

Во второй декаде января дивизия совершала марш и вела бои в районе юго-западнее Пулково. Медицинские пункты испытывали значительный наплыв раненых, который был особенно большим 15 и 16 января. Третья декада месяца характеризовалась выходом из боя, совершением марша и доукомплектованием личным составом.

Через 68-й отдельный медико-санитарный батальон 64 гв. сд в январе 1944 года прошли 2077 человек, из них 1972 раненых, 14 обожжённых, 91 контуженный. В части были возвращены 111 человек³¹.

Части 63-й гвардейской стрелковой дивизии в ночь на 14 января 1944 года сменили войска на участке Голлерово и восточнее Пулковских высот. 15 января в 10 ч 40 мин после артиллерийской подготовки они перешли в наступление, заняв Большое Витулово, Кюльмя, Селози, Николаевку, Хапполово и другие населённые пункты. К 21 января дивизией были заняты Дудергоф и Красное Село. 21—22 января личный состав был снят с боевых порядков и переведён в район село Рыбацкое, Весёлый посёлок и Усть-Славянку, где проходил санитарно-дезин-

Приготовление пищи в походной кухне в расположении 52 медсб 45 гв. сд. У кухни — повар Дименюк
пос. Всеволожский, декабрь 1943 г.
ФОФ-6855

Операция в 21 медсб 45 гв. сд
Ленинградский фронт, 42-я армия, 1942 г.
ФОФ-80494

Санитары-лыжники транспортируют раненых бойцов с поля боя
Фото М. Маркова, 1943 г.
ФОФ-39659

фекционную обработку со сменой белья³².

При организации эвакуации раненых в ротном районе, кроме имевшихся санитаров-носильщиков и санитаров батальонов, из санитарной роты придавались до четырёх носильщиков, что облегчало вынос раненых с переднего края. За время операции не было отмечено ни одного случая обморожения. Во время под-

готовки частей к следующей атаке их санитарной службой организовывались так называемые грабли — прочёсывание района боевых действий под руководством командира взвода носильщиков с целью поиска раненых³³.

За период 15—21 января полковые медицинские пункты дивизии пятикратно передислоцировались, следуя за войсками. 10-й медсанбат

63 гв. сд первоначально находился в районе Кировского Дома советов в Ленинграде (на пр. Стачек), а при овладении Вороньей Горой и Дудергофом передислоцировался в район Кюльмя.

Первый эшелон медсанбата был выдвинут вперёд, на участок бывшего населённого пункта Кюльмя, вблизи шоссе, 19 января 1944 года. Работа в операционной строилась по графику: 16 часов работы — 8 часов отдыха. Контингент раненых лёгкой и средней тяжести отправлялся в эвакуационный госпиталь № 1170³⁴.

Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция окончилась 1 марта 1944 года. За 48 дней советские войска нанесли крупное поражение немецкой группе армий «Север», полностью освободили Ленинград от вражеской осады, отбросив противника на 220—280 км, освободили Ленинградскую

Во время подготовки частей к следующей атаке их санитарной службой организовывались так называемые грабли — прочёсывание района боевых действий под руководством командира взвода носильщиков с целью поиска раненых

Личный состав ХППГ-2230
Ленинградский фронт, 42-я армия, 1942 г.
ФОФ-80350

и часть Калининской области³⁵. Советские воины показали высокое воинское мастерство, выносливость и героизм³⁶. Санитарные потери Ленинградского фронта в операции составили 227 440 человек, из них безвозвратные — 56 564 человека³⁷.

На первом этапе операции из всех войск Ленинградского фронта наибольшие потери (40,6 проц. от войск фронта) понесла 42-я армия³⁸. За первые пять дней операции они составили 13 469 человек. Это на 37 проц. превышало их предполагавшийся размер и равнялось около 20 проц. боевого состава армии³⁹. Наибольшие потери понёс 30-й гвардейский стрелковый корпус.

В период с 15 по 30 января 1944 года медицинская служба 42-й армии также понесла значительные потери. За это время были ранены 358, убиты 139 санитаров, соответственно 175 и 77 санинструкторов, 22 и 8 фельдшеров, 2 и 4 врача. Количество раненых и убитых санитарных инструкторов составило 98 проц. к их штату (полностью укомплектованному к началу операции)⁴⁰.

Высокий процент потерь среди среднего и младшего медицинского состава передовых медицинских подразделений объяснялся тем, что вынос с передовой производился в процессе боя непрерывно, невзирая на интенсивный огонь противника. Первая помощь на поле боя была оказана санитарями и санинструкторами более чем в 50 проц. случаев. Потери среди фельдшеров относились за счёт командиров санитарных взводов батальонов и взводов санитаров-носильщиков, которые не только руководили работой подчинённых, но и лично на поле боя оказывали

Набор индикационный СЭЛ (санитарно-эпидемиологической лаборатории)

1942 г.
ОФ-102452

Врач лаборатории военврач 3-го ранга А.И. Машкова-Алексеева и начальник лаборатории военврач 2-го ранга Н.А. Петрова
Ленинградский фронт, 42-я армия, СЭО-42, подвижная лаборатория, декабрь 1942 г.
ФОФ-80870

Таблица 21.3

Показатели хирургической работы госпитальных баз армий Ленинградского фронта* на первом (январь)**, втором и третьем (февраль) этапах операции, в % к числу лечившихся пораженных в бою

Показатели	Госпитальная база					
	2-й уд. армии		42-й армии		67-й армии	
	Январь	Февраль	Январь	Февраль	Январь	Февраль
Всего оперировано	31	21,1	12,6	5,9	26	11,7
Сделано переливаний крови	6,5	4,5	14,1	3,3	...	6,5
Иммобилизовано: транспортными шинами	18,1	14,1	5	14,7	20,4	17,5
гипсовыми повязками	2,6	0,2	1,2	0,9	18,9	2,9

* Не приводятся данные по Волховскому фронту, так как 15 февраля он был расформирован.

** Данные за январь условно отнесены к первому этапу операции.

Показатели хирургической работы госпитальных баз армий Ленинградского фронта на первом (январь), втором и третьем (февраль) этапах операции, в проц. к числу лечившихся после ранений в бою

Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в 2 т. / Под общ. ред. генерал-полковника м/с Э.А. Нечаева. Т. 2. М.: Воениздат, 1993. С. 49.

Таблица 21.4

Оперированность в госпитальных базах армий Ленинградского фронта некоторых категорий раненых в ходе операции, % к числу лечившихся с ранениями данной локализации

Локализация и характер ранения	Госпитальная база					
	2-й уд. армии		42-й армии		67-й армии	
	Январь	Февраль	Январь	Февраль	Январь	Февраль
Ранения черепа с повреждением костей	68,1	62,3	—	10,6	62,8	53,1
Проникающие ранения грудной клетки:						
с открытым пневмотораксом	46,4	47,6	48,7	15,1	31,4	30,6
без открытого пневмоторакса	43,8	51,5	15,8	5,5	11	14,9
Проникающие ранения живота	46,3	50,2	52,5	25,6	37,5	29,5
Ранения бедра с повреждением кости	60,9	81,3	23,9	10,8	29	17,5

Оперированность в госпитальных базах армий Ленинградского фронта некоторых категорий раненых в ходе операции, проц. к числу лечившихся с ранениями данной локализации

Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в 2 т. / Под общ. ред. генерал-полковника м/с Э.А. Нечаева. Т. 2. М.: Воениздат, 1993. С. 50.

Освобождение Ленинградской области г. Пушкин, Ленинградский фронт, январь 1944 г. ФОФ-87018

помощь раненым. Кроме того, потери имелись и в результате прямых попаданий снарядов в батальонные и полковые медицинские пункты и от бомбёжек на переправах вражеской авиацией.

За период с 15 января по 15 марта 1944 года 50 проц. всех раненых вынесли санитары-носильщики, 12 проц. — бойцы, вышли самостоятельно 38 проц. (легкораненые)⁴¹. Первая помощь в порядке самопомощи и взаимопомощи была оказана в 30 проц. всех случаев ранений, что показало большое практическое значение проведённой перед боями работы с личным составом⁴².

Таковы итоги работы медицинской службы 42-й армии в первый период Ленинградско-Новгородской наступательной операции. В работе имелись и положительные стороны, и ошибки. Так, эффективной оказалась эвакуация значительной части раненых и больных из дивизионных медицинских пунктов непосредственно в лечебные учреждения госпитальной базы фронта. Медицинская служба армии успешно боролась с эпидемиями на освобождённых от оккупации территориях.

В то же время существенными были ошибки в планировании. Санитарный отдел 42-й армии составил план медицинского обеспечения операции всего лишь на пять дней, что являлось серьёзным недостатком его работы⁴³. Недостаточно умело организовывался манёвр госпитальными средствами и др. Недостатки объяснялись в основном отсутствием опыта в обеспечении наступательных операций и длительным пребыванием в обороне.

В 2024 году мы отмечаем 80-летнюю годовщину пол-

ного освобождения Ленинграда от вражеской осады. Вспоминаем и всех защитников города, в числе которых врачи, медсёстры, фельдшеры, санитары и санитарные инструкторы,

беззаветно, под огнём противника осуществлявшие работу по спасению раненых воинов. «Медицинская служба 42-й армии в период освобождения Ленинграда от блокады работала с полной

отдачей, самоотверженно выполняла свой патриотический долг. Медицинские работники вписали одну из славных страниц в книгу величественной эпопеи борьбы за Ленинград»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. С. 456.

² Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 406.

³ Пилипенко Д.С. Медицинское обеспечение Ленинградского фронта в наступательной операции советских войск под Ленинградом и Новгородом // Труды Военно-медицинского музея. Т. XVII. Л.: ВММ МО СССР, 1965. С. 10.

⁴ Борейша Я.А. Медицинская служба 42-й армии в период блокады и разгрома фашистов под Ленинградом в 1944 г. // Там же. С. 30.

⁵ Гладких П.Ф. Медицинская служба 2-й ударной и 42-й армий в операции по полному снятию блокады Ленинграда // Медицинское обеспечение войск в операции по снятию блокады и некоторые вопросы здравоохранения в осаждённом Ленинграде: материалы конференции. Л.: ВММ МО РФ, 1964. С. 74.

⁶ Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) (Архив военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург). Ф. 85. Оп. 5215. Д. 3. Л. 18.

⁷ Борейша Я.А. Указ. соч. С. 33.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Дивизионный медицинский пункт (ДМП) развёртывался силами и средствами медико-санитарного батальона дивизии (медсанбат, медсб). В годы Великой Отечественной войны понятия ДМП и медсб отождествлялись.

¹⁰ ДПМ — двухмачтовая палатка, предназначенная для основной работы в медсб и военно-полевых госпиталях размером 9,6 х 6,7 м, площадью 58,5 м² на 12 мест. Палатка ППМ была одно-

мачтовой и предназначалась для полковых медицинских пунктов и подсобных служб медсб и ВПГ. Размеры палатки 4,9 х 4,9 м, площадь 22 м², на 8 мест.

¹¹ Смирнов Е.И. Вопросы организации и тактики санитарной службы. М.: Медгиз, 1942. С. 73.

¹² Борейша Я.А. Указ. соч. С. 34.

¹³ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 5215. Д. 3. Л. 16, 16 об.

¹⁴ Борейша Я.А. Указ. соч. С. 34.

¹⁵ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 5215. Д. 3. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 24 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 25 об.

¹⁹ Альбихтол (Albichtholum) — препарат очищенного лёгкого масла сланцевой смолы. В сочетании с зелёным мылом (калийное мыло, эффективное против насекомых) применяется в виде пасты для борьбы со швистостью, клопами и тараканами.

²⁰ Антипедикулин — смесь 40—50 проц. препарата СК (продукт хлорирования терпенов) с эмульгаторами — густая маслообразная жидкость тёмного цвета, хорошо эмульгирующая с водой. Применяется двухпроцентная водная эмульсия для пропитки нательного и постельного белья, орошения постельных принадлежностей, обработки вещей и помещений.

²¹ Дуст (dust — англ. «пыль») — ДДТ, мощный инсектицид, производное хлорбензола. Первые полевые испытания были проведены в 1942 г.

²² Филиал ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 5215.

²³ Л. 26, 26 об.

²⁴ Там же. Оп. 6589. Д. 2. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 63.

²⁶ Там же. Л. 11, 14.

²⁶ Там же. Л. 33.

²⁷ Киянов В.И. Особенности работы 14 медсб 86 сд Ленинградского фронта при значительных поступлениях раненых в период блокады Ленинграда и её снятия (1941—1944 гг.) // Труды Военно-медицинского музея МО СССР. Т. XXVI. Л.: ВММ МО СССР, 1970. С. 151.

²⁸ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 6589. Д. 2. Л. 51.

²⁹ Там же. Л. 67, 70.

³⁰ Там же. Л. 84.

³¹ Там же. Л. 83.

³² Там же. Оп. 5215. Д. 3. Л. 9.

³³ Там же. Л. 7, 7 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Гладких П.Ф. Здравоохранение и военная медицина в Битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941—1944 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 224.

³⁶ Битва за Ленинград / Под общ. ред. С.П. Платонова. М.: Воениздат МО СССР, 1964. С. 416.

³⁷ Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д. и др. Россия и СССР в войнах XX века: книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 317.

³⁸ Смирнов Е.И. Война и военная медицина. 1939—1945 годы. М.: Медицина, 1979. С. 316.

³⁹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 85. Оп. 5215. Д. 3. Л. 18 об.

⁴⁰ Там же. Л. 22 об.

⁴¹ Там же. Л. 18, 18 об., 19 об.

⁴² Там же. Л. 18 об.

⁴³ Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в 2 т. / Под общ. ред. генерал-полковника м/с Э.А. Нечаева. Т. 2. М.: Воениздат, 1993. С. 55.

⁴⁴ Борейша Я.А. Указ. соч. С. 34.

A.A. Budko, N.Yu. Brinyuk

«THE MEDICAL SERVICE... SELFLESSLY FULFILLED ITS PATRIOTIC DUTY»

Medical and Evacuation Support of the 42nd Army of the Leningrad Front in January 1944

Information about authors. Anatoly Budko — director of the Military Medical Museum of the Defense Ministry of the Russian Federation, Distinguished Doctor of the Russian Federation, D. Sc. (Med.), professor, Honored Cultural Worker of the Russian Federation (St. Petersburg). E-mail: milmedmuseum@mil.ru;

Nadezhda Brinyuk — researcher at the Research Institute of Military History, Military Academy, General Staff of the RF AF, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg). E-mail: brinyuk2013@yandex.ru.

Summary. The paper details the medical assistance provided to the 42nd Army of the Leningrad Front during the initial phase of the Leningrad-Novgorod strategic offensive operation. It outlines the challenges and risks faced by the medical personnel in their efforts to care for the injured and ill. The paper draws on archival sources, which were previously unpublished in scholarly circles.

Keywords: Leningrad-Novgorod operation; 42nd Army; Y. Boreysha; advanced medical stations; hospitals; injured; ill.

ТОТАЛЬНЫЙ ГОЛОД СТАЛ ГЛАВНОЙ ПРИЧИНОЙ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ЖЕРТВ СРЕДИ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941—1944 гг.

Сведения об авторе. Красноженова Елена Евгеньевна — профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: eelena@inbox.ru).

Аннотация. В статье показана продовольственная ситуация в Ленинграде в период блокады. Истощение продовольственных ресурсов города и крайне ограниченные возможности их подвоза вызвали тотальный голод, который стал главной причиной огромных потерь среди горожан. Голод явился инструментом реализации преступной политики геноцида в отношении гражданского населения Ленинграда. Это обусловило актуальность настоящего исследования. Анализ материалов, выявленных в архивах Санкт-Петербурга, позволил определить основные источники снабжения ленинградцев. В их числе — отоваривание продовольственных карточек, дававших возможность получить мизерные наборы продуктов питания, не обеспечивавших даже минимальные потребности горожан. В целях борьбы с голодом использовались пищевые заменители, открывались специализированные столовые усиленного и рационального питания для больных и истощённых горожан. В статье показаны особенности продовольственного обеспечения различных категорий населения: рабочих, служащих, детей и подростков, инвалидов войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ленинград; блокада; повседневность; дети; голод; продовольствие; геноцид народов СССР.

Одним из ключевых событий Великой Отечественной войны стала блокада Ленинграда, приведшая к гибели сотен тысяч горожан. Санкт-Петербургский городской суд 20 октября 2022 года признал блокаду города преступлением против человечности и геноцидом советского народа. На слушаниях была представлена уточнённая информация по числу жертв блокады — 1,09 млн человек¹. Необходимость обращения к проблемам продовольственной ситуации в городе определена тем, что длительная блокада привела к голоду среди населения, росту заболеваемости и смертности, обострению бытовых проблем. Именно тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Количество

жертв от артиллерийских обстрелов и бомбёжек составило только 10 проц. от вышеуказанной цифры².

Актуальность исследования обусловлена и тем, что вопреки военным трудностям и отсутствию продовольствия предприятия города не остановили свою работу, продолжая снабжать фронт необходимой оборонной продукцией, внося значительный вклад в победу над фашизмом.

В период блокады ведущей стратегией повседневной жизни горожан стал поиск продовольствия посредством отоваривания продовольственных карточек, приобретения продуктов питания в торговой сети и на предприятиях общественного питания, нахождения пищевых заменителей. Вместе с тем, несмотря

на экстремальные условия выживания в годы блокады, город продолжал жить обычной повседневной жизнью. Так, почти во всех дневниках детей блокады описаны новогодние ёлки. Работали театры, библиотеки, действовали пионерские лагеря.

Цель статьи состоит в анализе продовольственной ситуации в Ле-

Актуальность исследования проблем, связанных с историей блокадного Ленинграда, обусловила научный интерес к данной тематике. Значительная работа была проделана историками в области изучения работы ленинградских промышленных предприятий и транспорта, особенностей экономики и торговли, эвакуации из города населения и объектов народного хозяйства. Необходимо отметить работы Г.Л. Соболева, М.В. Ходякова, В.Л. Пянкевича, ряда других авторов³. В работах Н.А. Ломагина и С.В. Ярова⁴ вы-

явлены настроения горожан в условиях блокады.

Проблема выживания людей в этих условиях стала предметом исследований и ряда зарубежных историков⁵.

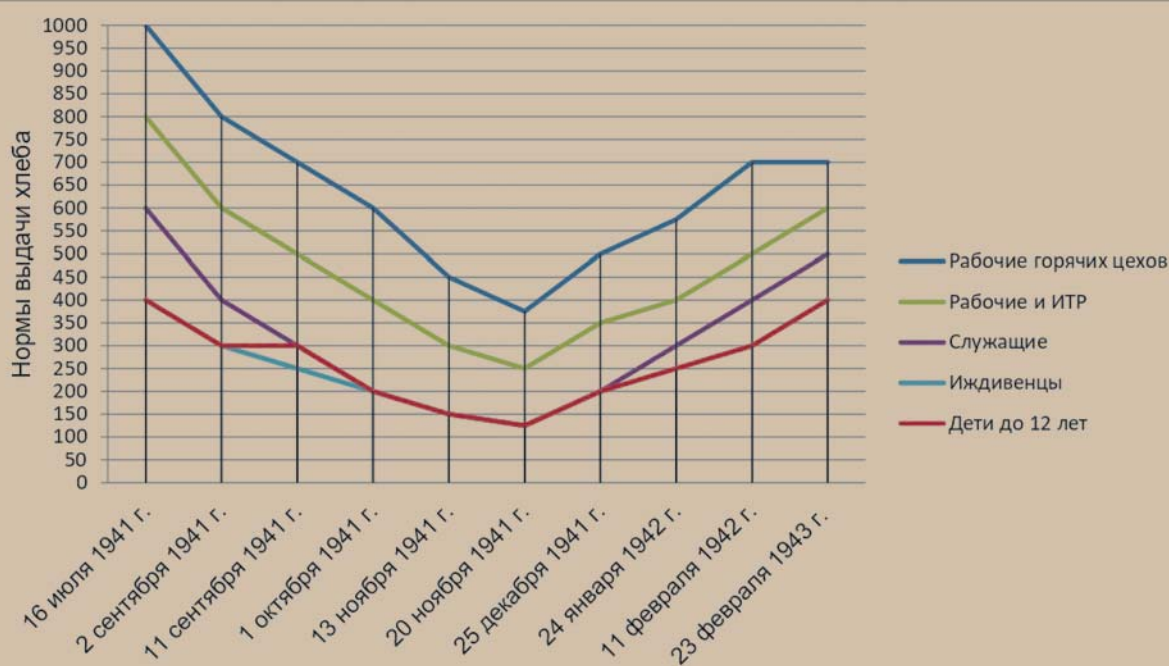
После провала первого штурма Ленинграда в конце сентября 1941 года А. Гитлер решил прибегнуть к голодной блокаде города, чтобы сломить сопротивление его защитников. Фашистская авиация бомбила центральные городские продовольственные Бадаевские склады, мельничные комбинаты, элеватор торгового порта.

нинграде в условиях блокады. Территориальными рамками исследования выступают Ленинград и его ближайшие пригороды в границах 1941 года, не занятые немецко-фашистскими войсками. Хронологические рамки исследования ограничены периодом блокады Ленинграда (1941—1944).

В такой обстановке вопросы продовольственного снабжения приобрели исключительное значение. Одной из первоочередных мер явилась строгая централизация распределения продуктов. Нормирование продуктов питания и изменение норм снабжения производились единым органом — продовольственной комиссией под руководством члена военного совета Ленинградского фронта генерал-лейтенанта А.А. Кузнецова. Одновременно изыскивались способы переработки отходов и про-

Диаграмма

Нормы выдачи хлеба в блокадном Ленинграде

Блокадный хлеб

Фото автора

Музей обороны и блокады Ленинграда

**Воспитанники детского дома №17 Смольнинского района
в стационаре. 12 июля 1942 г.**

Автор съёмки не установлен
ЦГАКФФД СПб

Карточка на хлеб

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 53. Л. 1, 2, 8.

ЛЕНИНГРАД													Р																
КАРТОЧКА																													
НА ХЛЕБ																													
НА ЯНВАРЬ 1942 г.																													
Фамилия _____													И. П.																
Имя, отчество _____																													
При утере карточка не возобновляется																													
31	1д	29	1д	27	1д	25	1д	23	1д	21	1д	19	1д	17	1д	15	1д	13	1д	11	1д	9	1д	7	1д	5	1д	2	1д
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
31	1г	29	1г	27	1г	25	1г	23	1г	21	1г	19	1г	17	1г	15	1г	13	1г	11	1г	9	1г	7	1г	5	1г	2	1г
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
31	1в	29	1в	27	1в	25	1в	23	1в	21	1в	19	1в	17	1в	15	1в	13	1в	11	1в	9	1в	7	1в	5	1в	2	1в
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
31	1б	29	1б	27	1б	25	1б	23	1б	21	1б	19	1б	17	1б	15	1б	13	1б	11	1б	9	1б	7	1б	5	1б	2	1б
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
31	1а	29	1а	27	1а	25	1а	23	1а	21	1а	19	1а	17	1а	15	1а	13	1а	11	1а	9	1а	7	1а	5	1а	2	1а
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
30	1д	28	1д	26	1д	24	1д	22	1д	20	1д	18	1д	16	1д	14	1д	12	1д	10	1д	8	1д	6	1д	4	1д	1	1д
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
30	1г	28	1г	26	1г	24	1г	22	1г	20	1г	18	1г	16	1г	14	1г	12	1г	10	1г	8	1г	6	1г	4	1г	1	1г
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
30	1в	28	1в	26	1в	24	1в	22	1в	20	1в	18	1в	16	1в	14	1в	12	1в	10	1в	8	1в	6	1в	4	1в	1	1в
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
30	1б	28	1б	26	1б	24	1б	22	1б	20	1б	18	1б	16	1б	14	1б	12	1б	10	1б	8	1б	6	1б	4	1б	1	1б
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
30	1а	28	1а	26	1а	24	1а	22	1а	20	1а	18	1а	16	1а	14	1а	12	1а	10	1а	8	1а	6	1а	4	1а	1	1а
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ

изводства заменителей. На пивоваренных заводах брониrowались остатки солода, на кожевенных — шкуры телят, в торговом порту — бараньи кишки и хлопковый жмых, на бумажных фабриках — целлюлоза.

В ноябре 1941 года заболеваемость на почве истощения приобрела характер эпидемии⁶. Мизерный паёк в последние месяцы 1941-го и низкое качество пищи вызвали у значительной части населения дистрофию и цингу⁷. Существенно возрос поток посетителей в поликлиниках, в некоторые из них ежедневно обращались до 200 человек. Так, в поликлинику Кировского района с 21 по 28 ноября 1941 года с жалобами на болезненное состояние из-за плохого питания обратились 1626 ленинградцев. В поликлинике Дзержинского района диагноз «истощение» был поставлен 423 из 4375 посетителей⁸.

В конце ноября участились случаи голодных обмороков на производстве и на улице. В том месяце умерли 11 085 ленинградцев, это почти в три раза превышало среднемесячный показатель мирного полугодия 1941 года. В декабре загсы Ленинграда, Колпино и Кронштадта зарегистрировали 53 843 смерти, в т.ч. 5671 ребенка до одного года⁹.

С распространением цинги актуализировался вопрос снабжения населения витаминами. Производство хвойного настоя организовали ликёроводочный, уксусный заводы, фасовочно-маринадный комбинат и другие предприятия. Заготовкой хвои занимались Лензаготплодоовощторг, Управление продовольственными торгами и организации общественного питания.

Производство хвойного настоя, начатое ещё в первые

месяцы блокады, расширилось в 1942 году. По заданию горкома партии в ноябре заготовка хвой увеличилась до 600 т в месяц¹⁰. Хвойный настой входил в пищу, приготовлявшуюся в столовых лечебного питания, и продавался в магазинах. Весной и летом 1942-го жители города собирали щавель, лебеду, крапиву, корни одуванчика и другие пригодные в пищу растения, а также грибы и ягоды, ботву корнеплодов. Травы тщательно промывались в проточной воде, затем её измельчали, солили и протирали. Образовавшаяся тестообразная масса использовалась для приготовления щей, котлет, паштетов. Листья малины и смородины шли на изготовление искусственного чая.

Началось производство растительного молока из сои по технологии, разработанной в период блокады на Ленинградском молочном комбинате. Здесь также из сои вырабатывали простоквашу, творог, сырковую массу и кефир. Всего в годы блокады было выпущено свыше 80 тыс. т растительного молока и молочных продуктов, которыми в первую очередь снабжались детские учреждения, госпитали и больницы¹¹.

В блокадных условиях впервые в СССР было налажено массовое производство белковых дрожжей из древесных опилок. Данное производство началось в специальных цехах кондитерской фабрики имени А.И. Микояна и на ряде других предприятий. За годы блокады заводы изготовили 3447 т белковых дрожжей. На предприятиях пищевой промышленности и общественного питания из них готовились галеты, студни, паштеты, котлеты и пр.¹²

Различные заменители широко использовались в муко-

льном производстве и хлебопечении. Вместо полноценного сырья мирного времени на переработку пошли отруби, жмых, рисовая лузга, обойная пыль, мучные сметки и т.п. Хлеб выпекался с 68-процентной примесью жмыха, целлюлозы и других заменителей. На 16-м хлебозаводе, например, только в ноябре 1941 года применение заменителей позволило сэкономить 44 т муки¹³.

Хлебозаводы в значительных количествах использовали пищевую целлюлозу. Её производство было организовано на пивоваренном заводе имени Степана Разина, на фабрике «Гознак» и других предприятиях. В зимние месяцы 1941/42 года промышленность города выработала около 1000 т пищевой целлюлозы¹⁴.

В составе мясной продукции преобладающее место также заняли заменители. Так, в рецептуру столовой колбасы включали 35 проц. мяса, 60 — кишечного сырья и 5 — картофельной муки и желатина. В рецептуру блокадного студня входили: кишечное сырьё — 92 проц., субпродукты — 5 и желатин — 3 проц.¹⁵

18 июля 1941 года в Ленинграде были введены карточки

на некоторые продовольственные и промышленные товары. Карточка являлась главным документом, дававшим горожанам право приобретать продукты по низким государственным ценам. 20 ноября были установлены самые низкие блокадные нормы снабжения населения хлебом: рабочие получали по 250 г в день, служащие, иждивенцы и дети — по 125 г¹⁶.

Были снижены нормы и на другие продовольственные продукты. Так, в сентябре 1941 года нормы снабжения крупой и макаронами для рабочих снизились с 2000 до 1500 г, для служащих — с 1500 до 1000, для иждивенцев — с 1000 до 600. Дети до 12 лет получали 1200 г крупы. Нормы снабжения мясом в сентябре 1941-го для рабочих были снижены до 1500 г, для служащих — до 800, для иждивенцев — до 600, для детей до 12 лет — до 400 г¹⁷. В столовых и больницах было введено питание за счёт норм, полагавшихся по продовольственным карточкам. С полок магазинов в ноябре надолго исчезли картофель, овощи, молоко. Всё большую долю в блокадном пайке занимали суррогаты.

Прикрепительный ТАЛОН на КРУПУ и МЯСО на июль 1942 г.	КАРТОНКА на покупку продовольствия в июле 1942 г.	ЛЕНИНГРАД Место для штампа прикрепления	Р 100 VI	Р 95 VI	Р 90 VI	Р 85 VI	Р 80 VI	Р 75 VI	Р 70 VI	Р 65 VI
			РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
Фамилия Имя, отч. Дом. адрес Ул. Дом №	Место для штампа перерегистрации	Р 99 VI	Р 94 VI	Р 89 VI	Р 84 VI	Р 79 VI	Р 74 VI	Р 69 VI	Р 64 VI	
		РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
При утере картонка не возобновляется			Р 98 VI	Р 93 VI	Р 88 VI	Р 83 VI	Р 78 VI	Р 73 VI	Р 68 VI	
			РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 97 VI	Р 92 VI	Р 87 VI	Р 82 VI	Р 77 VI	Р 72 VI	Р 67 VI	
			РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 96 VI	Р 91 VI	Р 86 VI	Р 81 VI	Р 76 VI	Р 71 VI	Р 66 VI	
			РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 31 VI	Р 32 VI	Р 33 VI	Р 34 VI	Р 35 VI	Р 36 VI	Р 60 VI	Р 59 VI
			МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 25 VI	Р 26 VI	Р 27 VI	Р 28 VI	Р 29 VI	Р 30 VI	Р 50 VI	Р 49 VI
			МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 19 VI	Р 20 VI	Р 21 VI	Р 22 VI	Р 23 VI	Р 24 VI	Р 40 VI	Р 39 VI
			МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 13 VI	Р 14 VI	Р 15 VI	Р 16 VI	Р 17 VI	Р 18 VI	Р 30 VI	Р 29 VI
			МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 7 VI	Р 8 VI	Р 9 VI	Р 10 VI	Р 11 VI	Р 12 VI	Р 20 VI	Р 19 VI
			МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр
			Р 1 VI	Р 2 VI	Р 3 VI	Р 4 VI	Р 5 VI	Р 6 VI	Р 10 VI	Р 9 VI
			МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	МЯСО 50 гр	РУБА 20 гр	РУБА 20 гр

Карточки на крупу и мясо
ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 53. Л. 1, 2, 8.

Очередь за молоком для детей в детской консультации при
районной поликлинике на ул. Правды (Фрунзенский район)
Фото В.Г. Федосеева, 17 апреля 1942 г.
ЦГАКФФД СПб

С началом войны торговая сеть Ленинграда была сокращена с 2045 (на 1 июля 1941 г.) до 440 единиц (на 1 сентября 1943 г.). Сеть продовольственных ларьков сократилась за тот же период на 3071 единицу. Промтоварная торговая сеть сократилась с 1477 (на 1 июля 1941 г.) до 214 магазинов (на 1 сентября 1943 г.). Так, в 1942 году были поставлены на консервацию универмаги «Пассаж» и «Фрунзенский», ликвидированы ряд мелких промтоварных предприятий¹⁸.

Государственные цены на хлеб в условиях блокады достигали 1,7–1,9 руб. за кг. Невысокой была и стоимость блюд в столовых. К примеру, тарелка каши в столовой в октябре 1941 года обходилась в 1,4 руб., а в мае 1942-го порция из четырёх дурандовых котлет продавалась за 2,40 руб.¹⁹ Рыночные цены в блокадном городе росли быстро. Стоимость килограмма хлеба 22–30 декабря 1941 года составила 450–500 руб. Лишь с марта 1943-го его стали продавать за 100–150 руб. за кг. В октябре 1943 года было зафиксировано снижение цен на хлеб до 80 руб. за кг, а в декабре — до 50 руб.²⁰ Примерно на том же уровне, что и хлеб, оценивался на рынке сахар, чуть меньше — мясо. Дороже всего ценилось сливочное масло: в декабре 1941 года за килограмм просили 800 руб., в марте 1942-го — 1500 руб.²¹

Деньгами, как правило, ленинградцы расплачивались лишь при совершении мелких покупок, например кусочка хлеба, пучка редиса или коробки спичек. Милиция тщательно выявляла спекулянтов продовольствием. Поэтому на рынках процветал натуральный обмен. Ленинградцы несли на рынок драгоценности, одежду, домашнюю утварь, посуду. На сельхозпродукты

меняли предметы первой необходимости (свечи, керосин, дрова, табак, спички, одежду, обувь, иные хозяйственные вещи). Так, на 300 г хлеба можно было обменять зимнее пальто²².

Особую значимость в условиях тотального голода приобрели предприятия общественного питания. В годы войны в Ленинграде была создана специализированная сеть столовых: 30 — детских (с охватом до 50 тыс. питающихся), 20 — для обслуживания детей красноармейцев (15 тыс.), 5 — инвалидов войны и труда (4000), 7 — питания учащихся и педагогов спецшкол (3400), а также с отпуском обедов для детей на дом²³.

Питание в столовых оставалось скудным. Столовые крупнейших заводов (Кировского, «Большевика», имени В.И. Ленина, «Красного треугольника» и др.) не получали до 70 проц. необходимых продуктов; качество обедов было крайне низким; в столовых скапливались большие очереди, в которых приходилось стоять один-два часа.

Самые истощённые рабочие и служащие на срок до двух-трёх недель направлялись в стационары, действовавшие при промышленных предприятиях. Несколько стационаров организовали при районных поликлиниках, а также в Политехническом институте и гостинице «Астория» — для учёных. Всего в городе функционировали 109 таких стационаров²⁴.

В конце апреля 1942 года вместо стационаров стали организовывать специальные столовые закрытого типа с повышенным (усиленным) питанием, рассчитанные на обслуживание одновременно 100 тыс. человек. Для этой цели из числа действовавших предприятий выделили 153

столовые, из них 89 — закрытых, находившихся на территории заводов, фабрик и учреждений, и 64 — открытого типа²⁵. К примеру, в столовой № 35 Октябрьского района Ленинграда организовали 152 посадочных места. Завтрак состоял из чая, хлеба, масла и колбасы с капустой. В столовой повышенного типа по проспекту Огородникова, д. 3 на завтрак посетители получали 110 г гречневой каши с кокосовым жиром, яйцо, 150 г хлеба и два стакана сладкого чая, на обед — тарелку рисового супа с картофелем на мясном отваре, баранье рагу с гарниром, кисель и 200 г хлеба. Ужин состоял из 150 г манной каши, одного стакана кофе с сахаром и 150 г хлеба²⁶.

Большую популярность у населения приобрели столовые рационального питания, появившиеся в Ленинграде в мае 1942 года. Калорийность питания в них уступала столовым повышенного лечебного питания лишь на 12—15 проц.²⁷ В мае 1942 года рационным питанием были охвачены 5000, а к 1 сентября 1943-го — 190 тыс. ленинградцев²⁸.

Большое внимание уделялось продовольственному снабжению детей. К 1 апреля 1943 года на рационном

питании состояли около 8400 школьников²⁹. В декабре 1942 года при 52 детских столовых организовали специальное усиленное питание для детей дошкольного и школьного возрастов³⁰. Для улучшения питания дошкольников с февраля 1942-го детские ясли были реорганизованы в интернаты. Питание детей, матери которых были больны, возлагалось на детские консультации. Для детей до трёх лет открыли молочные кухни.

Наряду с этим в некоторых столовых Ленинграда отмечались существенные недостатки в обслуживании посетителей. Так, в столовой № 29 Фрунзенского района многие из них обедали в верхней одежде, а некоторые выкладывали пищу в специально принесённые банки. В столовой «Метрополь» Куйбышевского района образовывались очереди у обеденных столиков. В четырёх столовых Октябрьского района 25 апреля 1942 года завтракали прикреплённые к ним 800 человек, в то время как поликлиники выдали до 1500 направлений. В столовой завода «Большевик» питались 130 вместо 400 человек. Значительную часть больных, имевших на-

Ленинградцы обменивают свои вещи на продукты на Кузнечном рынке. 1941—1942 гг.

*Фото Д.М. Трахтенберга
ЦГАКФФД СПб*

Мальчик, истощённый дистрофией, на одной из улиц города. 7 апреля 1942 г.

*Фото Г.Ф. Коновалова
ЦГАКФФД СПб*

правления, не прикрепили к столовым из-за отсутствия соответствующих крупяных, мясных и особенно хлебных талонов в продовольственных карточках, по которым ранее эти продукты были получены³¹.

В столовых отмечались массовые обвесы, злоупотребления при распределении продуктов, отсутствие контроля качества и калорийности готовой продукции³². Так, значительное число людей питались по второму и даже третьему разу. Например, в столовой № 10 Смольнинского района из 660 прикрепленных по второму разу питались 501, по третьему — 73 человека, а в столовой № 16 Дзержинского района по второму и третьему разу из 345 питались более 120 человек³³.

Также отмечались факты направления в столовые лечебного питания по просьбам администраций заводов здоровых людей, отличившихся на производстве, для их поощрения повышенным питанием.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны Ленинград пережил глобальную социальную катастрофу. Основным и наиболее важным фактором, определявшим судьбу ленинградцев, стал голод, явившийся причиной роста среди них заболеваемости и смертности. Потребностей горожан не могли обеспечить нормы продовольственного снабжения. Важно отметить, что в условиях блокады руководство города приняло ряд мер, направленных на борьбу с голодом. Среди них — поиск различных пищевых суррогатов, организация столовых лечебного, усиленного и рационального питания для больных и истощённых горожан. К сожалению, решить продо-

вольственные проблемы населения в условиях блокады было невозможно.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант

№ 22-28-20189) и Санкт-Петербургского научного фонда (грант № 62/2022).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Давние счёты: почему блокаду Ленинграда признали геноцидом // Известия. 2022. 20 октября; ранее приводились общие данные по численности мирного населения, преднамеренно истреблённого оккупантами в Ленинграде и Ленинградской обл., — 1 млн 384 тыс. человек. См.: Кикнадзе В.Г. Без срока давности: преступления нацистской Германии, её союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 37.

² Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб.: Нева, 2004. С. 685.

³ Гаврилова О.А., Ходяков М.В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941—1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2(16); Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения блокады Ленинграда // Там же. 2021. Т. 11. № 2; Пянкевич В.Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокированном Ленинграде // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9; Красноженова Е.Е., Кулик С.В., Кулинок С.В. Повседневная жизнь ленинградского студенчества в период оккупации и блокады: 1941—1944 гг. (на материалах Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина) // Вопросы истории. 2020. № 8; Ходано-

вич В.И. Блокадные будни одного района Ленинграда. М.: Центрполиграф, 2015; Красноженова Е.Е. Преступления против детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941—1944 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2023. №3.

⁴ Ломагин Н.А. Указ. соч.; Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013.

⁵ Hass J.K. Soviet Discursive Power versus War: Agitation and Propaganda in the Blockade of Leningrad. Modern History of Russia. 2018. Vol. 8. № 4; Moskoff W. The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II. New York: Cambridge University Press, 1991; Jones M.K. Leningrad: state of siege. New York: Basic books, 2008; Pleyzier A. Frozen Tears. The Blockade and Battle of Leningrad. Lanham Lanham; Boulder; New York; Toronto; Plymouth; UK: University press of America, 2008.

⁶ Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л.: Медгиз, 1947. С. 193.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 6318. Л. 2, 2 об.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9156. Оп. 6. Д. 5. Л. 154.

⁹ Там же. Ф. 4904. Оп. 1. Д. 7. Л. 19, 119.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4602. Л. 7—8.

¹¹ Там же. Д. 4887. Л. 130.

¹² Там же. Л. 131.

¹³ Там же. Ф. 413. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 146. Л. 95.

¹⁵ Там же. Д. 142. Л. 19.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 3778. Л. 114.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 125—126.

¹⁹ Яров С.В. Указ. соч. С. 96. Дуранда — жмых, спрессованные бруски отходов, оставшихся от производства муки.

²⁰ Пянкевич В.Л. Рынок в осаждённом Ленинграде // Жизнь и быт блокированного Ленинграда. СПб., 2010. С. 136, 137.

²¹ Яров С.В. Указ. соч. С. 98.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5760. Л. 3.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 120.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4887. Л. 126—127.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 120.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5760. Л. 164—168.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 23. Л. 34—37.

²⁸ Там же. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 122.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4887. Л. 127.

³⁰ Там же. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 122.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 23. Л. 34—37.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4464. Л. 51—57.

³³ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 23. Л. 341.

Ye.Ye. Krasnozhenova

TOTAL STARVATION WAS THE MAIN CAUSE OF MANY DEATHS AMONG THE INHABITANTS OF LENINGRAD

The food situation in besieged Leningrad 1941—1944

Information about author. Yelena Krasnozhenova — professor of the Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, D. Sc. (Hist.) (St. Petersburg, E-mail: eleena@inbox.ru).

Summary. The paper examines the food situation in Leningrad during the blockade. The depletion of the city's food resources and limited delivery options led to a devastating famine, resulting in significant loss of life among the citizens. The famine was used as a tool to carry out a criminal policy of genocide against the civilian population of Leningrad, making this study relevant and important. The analysis of materials from St. Petersburg archives identified main sources of supply for Leningrad residents, including ration cards that provided meager sets of foodstuffs insufficient for minimum needs. To combat hunger, food substitutes were used, and specialized rationed food canteens were opened for sick and exhausted citizens. The paper explores the unique aspects of providing food for various segments of the population, including workers, employees, children, teenagers, and war veterans with disabilities.

Keywords: Great Patriotic War; Leningrad; blockade; everyday life; children; hunger; food; genocide of the USSR peoples.

«ВОЙНА РУМЫНСКО-НЕМЕЦКОЙ АРМИИ ПРОТИВ РОССИИ — ЕСТЬ ВОЙНА КРЕСТА ПРОТИВ ДЬЯВОЛА...»

Румынское военное духовенство на советско-германском фронте
(1941—1945 гг.)

Сведения об авторе. Малютина Татьяна Петровна — профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж. E-mail: chal.04@mail.ru).

Аннотация. В статье поднимается проблема соотношения христианского вероучения с человеконенавистнической концепцией расового превосходства в мировоззрении солдат и офицеров вермахта в контексте творившихся ими злодеяний, не имеющих срока давности, на оккупированных советских территориях. На основе ранее не публиковавшихся архивных источников исследуются положение и полномочия румынского православного военного духовенства в румынских подразделениях, вторгшихся в СССР в годы Великой Отечественной войны. Затрагивается вопрос о румынских священниках, с 1944 года продолжавших службу в своём прежнем статусе, но уже на стороне советских войск. Автор анализирует влияние антисоветской фашистской пропаганды на христианский менталитет румынских солдат и офицеров летом 1941 года, раскрывая в динамике, как менялись представления румынских военных об СССР в дальнейшем, уже под влиянием личных впечатлений.

Ключевые слова: капеллан; румынский гарнизонный священник; священник румынского армейского корпуса; епископ румынской армии; 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску; геноцид народов СССР; без срока давности; А. Гитлер; Й. Антонеску; Й. Геббельс.

«Как только где-нибудь вместо слова “здравствуй” произнесут “хайль” в чей-то персональный адрес — знайте, там нас ждут. Оттуда мы начнём своё великое возрождение». Эти слова из кинофильма Т. Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», сказанные актёром Л. Броневым в роли шефа гестапо

Г. Мюллера (равно как и его предшествующий монолог о возможности и необходимости создания из действий нацистов легенд для подрастающего поколения) находят своих последователей в современном мире. И вновь, как и 80 лет назад, на пути реализации этих планов форпостом стоит Россия.

Одним из отрезвляющих и действенных противоядий от распространения и «героизации» нацистской заразы стал Федеральный проект «Без срока давности», в рамках которого собираются, изучаются и публикуются документы о зверствах немецко-фашистских оккупантов в СССР в годы Великой Отечественной войны. В регионах России вынесены уже двенадцать судебных решений, признающих геноцидом преступления нацистов и их союзников — итальянцев, венгров, румын

против мирного советского населения¹.

Оккупанты грабили, мучили, убивали женщин, стариков и детей не только под влиянием бесчеловечной теории «расовой гигиены» и желая освободить для себя жизненное пространство. Они привлекли для оправдания своей жестокости даже христианское вероучение и сакральную символику.

В книге «Майн кампф» («Моя борьба») А. Гитлер отмечал «великое психологическое значение» символов и их способность оказывать серьёзное

влияние на человека. Он сам пришёл к власти и внедрил идеологию Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП; на Нюрнбергском процессе руководящий состав партии признан преступным, а идеология НСДАП — одной из главных причин геноцида Второй мировой войны) в народные массы во многом благодаря умелому управлению и манипулированию эмоциями толпы. Одним из символов партии фюрера стала свастика — изображение креста с загнутыми концами. В трактовке рейхсканцлера Гер-

мании этот символ приобрёл зловещий смысл как знак борьбы арийцев с представителями других народов. Загнутые «когти» креста словно нацелились на цыган, евреев, славян и других, с точки зрения германских нацистов, «недочеловеков».

При этом А. Гитлер формально являлся католиком. Он всегда платил церковные налоги и никогда официально не отрекался от христианской веры. Историк Э. Хельмрайх характеризует фюрера как «безразличного к практике церкви, но осознающего силу и влияние религии»³. Исследователь А. Левис считает, что фюрер рассматривал религию как инструмент, «предназначенный для охвата широких масс», и как феномен, ценность которого диктовалась отсутствием лучшей альтернативы⁴. Кроме того, рейхсканцлер Германии был уверен, что у церкви нет будущего и религия как явление изживёт себя в течение одного-двух столетий⁵.

Немецкие военнослужащие, готовясь к вторжению на территорию Советского Союза, по мысли их идейных лидеров и политических вождей, должны были верить в то, что делают правое и святое дело. Каждая дивизия вермахта по штату имела двух священников (капелланов) — католического и лютеранского вероисповедания. Должность капеллана в немецкой армии была престижной, и получить её было весьма непросто⁶. Присяга солдата вермахта гласила: «Я приношу перед Богом эту священную присягу в том, что я буду беспрекословно повиноваться верховному главнокомандующему вермахта, вождю немецкого государства и народа Адольфу Гитлеру и буду готов как храбрый солдат в любое время положить свою жизнь за принесённую мною присягу»⁷. А на пряжке

ремней солдат вермахта была выгравирована надпись «Gott mit uns», что в переводе на русский язык означает «С нами Бог». Этот девиз вёл и воодушевлял их, убеждая, что Бог поддерживает и благословляет на ратные подвиги по захвату территорий чужих государств.

Так в Третьем рейхе возникает, казалось бы, невозможный с позиции логики и здравого смысла союз двух крестов: нацистско-фашистской свастики и святого символа распятия Иисуса Христа, проповедовавшего вселенскую любовь и всепрощение.

В данной статье автор ставит своей задачей рассмотреть один из аспектов данного союза, а именно содружество румынского православного христианства с национал-социалистической идеологией фашизма, что представляется не только малоизученной в отечественной историографии, но и весьма важной темой, т.к. Румыния отправила из всех сателлитов фашистской Германии на Восточный фронт

была аграрной страной, имела запасы нефти (а значит, могла обеспечить горючим армии вермахта) и являлась удобным плацдармом для нападения на Советский Союз. Кроме того, кондуктор Румынии Й. Антонеску поддерживал захватнические устремления фюрера и для помощи в их реализации обещал выделить 3-ю и 4-ю румынские армии. Эти армии были сформированы преимущественно из крестьян — самого многочисленного сословия в Румынии. Большинство из них были неграмотны или малограмотны, патриархальны, консервативны и набожны.

По румынской Конституции 1923 года национальной церковью страны считалась Румынская православная церковь. Она провозгласила свою автокефалию в 1865 году. В 1885 году автокефалия Румынской православной церкви была признана Константинопольским патриархатом.

Над повышением боеспособности румынских войск с конца 1930-х годов работали

Румыния отправила из всех сателлитов фашистской Германии на Восточный фронт самый многочисленный контингент войск

самый многочисленный контингент войск. Источниковой базой исследования стали отрывки из дневников и материалы допросов румынских военнослужащих, хранящиеся в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ.

Разрабатывая операцию «Барбаросса», Гитлер особую роль отводил румынам. Румыния была выгодна фашистскому диктатору, так как

немецкие инструкторы, над укреплением их боевого духа — фашистские пропагандисты и психологи. В неформальной обстановке, не прикрываясь идеологическими штампами, Гитлер не скрывал, что румынское простонародье для него лишь «никчёмный скот»⁸. Министр пропаганды фашистской Германии Й. Геббельс считал, что «крестьянин... напоминает человека,

А. Гитлер и Й. Антонеску на военном совещании

Путь на Одессу

Румынские офицеры и солдаты на командном пункте в районе Одессы

сидящего много лет в глухом каземате. После бесконечной темноты его легко убедить в том, что керосиновая лампа — это солнце...»⁹.

В средствах массовой информации Румынии накануне и в первые месяцы натиска на Восток набирала обороты «магия внушения» — психологическая милитаристская пропаганда. Румынских крестьян в армейских папахх воодушевляли на ратные подвиги в войне с СССР в агитационном живом общении, по радио и в печати, убеждая, что они выполняют историческую миссию «освобождения своих братьев» в Бессарабии и Северной Буковине. Воинственные настроения поддерживались обещаниями правительства наделить всех отличившихся на фронте земельными наделами на захваченной территории и мифом о непобедимости вермахта. Многие румынские офицеры и солдаты уверовали в «могущество германской армии», были убеждены, что «война будет недолгой и победоносной»¹⁰.

Отдельной темой шли рассказы о злодеяниях большевиков, которые должны были укрепить в умах румынских военнослужащих (равно как и немецких) мысли о справедливой и «святой» войне с коммунистами-безбожниками. Ярким рупором подобной пропаганды являлась румынская газета «Солдат», считавшаяся разъяснительным и информационным листком для военных. В номере этой газеты от 19 августа 1941 года о большевиках писалось, например: они «разрушают человеческие жизни, затемняют христианские умы, дичают и уничтожают всё с чертовским рвением, которое является самой жестокой страстью жидовского духа, господствующего в советской стране. И поэтому мы на стороне великих наших

союзников несём туда не только крестовое знамя освобождения от рабства, но и истинное понятие жизни, являющейся упорядоченным трудом и созидательницей добра для всех»¹¹.

Подобная изо дня в день повторявшаяся пропаганда влияла на умы и настроения солдат и офицеров румынской армии. Подтверждение этому находим в оказавшихся в качестве трофейных документов в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) дневниках румынских военнослужащих. Так, в дневнике Зуграву Георге, сержанта 39-го пехотного полка 14-й румынской пехотной дивизии, за 12 июля 1941 года встречаем запись: «Двигаемся в направлении к Драганешты (село в

Сынжерейском районе Молдавии. — Прим. авт.). Солдаты встретили группу жидов и жидовок. Вывели их из дому и стали избивать лопатами, прикладами и всем, чем попало. Пошли в церковь. Слушали колокольный звон... Солдаты целовали кресты. Хор поёт: «Господи, помилуй нас»»¹².

Командир 2-го взвода разведроты 89-го румынского пехотного полка старший лейтенант Греку И. Герасим в своём дневнике 22 июля 1941 года писал: «Сегодня месяц, как началась война... Война румынско-немецкой армии против России — есть война креста против дьявола... Никогда я не имел понятия, что значит жизнь человека во время войны. Никто тебя не спасёт, кроме как вера в Бога»¹³.

Командир взвода 13-го пулемётного батальона лейтенант К. Марин, ведя свой дневник, 30 июля 1941 года отмечал: «Это гигантская борьба, это священная война между двумя мирами. Мир устройства и мир истребления. Кто победит? Это вопрос. Во всяком случае, наше дело правое»¹⁴. В его же дневнике встречаем записи, демонстрирующие реализацию этого «правого» дела: 16 июля 1941 года «в 16.05 я расстрелял жида-предателя»¹⁵; 19 июля «я расстрелял двух коммунистов»; 24 июля «ездим по сёлам для сбора продуктов, берём куриц, уток, расстреливаем и граждан»¹⁶.

Дневник лейтенанта И. Константинеску, командира 12-й роты 7-го пехотного полка 13-й румынской пехотной

Православный кафедральный собор
Святой Троицы в Алба-Юлии
Современный вид

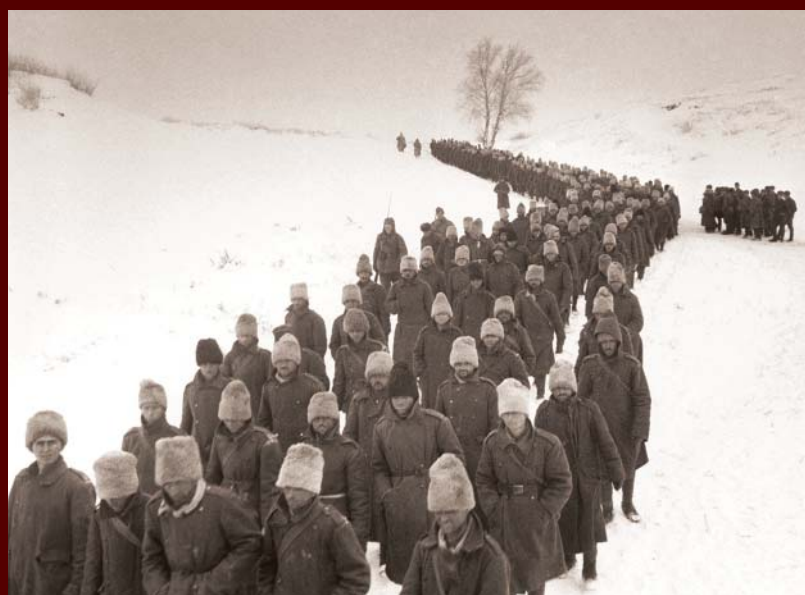

Румынские солдаты на Восточном фронте
Август 1942 г.

Румынский митрополит в сопровождении представителей
гражданской и военной оккупационных властей в Одессе
1943 г.

Румынские военнопленные под Сталинградом

дивизии, содержит запись от 8 сентября 1941 года, когда его часть была под Одессой: «Помоги, Божья Матерь, победить и быстрее вернуться домой... Надеюсь, что Бог мне и всем воюющим за него и крест поможет... Если бы я остался живым в этой войне! Раньше я ходил в церковь, а после церкви вместе с детьми на базар. А сейчас это невозможно из-за дьявольской войны»¹⁷. 10 сентября 1941 года лейтенант КонстантINESКУ писал: «Надоело смотреть на Одессу, Одессу коммунистов и евреев... Мне нравится бродить в разведке как охотнику, ожидая встречи с русскими, держа палец на спусковом крючке»¹⁸.

Под влияние милитаристской пропаганды попало и мирное население Румынии. В ЦАМО РФ сохранился перевод письма Марчелы Костики, которое она отправила своему мужу ефрейтору Думитриу Костики в сентябре 1941 года, не зная, что его уже нет в живых. Письмо наглядно демонстрирует чувства и отношение простых румын к начавшейся войне на востоке.

«Дорогой мой! Сегодня исполняется год и три месяца с тех пор, как мы поженились, и десять недель, как ты уехал из дома, и я ничего о тебе не знаю. Бесчисленное количество раз я просила, чтобы ты писал мне хоть по несколько слов, но всё же до сегодняшнего дня известий о тебе нет. День и ночь мои глаза не высыхают от слез. Длинные и горячие молитвы я читаю перед Господом Богом, чтобы он тебе покровительствовал, чтобы вы вернулись с победой и здоровыми домой...

Милый мой, убивай как можно больше большевиков. Много зла они нам причинили. Будь я мужчиной, я бы знала, что с ними делать. Я бы заживо с них кожу сдирала.

Я горжусь тобой. Будь достоин той миссии, которая возло-

жена на тебя. Бог нас защитит всех. Молись ему, и все твои желания исполнятся.

С Богом вперёд!..

Твоя Марчела»¹⁹.

Ни румынские военнослужащие, ни мирные граждане, как свидетельствуют документы, на начальном этапе войны не задумывались над тем, что нацистская идеология шла вразрез и являлась полной противоположностью христианского вероучения. А нацисты без всякого стеснения пытались использовать церковь как одно из средств для достижения собственных целей. Хотя сам Й. Геббельс к идее «борьбы за веру» с коммунистами относился довольно скептически. Он размышлял на этот счёт по-фашистски своеобразно: «В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо это использовать. Но — не слишком напирая на лозунг: “За христианство”. Это было бы всё-таки чересчур лицемерно... Это бесхребетное учение самым худшим образом может повлиять на наших солдат»²⁰.

В румынских войсках, так же как и в немецких, существовал штат священников с чёткой иерархией и распределением полномочий. Подробно о его составе и работе в мирное и военное время показал на допросе 3 января 1943 года в Красногорском лагере военнопленный «духовный воспитатель 6-й пехотной дивизии» майор Георгиу Теодор. О себе и своей биографии он рассказал следующее: «Родился в 1891 г. в Бельцытешти (район Нямц). В 1913 г. окончил лицей. С 1913 по 1920 гг. учился в университете в Бухаресте. С 1920 по 1922 гг. готовился к защите диссертации на получение звания профессора. С 1922 по 1924 гг. жил на родине. С

1924 по 1935 гг. преподавал в школах г. Пятру-Нямц (по вопросам религии, теологии и истории). С 1935 по 1942 гг. капитан, духовный воспитатель гарнизона в Фокшаны. С августа 1942 г. духовный воспитатель 6-й пехотной дивизии».

Георгиу Теодор в основных чертах рассказал о своей работе в качестве «духовного воспитателя» в гарнизоне и в дивизии. В связи с отъездом на фронт его место в Фокшанах занял другой священник. Во время допроса, как было отмечено, «пленный старался называть себя не священником, а воспитателем. Показания давал охотно, но вёл себя робко»²¹.

Пленнику было предложено дать схему иерархического подчинения духовенства в румынской армии и написать краткий доклад о работе духовного воспитателя в дивизии. В показаниях военнопленного содержалась следующая информация.

«Будь я мужчиной, я бы знала, что с ними делать. Я бы заживо с них кожу сдирала»

В 1924 году в Румынии был издан закон о военном духовенстве, согласно которому в каждом гарнизоне учреждалась должность священника — духовного наставника для всех воинских частей, входивших в данный гарнизон. Гарнизонный священник имел воинское звание майора или полковника. Над гарнизонным священником стоял священник армейского корпуса, также приравненный к чину майора или полковника. Главой и инспектором военного

духовенства являлся епископ армии, резиденция которого располагалась в г. Алба-Юлия.

Румынское военное духовенство набиралось из приходских священников и имевших университетское образование преподавателей Закона Божиего. Деятельность военного духовенства в мирное время регламентировалась особым уставом, содержавшим следующие основные положения:

1. Священник оказывает моральную поддержку в духе христианской веры больным солдатам, находящимся на лечении в военных лазаретах и госпиталях гарнизона. Он заботится о погребении умерших в госпитале солдат.

2. Священник каждую неделю посещает военную тюрьму, где читает проповеди религиозно-воспитательного характера.

3. В каждый церковный праздник священник служит обедню в одном из полков (по разу в месяц в каждом полку), на которой читает отрывок из

Библии, поёт с хором «Отче наш» и произносит проповедь на религиозно-нравственную или патриотическую тему, но обязательно с религиозной точки зрения. Проповеди на политические темы запрещаются. Солдаты остальных полков, в которые на этот праздник священник не приехал, должны собираться группами по 40—60 человек и идти в гражданские церкви, чтобы послушать религиозную службу там.

4. В дни национальных праздников в казармах для

солдат служится литургия, а офицеры идут в кафедральную церковь.

5. В Рождество и на Пасху все солдаты исповедуются и причащаются духовным наставником гарнизона.

6. Священник заботится о содержании в порядке военного кладбища («Кладбища героев»).

7. Священник принимает у солдат присягу²².

В своих показаниях Георгиу Теодор отмечал, что в конце каждого месяца духовный наставник гарнизона должен был составлять отчёт о своей деятельности и отправлять его епископу армии. Программу своей работы в военных подразделениях каждый священник составлял сам, не получая на этот счёт никаких специальных директив от командования гарнизона. Основой содержания проповедей военного духовенства в Румынии служило Евангелие, а также тематика, направленная на поддержание высокого морального состояния солдат и борьбу с такими явлениями, как воровство, ложь, дезертирство, ругань и т.п. Священник учил солдат молитвам, воспитывал в них веру в Бога и внушал уважение к солдатской присяге. По достижении 60-летнего возраста военный священник переводился на пенсию.

В течение года епископ румынской армии совершал ряд инспекторских поездок в гарнизоны, проверяя на месте, как выполняют свои обязанности духовные наставники подразделений²³.

В военное время румынское военное духовенство подлежало обязательной мобилизации и получало назначения в пехотные полки, артиллерийские части, в военные лазареты и госпитали. Призывались на армейскую службу также и гражданские священники — городские и деревенские, т.к.

военных священников на все должности не хватало.

Круг обязанностей румынского военного духовенства во время войны сводился к следующему:

1. По праздникам полковые священники служат обедни, если позволяет стратегическая обстановка на фронте и есть разрешение командования. Священники причащают умирающих, заботятся о христианском погребении убитых (в чём им помогают солдаты), извещают о смерти семьи погибших и т.п.

2. Священники военных лазаретов и госпиталей успокаивают и облегчают страдания раненых, молятся об их выздоровлении. Совершают литургии, причащают умирающих, служат панихиды по умершим, заботятся о могилах погибших солдат. Отдельной обязанностью этих священников является помощь раненым в написании и отсылке писем родным.

3. Священники армейских корпусов занимаются преимущественно канцелярской работой, так как они получают отчёты о деятельности полковых и других священников и рассылают им общие директивы и указания.

Местопробыванием румынского полкового священника в полевых условиях являлся командный пункт. Никаких проповедей и массовых собраний для солдат и офицеров устраивать не предполагалось, т.к. собираться всем в одном месте представлялось опасным²⁴.

В некоторых гарнизонах наряду со священником Румынской православной церкви мог служить и католический, и греческого вероисповедания. Был даже турецкий духовник, работавший с солдатами «турецкой национальности».

Военнопленный священник Георгиу Теодор считал, что не-

обходимость иметь в румынской армии «духовных наставников» была вызвана прежде всего задачей воспитания в духе христианской морали молодых солдат²⁵.

О соотношении воспитательной-патриотической работы офицеров и священников в румынских войсках на советско-германском фронте дал показания на допросе 31 января 1943 года начальник штаба 20-й румынской пехотной дивизии майор Димитрий Белцатеску, захваченный в плен в Сталинградском котле. Он рассказал, что румынские офицеры постоянно занимаются идеологической обработкой солдат на фронте, проводя беседы о патриотизме и воинской чести. Отдельно ими прорабатывается тема угрозы большевиков мировой цивилизации. Основные, наиболее часто используемые тезисы: большевики не имеют семей, выступают против частной собственности, а главное — являются врагами христианства. На солдат должны были воздействовать также регулярные религиозные службы, во время которых полковые священники «часто крестили перед строем советских детей оккупированных советских районов», тем самым кардинально решая проблему безбожия и демонстрируя солдатам, что она действительно есть²⁶.

Подобные идеологические методы воздействия на воевавших на Восточном фронте румынских солдат на начальном этапе войны были весьма эффективны. Но по мере продвижения вглубь советской территории у румынских военных возникали сомнения в их правдивости и достоверности.

На допросе военнопленный капрал Сима Щербан, служивший в 7-й роте 26-го полка 2-й румынской пехотной дивизии, 31 октября 1942 года

задаётся вопросом: «Мы никак не можем понять, почему у вас в России все церкви закрыты и изгнаны попы? Ведь я встречал много жителей верующих»²⁷.

Начальник штаба 6-й румынской пехотной дивизии полковник Крест Крестович Станеску 25 ноября 1942 года показал на допросе: «Информация о России у нас была очень скудная и ограниченная. Главным источником информации были румынские газеты. Мы все представляли себе, что в России существует авторитарный режим, опирающийся на террор. Свободы личности не существует, и высказывание личных мнений запрещено. Индивидуальные особенности человека стёрты, и личность полностью подчинена коллективу. Все люди низведены на один уровень, причём на уровень бедного, простого и необразованного человека... В России человека нет, есть робот, раб, принадлежащий государству... Другой информации о России у нас не было. И румыны верили ей... В России я увидел много интересного, и мои старые представления несколько изменились... Русские очень горды. Даже когда они сильно нуждаются и голодают, они не опустятся до того, чтобы выпрашивать что-либо. Женщины часто религиозны. Они очень интересовались исполнением религиозных обрядов в наших частях... Для меня всё это оказалось большим сюрпризом. Тот факт, что 60—70 тысяч румын побывают сейчас в России, убедятся своими глазами в её достижениях и поймут, что немецкая и румынская официальная пропаганда была слишком тенденциозной, будет иметь большое значение»²⁸.

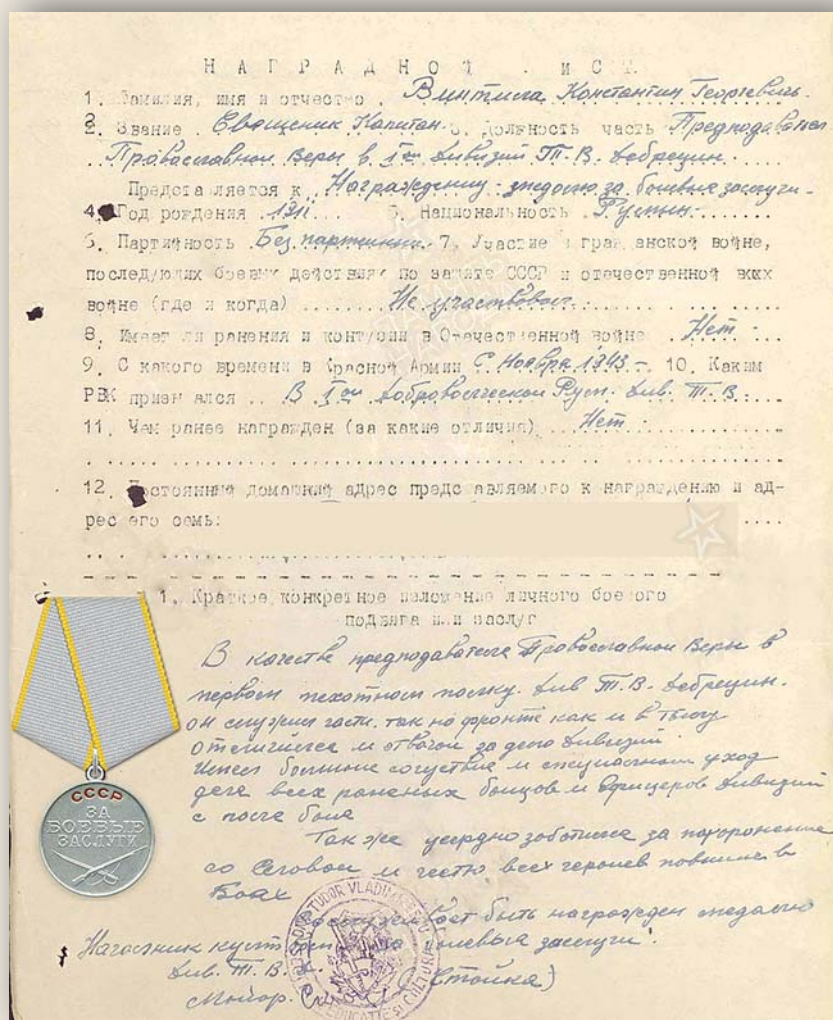
Так союз двух крестов (гитлеровской свастики и православного румынского), осно-

ванный на лжи, умышленных искажениях и жажде наживы, осенью 1942 года даёт серьёзную трещину. Боевой дух румынских солдат, теряющих веру в «святость» войны на востоке и непобедимость немецко-фашистских союзников, падает.

В дневнике неизвестного румынского военного есть запись, датированная 10 сентября 1942 года: «Сегодня служили религиозную службу... Несколько русских самолётов бомбили около нас. Свист бомб... Среди солдат большая паника. Мы молились Богу, чтобы он помог нам убивать людей и чтобы защитил нас»²⁹. Далее в дневнике отмечается, насколько все в душе были счастливы тому, что остались живы, даже понимая, что, ско-

рее всего, это ненадолго. Так, расхожими «шутками» среди румынских солдат в то время, согласно записям автора дневника, стали философско-упаднические рассуждения следующего содержания: «Почему ты съел не только сегодняшней, но и завтрашний паёк? — Просто не хочу, чтобы его съел вместо меня завтра кто-то другой...» Или: «Если тебя убьют, кому сапоги останутся? — Никому. Пусть похоронят меня в них. — Эге, так ведь сделать не разрешат...» Или: «Какую награду реальной всего получить здесь? — Деревянный крест с каской»³⁰.

Подобные настроения в среде румынских военных носили далеко не единичный характер. После поражения под Сталинградом пленные

Наградной лист на священника К.Г. Винтила

румьинские солдаты и офицеры стали массово изъявлять желание организовать добровольческую дивизию и воевать на стороне советских войск против бывших союзников³¹. Такая дивизия была сформирована, личный состав подготовлен и обучен³². Перед отправкой на фронт солдаты и офицеры дивизии приняли присягу. Она принималась не на верность королю, а на верность трудовому народу Румынии. «Клянусь моему народу, порабощённому Германией, — гласила присяга, — воевать за его свободу и прогресс... клянусь воевать за крепкую дружбу между Румынией и Советским Союзом, который дал мне возможность с оружием в руках воевать против общего врага — гитлеровской Германии; клянусь сохранять священное братство по оружию с Красной Армией»³³.

31 марта 1944 года 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску влилась в состав 2-го Украинского фронта. Боевое крещение воины дивизии получили в ходе Яско-Кишинёвской операции (20—29 августа 1944 г.)³⁴. Они с честью выдержали трудное испытание в сражении против мощной группировки фашистских войск, пытавшейся прорваться из окружения на запад. Дивизия понесла потери, но выполнила поставленные задачи. 31 августа 1944 года её воины вместе с советскими солдатами и офицерами победителями вошли в Бухарест. Далее дивизия участвовала в освобождении Венгрии и Чехословакии.

В ЦАМО РФ хранятся несколько томов наградных листов на военнослужащих 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии³⁵. Среди них есть наградной лист на

капитана Константина Георгиевича Винтила (1911 г.р.), чья военная должность значилась как «священник, преподаватель православной веры в 1-м пехотном полку». Его наградили медалью «За боевые заслуги». На фронте и в тылу он отличался отвагой и верностью воинскому долгу. Священник «имел большое сочувствие и специальный уход для всех раненых бойцов и офицеров дивизии», усердно заботился о надлежащем захоронении «со словом и честью» всех героев, павших в боях³⁶. Таким образом, формируя штат добровольческой пехотной дивизии, советское командование сочло допустимым оставить привычные румынским военнослужащим должности священников в подразделениях. При дивизии несли службу четыре православных священника «из числа военнопленных, окончивших духовные семинарии в Румынии и рукоположенные в Москве Московским митрополитом»³⁷.

Румынский православный крест вошёл в союз с красной звездой. Румынские военные увидели и осознали, что советские военнослужащие и мирные граждане, несмотря на светское атеистическое воспитание, не утратили связи с историческими православными традициями. Героизм и мужество, жертвенность ради спасения ближних, готовность пойти на мученичество во имя Отечества и в то же время сочувствие к поверженному врагу — эти истинно христианские добродетели продемонстрировали наши предки не только румынам, но и всему миру в самом кровавом в истории человечества военном конфликте.

Ранее, в Первой мировой войне, равно как и в предшествующие эпохи, в российской армии тоже были священники. Являясь духовными наставни-

ками воинов, в критической ситуации они могли с крестом в руках возглавить солдат для их спасения и победы над врагом. Генерал А.А. Брусилов, вспоминая свой знаменитый прорыв, писал: «В жутких контратаках среди солдатских гимнастёрок мелькали чёрные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой»³⁸. За героизм, проявленный в годы Первой мировой войны, около 2500 российских военных священников получили государственные награды³⁹. Следует отметить, что традиции своих героических предшественников повторяют и сейчас священники, ежедневно рискующие собой, работая в зоне специальной военной операции по благословению синодального отдела Московской патриархии по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами. Воины «духовного спецназа» оказывают солдатам молитвенную помощь и поддержку, что так необходимо в боевых условиях.

Видимо, исторически закономерным был тот факт, что в годы Великой Отечественной войны, несмотря на общий атеистический курс государства, возрождалось патриаршество, останавливались гонения на церковь. Многие военные, как рядовые, так и офицеры, искали, как и раньше предки, силы и спасение в вере.

Участник Великой Отечественной войны протоиерей Борис Васильев писал: «Немцы шли в бой — у них у всех было написано по-немецки “С нами Бог”. Немцы давили танками женщин, стариков, детей... мы шли со знаменем

— там была красная звезда. Но была ещё иконка в кармане и крест...»⁴⁰.

Таким образом, союз румынского креста и фашистской свастики оказался недолговечным.

Этому во многом способствовали воля к победе, мужество и высокая духовность советских воинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Без срока давности. Судебные процессы // URL: <https://безсрокадавности.рф/deyatelnost/sudebnyeprocussy>; Кикнадзе В.Г. Без срока давности: преступления нацистской Германии, её союзников и пособников против Гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 16—41.

² Запрещена к распространению на территории РФ, включена в Федеральный список экстремистских материалов (п. 604).

³ Helmreich E.C. The German Churches Under Hitler: Background, Struggle, and Epilogue. Detroit: Wayne State University Press, 1979. P. 123.

⁴ Levis A. Sheep among wolves or part of the pack? Men of God in Hitler's Armies // URL: <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/classes/133p/133p04papers/ALewisChaplains046.htm>; Кикнадзе В.Г., Илиевский Н.В. Что такое фашизм, нацизм и неонацизм? Генезис фашизма, механизмы его влияния на массы, взаимосвязь с нацизмом и тоталитаризмом: теория, история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 1.

⁵ Helmreich E.C. Op. cit. P. 309.

⁶ Bergen D. Twisted Cross: The German Christian Movement in the Third Reich. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996. P. 47.

⁷ Тексты военной присяги ряда иностранных государств // URL: <https://topwar.ru/2687-teksty-voennoj-prisyagi-ryada-inostranyx-gosudarstv.html>.

⁸ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941—1944 гг. / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М., 2004. С. 324.

⁹ Рисс К. Кровавый романтик нацизма. Доктор Геббельс. 1939—1945 / Пер. с англ. П.В. Рубцова. М., 2006. С. 6.

¹⁰ Левит И.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию: сборник статей. М., 2005. С. 197, 198.

¹¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 27. Л. 234—235.

¹² Там же. Ф. 288. Оп. 9899. Д. 14. Л. 295—296.

¹³ Там же Л. 331, 334.

¹⁴ Там же. Л. 304.

¹⁵ Там же. Л. 306.

¹⁶ Там же. Л. 305.

¹⁷ Там же. Л. 315.

¹⁸ Там же. Л. 314—315.

¹⁹ Там же. Л. 265.

²⁰ Цит. по: Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939—1945. М., 2011. С. 357.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 1. Д. 1003. Л. 56.

²² Там же. Л. 57—58.

²³ Там же. Л. 59.

²⁴ Там же. Л. 60—61.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ Там же. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 226. Л. 76.

²⁷ Там же. Д. 194. Л. 628.

²⁸ Там же. Д. 380. Л. 135 об.

²⁹ Там же. Д. 226. Л. 38.

³⁰ Там же. Л. 38—39.

³¹ Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 394.

³² Малютина Т.П. Авантюра маршала Антонеску: румыны в войне против СССР. 1941—1944 гг. Воронеж, 2022. С. 318—320.

³³ История Румынии. М., 1950. С. 542, 543.

³⁴ Maliutina T.P. Aventura lui Ion Antonescu: romanii in improtriva URSS 1941—1944. Bucuresti, 2021. P. 290, 291.

³⁵ См., напр.: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 4540; Оп. 686046. Д. 183; Оп. 686196. Д. 329.

³⁶ Там же. Оп. 690306. Д. 503. Л. 228.

³⁷ Там же. Ф. 240. Оп. 2839. Д. 39. Л. 41.

³⁸ Цит. по: Филиппов В. «Поднявши крест над головой...» // URL: <https://pravoslavie.ru/71412.html>.

³⁹ Грановский Г. Военные священники в боевых порядках // URL: <https://topwar.ru/72703-voennye-svyaschenniki-v-boevyh-poryadkah.html>.

⁴⁰ Первущин А.И. Оккультный Сталин. Расцвет красных магов. М., 2014. С. 218.

T.P. Maljutina

«THE WAR OF THE ROMANIAN-GERMAN ARMY AGAINST RUSSIA IS THE WAR OF THE CROSS AGAINST THE DEVIL...»

Romanian Military Clergy on the Soviet-German Front (1941—1945)

Information about author. Tatyana Maljutina — professor at the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, D. Sc. (Hist.), associate professor (city of Voronezh. E-mail: chal.04@mail.ru).

Summary. The paper discusses the correlation between Christian doctrine and the misanthropic concept of racial superiority in the Wehrmacht soldiers' and officers' worldview. The context of atrocities committed by them in the occupied Soviet territories, which have no statute of limitations, is analyzed. Based on previously unpublished archival sources, this study investigates the role and authority of the Romanian Orthodox military clergy in Romanian units that invaded the USSR during the Great Patriotic War. The question of Romanian priests, who continued to serve in their former role on the Soviet side from 1944, is addressed. The author scrutinizes the impact of anti-Soviet fascist propaganda on the Christian psyche of Romanian soldiers and officers during the summer of 1941. The analysis reveals how the perceptions of the Romanian military toward the USSR changed later, under the influence of personal impressions.

Keywords: chaplain; Romanian garrison chaplain; Romanian army corps chaplain; Romanian army bishop; 1st Romanian Volunteer Infantry Division named after Tudor Vladimirescu; genocide of the peoples of the USSR; without statute of limitations; A. Hitler; J. Antonescu; Y. Goebbels.

«В ПРОТИВНОСТЬ МИРУ... НИЧЕГО НЕ ЧИНИТСЯ»

От Царьграда до Белграда: российско-османские
военно-дипломатические отношения (1700—1739 гг.)

Сведения об авторе. Якушев Михаил Михайлович — первый секретарь Историко-документального департамента МИД России, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: mtyakushev456@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается эволюция российско-османских военно-политических отношений в первой половине XVIII века — от подписания Константинопольского мирного договора 1700 года, по которому Россия впервые получала право иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе, до заключения Белградского мирного договора 1739 года. Отмечаются сложности во взаимоотношениях двух государств, усилия русских дипломатов по отстаиванию законных интересов государства в Причерноморском регионе; рассматривается деятельность военно-политического руководства России, позволившая в итоге заключить Кючук-Кайнарджийский мирный договор, названный западноевропейскими историками «верхом русского дипломатического искусства».

Ключевые слова: Россия; Османская империя; Высокая Порта; Константинопольский мирный договор 1700 года; Константинопольский мирный договор 1720 года; Белградский мирный договор 1739 года; международные отношения; внешняя политика.

В XVII веке русско-османские отношения вступили в новый этап.

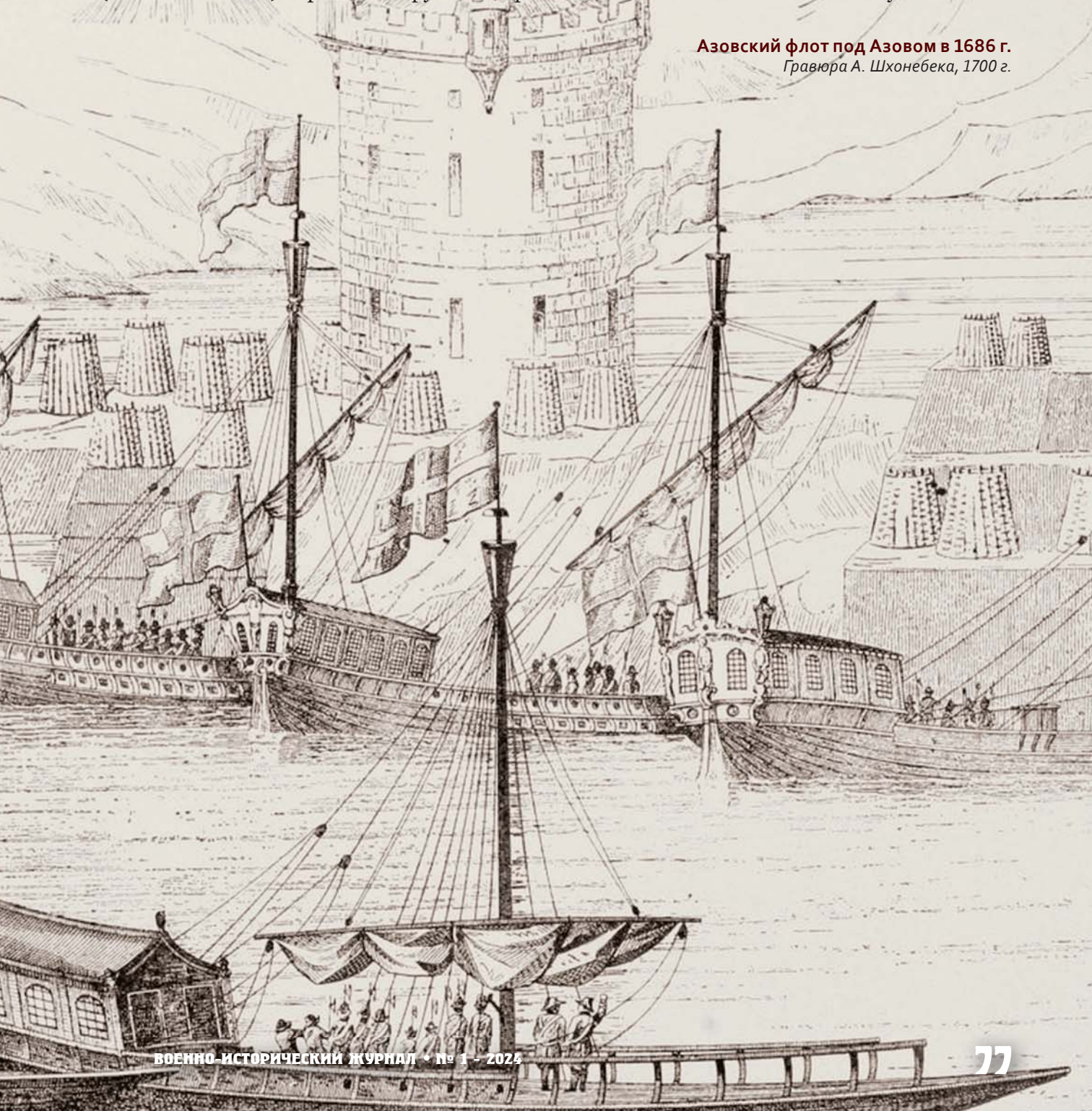
3(13) января 1681 года между Русским государством¹, Крымским ханством и Османской империей был заключён Бахчисарайский мирный договор — соглашение о перемирии сроком на 20 лет по результатам Русско-турецкой войны 1672—1681 гг. По условиям этого трактата османский падишах Мехмед IV (1648—1687 гг.) признал

право московского двора на Киев и территорию на левобережье Днепра, а также обязался прекратить набеги крымских татар на русские земли. Думный дьяк² П.Б. Возницын³, отправленный в Константинополь для ратификации Бахчисарайского трактата вместе с окольным⁴ И.И. Чириковым, убедил султана Мехмеда IV отказаться от притязаний на Киев с его окрестностями в пользу русского правительства. Бах-

чисарайский договор значительно укрепил позиции России на южных границах, что привело к очередному военно-политическому столкновению с Османской империей.

В 1686 году между Русским царством и Речью Посполитой был заключён «вечный мир»⁵, по условиям которого за московским двором закреплялось право на Киев и земли на левом берегу р. Днепр, в обмен на это русское правительство вступало в во-

Азовский флот под Азовом в 1686 г.
Гравюра А. Шхонебека, 1700 г.

йну альянса европейских католических государств против Высокой Порты⁶ для отвлечения части османских и крымско-татарских войск. В 1686 году, в правление царицы Софьи, началась очередная Русско-турецкая война (1686—1700 гг.). В 1687 и 1689 гг. на первом этапе войны русская армия предприняла Крымские походы в интересах европейской антиосманской коалиции, которые закончились безрезультатно.

На втором этапе войны России предстояло вести борьбу за выход к Азовскому морю. Перед царём Петром I стояло две внешнеполитические проблемы — османская и шведская. В связи с первой проблемой перед московским

двором ставились геополитические цели — завладеть Азовом и «прорубить окно» в Чёрное море. Первый Азовский поход Петра I 1695 года не принёс успеха, т.к. русское правительство, не имея флота, не смогло блокировать Азовскую крепость с моря и воспрепятствовать подвозу османскому гарнизону крепости продовольствия и боеприпасов. В 1696 году в результате второго Азовского похода был взят Азов, что обеспечило Русскому царству господство на Азовском море и открывало путь к Чёрному морю.

В 1696 году в рамках создания военно-морского флота России в Воронеже были построены верфи. В 1697 году

на них началось строительство военных судов, которые планировалось оборудовать необходимым снаряжением и такелажом и спустить на воду. Параллельно с этим в окрестностях Азова возводились дополнительные оборонительные укрепления, строилась крепость для защиты Таганрогской гавани. В 1698 году на верфях под Брянском началось сооружение военных судов для сплава по Днепру и похода на Очаков.

Однако, пока Керченский пролив принадлежал Османской империи, Русское царство не имело прямого доступа к Чёрному морю и не могло доминировать в Северном Причерноморье.

В 1697 году в Вене Россия, Священная Римская империя (Австрия) и Венеция заключили Венский союзный договор о наступательном союзе против Османской империи сроком на 3 года. Этот трактат не имел для России большого политического значения, хотя был нацелен на то, чтобы решить вопрос выхода к Чёрному морю и укрепить антиосманский блок накануне отъезда Петра I вместе с Великим посольством в Европу. Взятие Азова, усилившее международный престиж московского двора, способствовало расширению антиосманской коалиции, в которую входили Австрия, Речь Посполитая (Польша) и Венеция, путём включения в неё России. Этот антиосманский альянс европейских государств получил название Священной лиги, однако просуществовал недолго и распался в 1699 году после подписания Карловицкого трактата. В нарушение принятых на себя обязательств союзники стремились заключить сепаратный договор и отказывались поддерживать

Азовская икона Пресвятой Богородицы

требование русского правительства о присоединении Керчи к России, т.к. это могло гарантировать мир на её южных границах. Русский представитель на Карловицком конгрессе в 1699 году подписал лишь перемирие с Османской империей сроком на 2 года с условием, что между обеими сторонами в дальнейшем будет составлен и утверждён «вечный мир», или «на довольные лета перемирие». Австрия, Польша и Венеция подписали на Карловицком конгрессе 1698—1699 гг. отдельные мирные договоры с Портой.

В результате подписания Карловицкого перемирия московский двор, не принявший окончательного решения об изменении внешнеполитического вектора, получил дополнительное время для взвешивания всех pro et contra («за и против»). Вместе с тем российская сторона предлагала заключить «вечный мир» на условиях сохранения позиций в территориальном вопросе, своего рода status quo, и при условии оставления за каждой из сторон того, что она имеет по принципу *uni possidetis* («чем владеете»), который лёг в основу переговорного процесса.

В XVIII веке русско-османские отношения вышли на новый уровень. Для окончания переговоров о мире с Османской империей в 1699 году в Константинополь было направлено посольство думного дьяка Е.И. Украинцева⁷ и дьяка И.П. Чередеева, которое сопровождала эскадра из военных судов, причём от Таганрога до Керчи её провожал русский царь Пётр I. Следует заметить: несмотря на то что глава миссии Е.И. Украинцев получил чин думного советника, как ранее его предшественник П.Б. Возницын, ста-

тус дипломатической миссии не соответствовал поставленным задачам, так как уполномоченные ехали в качестве чрезвычайных посланников, а не послов.

7(17) сентября 1699 года на берегах Босфора появился флагман Азовского флота России 46-пушечное парусное судно «Крепость» с русской дипломатической миссией на борту и встал на якорь напротив султанского дворца Топкапы⁸. Прибытие военного корабля произвело сильное впечатление на константинопольских жителей и дипломатических представителей, аккредитованных при османском дворе.

3(13) июля 1700 года между Россией и Османской империей

ей был подписан Константинопольский мирный договор⁹ — соглашение о перемирии сроком на 30 лет, по условиям которого османский падишах Мустафа II (1695—1703 гг.) признал право русского правительства на крепость Азов с прилегающими приазовскими землями и вновь построенными крепостями Таганрог, Павловск и Миус в результате Азовских походов Петра I и выхода к Азовскому морю. Высокая Порта, в свою очередь, обязалась уничтожить оборонительные укрепления и небольшие крепости в приднепровских землях, возвращённых ей московским двором.

Константинопольский трактат 1700 года впервые опре-

Взятие Азова. 1696 г.
Неизвестный художник, 1702 г.

делил границу между Россией, Османской империей и Крымским ханством, укрепил международный имидж московского двора и позволил Петру I активно вмешиваться в европейскую политику.

Русско-османские отношения были нормализованы, однако выхода в Черноморский бассейн, свободы плавания для русских торговых судов по Чёрному морю и прохода через проливы Босфор и Дарданеллы Россия не добилась, поскольку русский флот оказался запертым в Азовском море.

Вместе с тем по 13-й статье Константинопольского мирного договора 1700 года Россия получила право иметь в Стамбуле (Константинополе)

постоянного дипломатического представителя на равных основаниях с другими европейскими державами «для творения и подвижения на данных делах, буде когда надобно будет резиденту царского величества у Блистательной Порты пожить, он и толмачи его свободами и привилегиями да почтутся, какими иных друзей Блистательной Порты принципов резиденты почитаны были обыкли и во время мира людям его с письмами туда и сюда переезжающим, проезжая да дается и честное всякое вспоможение, да творится»¹⁰.

В 1701 году в Константинополь был направлен чрезвычайный и полномочный

посол комнатный стольник¹¹ князь Д.М. Голицын (1701—1702 гг.) «с подтвердительной от государя грамотой на договор и для решения вопроса торгового судоходства по Черному морю». Договор был ратифицирован обеими сторонами, однако османское правительство заявило, что не позволит русским судам плавать по Чёрному морю¹².

Крымские татары постоянно подстрекали османов и просили разрешения начать войну против России, обвиняя её в том, что она строит русские города «в ближних от Крымского полуострова местах». Блистательная Порта, в свою очередь, обвиняла московский двор в несоблюдении условий Константинопольского мирного договора 1700 года. Так, в 1704 году в Москву был направлен османский посол Мустафа-ага с грамотой от султана Ахмеда III (1703—1730 гг.), в которой содержалось обвинение в том, что Россия строит крепости и корабли в Азове, Таганроге и Воронеже. В ответной грамоте Пётр I отметил, что «в противность миру... ничего не чинится» и «ни малого подозрения к нарушению мира не подается».

В 1702 году в Константинополь был направлен чрезвычайный и полномочный посланник стольник П.А. Толстой (1702—1714 гг.) с грамотами султану Мустафе II и великому визирю (садразаму) Амджазаде Кёпрюлю Хусейн-паше (1697—1702 гг.) для того, чтобы следить за соблюдением мира и способствовать его поддержанию. Примечательно, что П.А. Толстой вручал свои верительные грамоты уже новому визирю Далтабану Мустафе-паше (1702—1703 гг.), т.к. к моменту прибытия русского эмиссара к месту службы Хусейн-паша

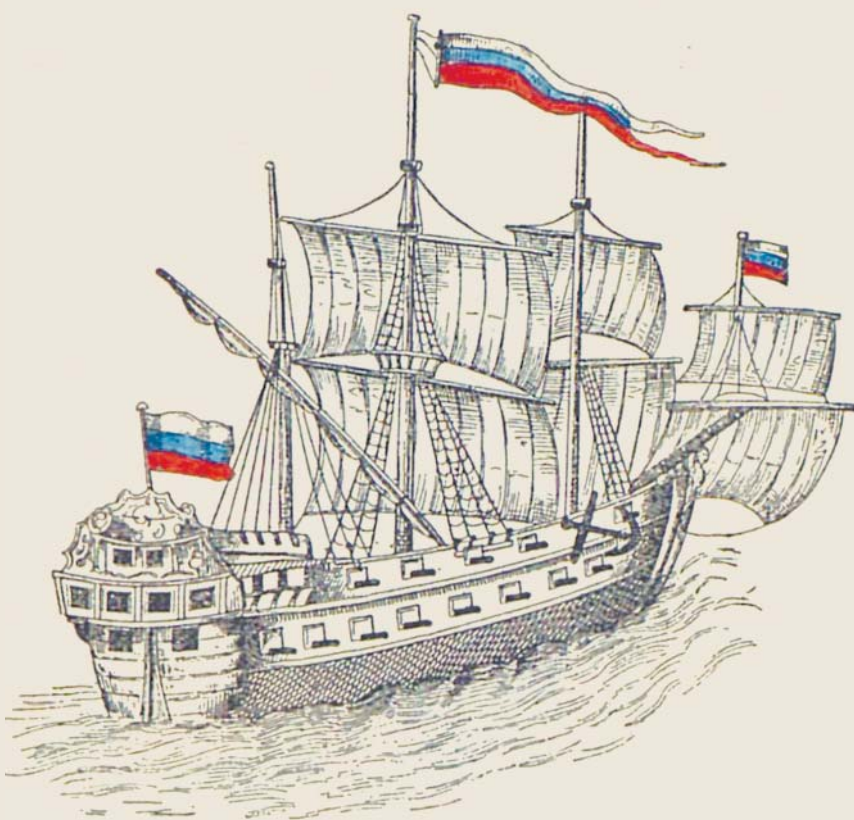

Рис. № 8. Корабль КРѢПОСТЬ по рисунку Христіана Отто 1700 г.

Корабль «Крепость»
Художник Х. Отто, 1700 г.

был смещён со своего поста. Впрочем, и Мустафа-паша был вскоре казнён. Началась «садразамовская чехарда», когда пост великого визиря занимали Рами Мехмед-паша (25 января 1703 — 22 августа 1703 г.), Каваноз Ахмед-паша (22 августа 1703 — 16 ноября 1703 г.), Моралы Хасан-паша (18 ноября 1703 — 28 сентября 1704 г.) и Калайлыкоз Хаджи Ахмед-паша (17 октября 1704 — 25 декабря 1704 г.).

После смерти султана Мустафы II и по вступлении на его место брата Ахмеда тогдашний великий визирь Чорлулу Дамат Али-паша (1706—1710 гг.) предложил П.А. Толстому, «дабы от его царского величества прежний, с братом настоящего султана учиненный 30-летний мир, вновь подтвержден был...». 3(13) января 1710 года между российским и османским правительствами был возобновлён мирный договор¹³. Однако в ноябре 1710 года падишах Ахмед III объявил войну России. Поводами к её началу Порты называла строительство российской стороной крепостей на территории Османской империи и присутствие русских войск в Польше.

В манифесте от 22 февраля 1711 года русское правительство опровергло обвинения Порты. В частности, в упомянутом документе описывались оставшиеся безнаказанными грабежи и разбои османских подданных на русских землях, а также подчёркивался тот факт, что Россия не строила крепостей на османской территории и что русские войска были введены в Польшу по договорённости с ней, т.к. царь Пётр I подписал соответствующее соглашение с польским королём Августом II¹⁴.

Фактически Константинопольский трактат действовал

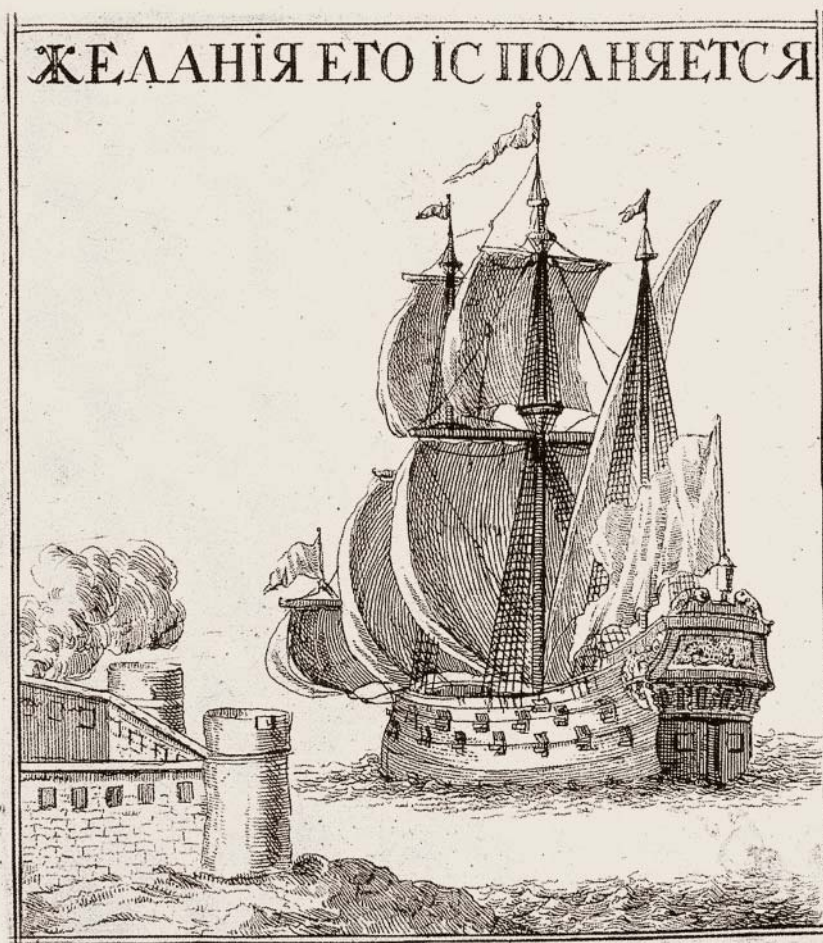
до неудачного для России Прутского похода Петра I в 1711 году.

12(23) июля 1711 года был подписан Прутский мирный договор, по которому Россия вынуждена была согласиться на тяжёлые условия: вернуть Порте город-крепость Азов с прилегающей к нему территорией, срыть вновь построенные укрепления, крепости и города, в частности Таганрог, не вмешиваться во внутренние дела Польши и ограничиться сухопутной торговлей с Османской империей¹⁵. Россия также теряла право иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе.

Вместе с тем ни Высокая Порта, ни Россия не торопились выполнять условия

Прутского мирного договора. В декабре 1711 года османский султан Ахмед III предъявил России требования, в случае невыполнения которых угрожал начать новую войну. 5 апреля 1712 года в Константинополе был подписан договор о возобновлении и подтверждении условий Прутского трактата при посредничестве английского и голландского послов в Константинополе¹⁶. В 1712 году в османскую столицу в качестве чрезвычайного посла был отправлен стольник А.Ф. Лопухин (1712—1713 гг.) с ратификационной грамотой на Константинопольский мирный трактат.

Однако обстоятельства вскоре изменились, и английское правительство не оставляло надежды заставить

Линейный корабль «Крепость»
Гравюра А. Шхонебека

Османскую империю начать войну против России, с тем чтобы отвлечь и вывести сосредоточенные в шведской части Померании русские войска. В ноябре 1712 года падишах Ахмед III объявил войну Русскому царству. Одной из причин её начала Порты называла присутствие русских войск в Швеции, с которой Россия вела войну. Боевые действия должны были развернуться весной 1713 года, но султан Ахмед III, объявляя войну, хотел добиться некоторых уступок от русского правительства, однако, столкнувшись с твёрдой позицией московского двора, отказался от своих намерений. 13 июня 1713 года в Эдирне (Адрианополе) был подписан Адрианопольский мирный договор сроком на 25 лет, повторявший условия Прутского трактата, в соответствии с которым Россия должна была уступить Порте город-крепость Азов с примыкающей к нему территорией и скрыть другие крепости на Азовском море. По Адрианопольскому договору Россия также не имела права иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе¹⁷. В 1713 году в османскую столицу в качестве чрезвычайного и полномочного посла был направлен ближний стольник Д.А. Бестужев-Рюмин (1713—1714 гг.) с ратификацией на Адрианопольский мирный трактат.

После отъезда из Константинополя в 1714 году чрезвычайных и полномочных послов П.П. Шафиров (1711—1714 гг.) и М.Б. Шереметева (1711—1714 гг.)¹⁸ в течение нескольких лет официальные дипломатические контакты между Портой и российским правительством осуществлялись через отправку предста-

Посол Д.М. Голицын

вителей с дипломатическими поручениями «без характера» (верительной, или кредитивной, грамоты)¹⁹. В 1715 и 1718 гг. Иероним Натали²⁰ дважды направлялся в Константинополь²¹ с царскими грамотами²².

Пока Россия вела Северную войну (1700—1721 гг.) против Швеции, Османская империя была занята войной с Австрией и Венецией (1714—1718 гг.), по итогам которой с ними в ходе Пассаровицкого конгресса 1718 года были подписаны мирные договоры. В 1715 году Пётр I подписал с Данией конвенцию о совместных действиях в условиях содержания русского армейского корпуса, после чего проинформировал Пруссию и Данию о начале похода царской армии в Померию через Польшу.

В 1718 году османский посланник Мустафа-ага привёз царю Петру I предложение, чтобы во время мирных переговоров Порты с Австрией и Венецией русский чрезвычайный посланник принял участие в качестве посредника. Пётр I сообщил в грамоте сул-

тану Ахмеду III, что российским представителем будет капитан лейб-гвардии И. Горохов, которому была дана «полная мощь и инструкция не токмо на оном конгрессе для медиации присутствовать, но при дворе Вашего Величества ради предостережения интересов наших и общего блага пребывать»²³.

Следует отметить, что заключение Пассаровицкого мира усиливало желание русского правительства направить своего представителя в Константинополь, так как прекращение войны Османской империи с Австрией и Венецией увеличивало опасность враждебных происков и «злоумышлений» европейских дворов против России. Несмотря на то что боевые действия в завершившейся войне принесли Порте большие потери, европейские державы возобновили попытки подтолкнуть Османскую империю к очередной войне с Россией. Вместе с тем одной из главных внешнеполитических целей русского правительства было укрепление её южных границ и выход к Чёрному морю, что неизбежно вело к противостоянию с Османской империей.

На приёме у великого визиря Невшехирли Ибрагим-паши (1718—1730 гг.) И. Натали предписывалось объявить, что московский двор намерен сохранить мир с Портой и не собирается оказывать помощь Венеции и Австрии в войне с Османской империей.

Важную роль в контактах между российским дипломатическим представителем и османским правительством играли посольские секретари и переводчики, например штатные сотрудники западноевропейских и российского посольств. В 1710-х годах основные

контакты между русскими дипломатами и османским двором осуществляли сотрудники российской дипломатической миссии Н. Барка и Г. Теста, переводчики британского (английского) посольства Л. Барка и П. Бьянка, переводчик французского посольства Д. Форнет, переводчик венецианского посольства Ф. Теста, переводчик шведского посольства Т. Функа, переводчики голландского посольства Ж.Б. Савар и В. Тейлс, который наряду с послом Нидерландов Я. Колиером, папским нунцием²⁴ архиепископом К. Галани, иерусалимскими патриархами

Посланник П.А. Толстой

Досифеем II (1669—1707 гг.) и Хрисанфом (1707—1731 гг.) был одним из «особых осведомителей» и «тайных приятелей» русского правительства, передававшего ему секретную и конфиденциальную информацию. Многих из вышеперечисленных агентов к русской службе привлёк ещё посланник в Константинополе П.А. Толстой. Кроме того, П.А. Толстой установил связи с послом Р. Саттоном (1702—1716 гг.) и великими драгоманами²⁵ Порты — А. Маврокордато (1673—1709 гг.) и его сыновьями Н. Маврокордато (1689—1709 гг.) и И. Маврокордато (1709—1717 гг.), кото-

Петр I на коне

Художник А.Ф. Зубов, 1721 г.

рые делились с ним ценной информацией.

В 1718 году в Константинополь был направлен чрезвычайный и полномочный посланник стольник А.И. Дашков (1718—1721 гг.) «для засвидетельствования нашей истинной к Вашему Величеству имеющей дружбы и обнадеживания твердого и нерушимого с нашей стороны содержания мирных между нами и Вашим Величеством трактатов», принимая во внимание также осложнение обстановки на юге и заключение договора Османской империи с противниками России. В инструкции, выданной А.И. Дашкову,

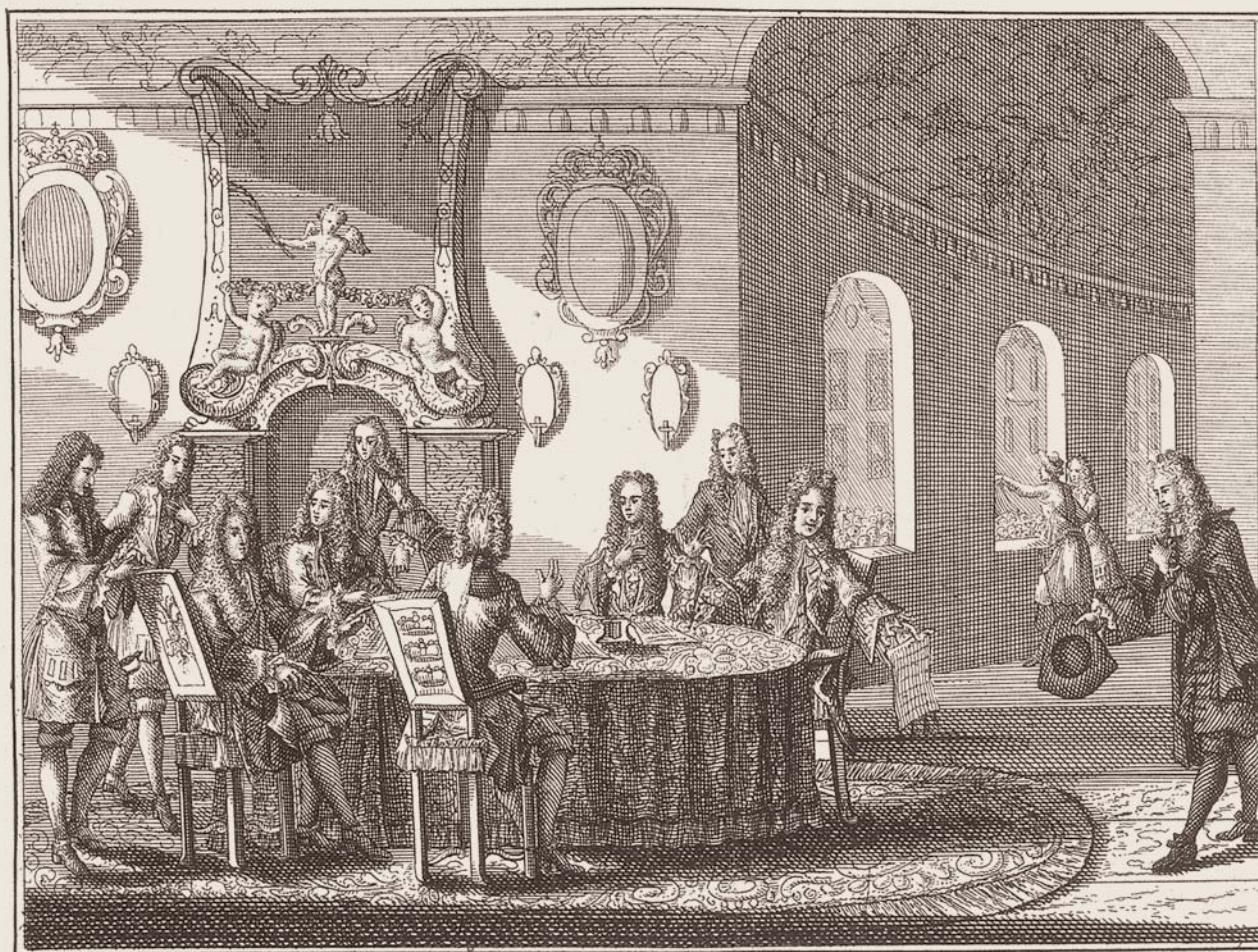
Посол П.П. Шафиров

ему предписывалось «при дворе Его Салтанова Величества пребывать тамо впредь до Его Царского Величества указу, понеже в небытии при Блистательной Порте министра Царского Величества могут злоумышленные, что хотят на ссору Порте о стороне его Царского Величества доносить, а правды в том предоставлять и те лжи опровергать некому, из чего могут происходить всякие ссоры и повреждение дружбы, которого содержания его Царское Величество с Портой усердно желает»²⁶.

Если бы османы стали возражать, что согласно Прутскому договору России не

Подписание мирного договора в Ништадте 30 августа 1721 года

Гравюра П. Шенка-младшего, 1721 г.

VREEDTE tekening tusschen de Plenipotentiaarijzen van den Kyser van Groot Rusland en de Koning van Sueden, tot Nieustadt; naar een Oorlog van 21 jaaren. op den 20 Aug. 1721.

PAX inter Magnum Moscovitarum Imper: et Regem Sueciae composita, ductu Oratorum utriusque cum summa potestate Niostadtii 20 Augusti die 1721 post bellum 21 annorum.

Pet. Schenk Exc. Amst. C. Priv.

надлежит иметь посла в Константинополе, то Дашкову предписывалось заявить, что «то написано о после, а не о посланнике» и что, кроме того, Прутский договор уже заменён Адрианопольским, в котором об этом ничего не говорится. Естественно, ссылаясь на Адрианопольский договор не была правомерной, т.к. он целиком повторил текст Прутского, в том числе статью, лишавшую Россию права иметь в Османской империи постоянного дипломатического представителя. А.И. Дашков должен был указать, что наличие постоянного русского представителя при султанском дворе необходимо также для быстрого решения пограничных конфликтов. В инструкции затрагивался вопрос о присутствии русской армии в Польше, и Дашков должен был ответить, что русских войск в Польше нет, кроме ограниченного количества, заверив Порту в том, что этот ограниченный контингент вскоре будет выведен²⁷.

Во время приёма А.И. Дашкова у великого визиря Невшехирли Ибрагим-паши садразам по собственному желанию и неожиданно для русского посланника предложил утвердить и закрепить «вечный мир» между Россией и Османской империей. По словам великого визиря, султан Ахмед III приказал ему передать Дашкову, чтобы тот отправил гонца к царю Петру I с просьбой наделить русского эмиссара полномочиями для заключения «вечного мира». Французский посол при османском дворе Жан-Луи Д'Юссон, маркиз де Боннак (1716—1724 гг.) из-за серьёзных противоречий между Францией и Австрией содействовал упрочению

Посол М.Б. Шереметев

мирных отношений между Россией и Османской империей, тогда как английский и австрийский послы, аккредитованные в Константинополе, занимались интригами и заговорами против российского правительства и пытались столкнуть его с Портой²⁸.

Русское правительство приняло решение не заключать с Османской империей наступательный или оборонительный договор, так как это могло быть воспринято венским двором как «знак явной неприязни» в отношении Австрии. На правительственном совещании также было принято решение о награждении французского посла маркиза де Боннака, предложившего своё посредничество, и визирей Высокой Порты, а также определён размер вознаграждения. Пётр I писал канцлеру Г.И. Головкину (1709—1734 гг.) «в решение на доклад о турецких делах», чтобы А.И. Дашков при подписании трактата с Османской империей «от наступательного и оборонительного договора отдалялся

и старался бы прежде всего вечный мир заключить и в оном о Польше статью переменить»²⁹. Статья 9 предусматривала пребывание в Константинополе русского посланника или резидента «для содержания постоянной дружбы и верной корреспонденции и пересылки, в целях скорейшего разбора и прекращения возможных недоразумений и конфликтов».

В случае отказа Порты внести в текст договора статью о пребывании в Константинополе русского посланника или резидента А.И. Дашкову предписывалось добиться разрешения иметь там хотя бы секретаря или консула, лишь бы постоянный русский представитель был аккредитован при османском правительстве, соглашаясь даже на то, чтобы её представитель жил на собственные средства, не получая «кормовых денег», которые предназначались иностранным дипломатическим представителям, пребывавшим в Константинополе.

5(16) ноября 1720 года Россия подписала с Османской империей Константинопольский трактат «вечного мира»³⁰. Условия Константинопольского мирного договора 1720 года для России были лучше, чем условия Прутского (1711 г.), Константинопольского (1712 г.) и Адрианопольского (1713 г.) мирных договоров. С российской стороны его подписал уполномоченный А.И. Дашков, с османской — садразам Невшехирли Ибрагим-паша.

По условиям Константинопольского мирного договора 1720 года стороны обязались не строить укрепления на территории между Азовом и Черкасском, а также в Поднепровье.

Вместе с тем по статье 12 Константинопольского мир-

ного договора 1720 года Россия вновь получала право иметь дипломатического представителя в Константинополе наравне с другими европейскими государствами.

Французский посол в Константинополе маркиз де Боннак в разговоре с А.И. Дашковым отметил, что текст договора вполне удовлетворителен, и заявил, что если царь Пётр I найдёт что-либо, не отвечающее его интересам, то он может отказаться от ратификации и предложить османам внести какие-либо изменения, а при подписании Константинопольского мира А.И. Дашков сказал садразаму, что «ежели мы ныне что полезного к обеим странам в трактат внести забыли, а при ратификации вспомнится или тажеж конъюнктура отменится, что будет впредь еще надобно прибавить в трактат потребного», чтобы Блистательная Порта «для общей пользы ввести велела».

В 1721 году после победы в Северной войне и заключения Ништадтского мирного договора³¹ Россия превратилась в великую державу. В день торжества объявления «столь славного и благополучного мира» Сенат и Синод преподнесли Петру титул Императора Всероссийского.

Этот почётный титул свидетельствовал о новой роли Российской империи на международной арене³².

12(23) июня 1724 года между Россией и Высокой Портой был подписан Константинопольский договор, разграничивавший сферы влияния двух государств в Закавказье. В 1724 году в Константинополь в качестве чрезвычайного и полномочного посла был командирован генерал-майор А.И. Румянцев (1724—1725 гг.) с ратификацией на вышеуказанный трактат.

Россия добивалась сохранения мира с Блистательной Портой. Вместе с тем российская императрица Анна Иоанновна (1730—1740 гг.) преследовала стратегическую цель Петра I — продвижение границ Российской империи до берегов Чёрного моря, что расширяло возможности черноморской и средиземноморской торговли, тем самым решая важнейшую геоэкономическую задачу. Однако противоборство двух держав было неминуемо.

18(29) сентября 1739 года был заключён Белградский мирный договор³³, завершивший Русско-турецкую войну 1735—1739 гг. По условиям мира Российская империя приобрела Азов (при условии

скрытия укреплений), небольшие территории вдоль среднего течения Днепра. В 1740 году в Константинополь был направлен чрезвычайный и полномочный посол генерал-аншеф А.И. Румянцев (1740—1741 гг.) с ратификационной грамотой вышеупомянутого трактата.

Спустя 35 лет условия Белградского мира были пересмотрены Кючук-Кайнарджийским мирным договором³⁴ и позже подтверждены Яским мирным договором³⁵, заключёнными в период правления императрицы Екатерины II. Подписание Кючук-Кайнарджийского трактата ставило Россию в совершенно новое и даже исключительное положение по отношению к Высокой Порте³⁶, т.к. Чёрное море переставало быть «турецким озером», а Османская империя впервые за свою историю вынуждена была выплачивать контрибуцию³⁷. Западные европейские историки называли Кючук-Кайнарджийский мирный договор «верхом русского дипломатического искусства»³⁸, а министр иностранных дел России А.М. Горчаков отметил, что Кючук-Кайнарджийский договор — «это одно из прекраснейших украшений нашего дипломатического венца».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русское царство, или Российское царство, Московское царство или Россия — наименования Русского государства между 1547 и 1721 гг.

² Думный дьяк — придворный чин и должность в Русском царстве. Должность думного дьяка помимо работы в Боярской думе предполагала функции исполнительной власти по приказам, отчасти напоминающая деятельность руководителей ведомств или глав управлений. Фактически думные дьяки выполняли функции государственных секретарей.

Чин думного дьяка в структуре Боярской думы являлся четвёртым после чина боярина, окольничего и думного дворянина.

³ В 1681 г. П.Б. Возницын был пожалован в думные дьяки и в том же году отправлен с посольством И.И. Чирикова в Константинополь для ратификации Бахчисарайского мирного договора, а когда тот умер, П.Б. Возницыну пришлось самостоятельно добиваться утверждения Бахчисарайского мира султаном Мехмедом IV.

⁴ Окольничий — придворный чин и должность в Русском царстве. Окольничьи управляли приказами и назначались в дипломатические миссии. Чин окольничего в структуре Боярской думы был вторым после боярина.

⁵ В польской историографии «вечный мир» 1686 г. известен как Гжимультовский мирный договор (по фамилии подписанта со стороны Речи Посполитой). Договор подтверждал постановления Андрусовского перемирия, кроме нового

пункта о покупке Русским царством Киева за 146 тыс. рублей и официальном закреплении за собой его принадлежности.

⁶ Высокая, или Блистательная, Порты — принятые в дипломатии и международных отношениях наименования правительства Османской империи.

⁷ В 1681 году Е.И. Украинцев был пожалован в думные дьяки, а в 1689—1699 гг. руководил Посольским приказом.

⁸ Экипаж флагмана составлял 138 человек, не считая дипломатов, и состоял из иностранцев и русских гвардейцев Преображенского и Семёновского полков, в т.ч. 96 солдат и 5 матросов, исполнявших флотскую службу во время Азовского похода 1696 г.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. Трактаты. Оп. 163/1. Д. 136.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. IV. С. 72.

¹¹ Стольник (ближний, комнатный) — высокопоставленный дворцовый, затем придворный чин из ближайшего окружения русских правителей. По росписи чинов начала XVIII в. стольник стоял на пятом месте после думного дьяка.

¹² Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Чёрное море в XVIII веке // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 2. М., 1881. С. 22—27.

¹³ ПСЗ РИ. Т. IV. С. 468, 469.

¹⁴ Там же. Т. IV. С. 627—639.

¹⁵ Там же. С. 715, 716.

¹⁶ Там же. С. 824—829.

¹⁷ В то время интересы российских подданных в Османской империи представляли голландский посол Я. Колиер (1694—1725 гг.) и его переводчик В. Тейлс.

¹⁸ Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе. Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. СПб., 2016.

¹⁹ Она же. Статейные списки русских послов при Высокой Порте 1711—1714 гг.: история создания и перспективы изучения // Вспомогательные исторические дисциплины. 2014. Т. 34. С. 78—93.

²⁰ Его брат Матвей Натали также находился на русской службе в чине поручика // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 2. 1716 г. Д. 27; Оп. 2. 1718 г. Д. 58.

²¹ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул: дипломатические контакты России с Османской империей в 1715—1718 гг. // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. 2019. Т. 24. № 1. С. 84—97.

²² В 1709 и 1712 гг. выходец из Рагузы майор Иероним Натали, состоявший на русской службе, был дважды командирован в османскую столицу: первый раз для доставки царских грамот русскому посланнику при Порте П.А. Толстому, второй раз — для передачи царских грамот чрезвычайным послам в Константинополе П.П. Шафирову и М.Б. Шереметева.

²³ По дороге в Константинополь И. Горохов тяжело заболел и так и не добрался до места назначения // РГАДА. Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 2. 1718 г. Д. 110.

²⁴ Папский, или апостольский, нунций — постоянный дипломатический представитель Папы Римского в государствах, с которыми Святой Престол поддерживает дипломатические отношения. Ранг папского нунция соответствует чрезвычайному и полномочному послу.

²⁵ Великий, или главный, драгоман — старший переводчик османского правительства; высокопоставленное лицо в Османской империи.

²⁶ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 260.

²⁷ Там же. С. 260, 261.

²⁸ Там же. С. 286.

²⁹ АВП РИ. Ф. Внутренние коллежские дела (ВКД). Оп. 2/7. 1720 г. Д. 1. Л. 123.

³⁰ Там же. Ф. Трактаты. Оп. 163/2. Д. 421.

³¹ Там же. Д. 465.

³² Пруссия и Голландия признали новый титул русского царя в 1721 г., Швеция в 1723 г., Османская империя в 1739 г., Англия и Австрия в 1742 г., Франция и Испания в 1745 г., и, наконец, Польша в 1764 г.

³³ АВП РИ. Ф. Трактаты. Оп. 163/2. Д. 427.

³⁴ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...». Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 42—49.

³⁵ Якушев М.М. «Трактат вечного мира и дружбы». Эволюция российско-османских отношений конца XVIII века // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 16—27.

³⁶ Жигарев С.А. Русская политика в Восточном вопросе (её история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): историко-юридические очерки. Т. I—II. М., 1896. С. 202.

³⁷ Гирс А.А. Россия и Ближний Восток // Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906.

³⁸ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. С. 467.

М.М. Yakushev

«IN OPPOSITION TO PEACE... NOTHING IS DONE»

From Tsargrad to Belgrade: Russian-Ottoman Military and Diplomatic Relations (1700—1739)

Information about author. Mikhail Yakushev — first secretary of the Historical and Documentary Department at the Russian Ministry of Foreign Affairs, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: mmyakushev456@gmail.com).

Summary. The paper discusses the development of military and political relations between Russia and the Ottoman Empire during the first half of the 18th century. It covers the period starting from the signing of the Constantinople Peace Treaty in 1700, which granted Russia the right to have a permanent diplomatic representative in Constantinople, and ends with the conclusion of the Belgrade Peace Treaty in 1739. The challenges in the relationship between the two nations are acknowledged, as well as the endeavors of Russian diplomats in safeguarding the state's lawful concerns in the Black Sea area. Further, the actions of Russia's military and political leadership facilitated the signing of the Treaty of Küçük Kaynarca, hailed by Western European historians as the pinnacle of Russian diplomatic skill.

Keywords: Russia; Ottoman Empire; High Porte; Constantinople Peace Treaty of 1700; Constantinople Peace Treaty of 1720; Belgrade Peace Treaty of 1739; international relations; foreign policy.

«ДАБЫ ЖАНДАРМСКИЕ КОМАНДЫ ДОВЕДЕНЫ БЫЛИ ДО ВСЕВОЗМОЖНОГО СОВЕРШЕНСТВА...»

Особенности становления жандармской службы
в Архангельской губернии в 1817—1917 гг.

Сведения об авторе. Резанов Андрей Дмитриевич — аспирант кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск. E-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования, дальнейшего расположения жандармерии на территории Архангельской губернии в XIX — начале XX века. Автор статьи на основе архивных документов, относящихся к делопроизводству Архангельского губернского жандармского управления (АГЖУ), а также гражданского и военного губернаторов, делает вывод о многочисленных трудностях становления жандармского надзора и, как следствие, усиления монархической власти через карательные функции государства. При этом отмечается увеличение количества пунктов дислокации жандармов соответственно возрастающей роли полицейских чинов в охране порядка и безопасности. На фоне развития общего устройства Корпуса жандармов как отдельной структуры отмечены характерные местные проблемы в расквартировании строевого состава. Исследование позволяет сделать вывод, что, хотя жандармы и позиционировались императорской властью как эмиссары правопорядка в армии и обществе, на региональном уровне местная бюрократия не всегда могла содержать их в должных условиях.

Ключевые слова: Корпус жандармов; жандармские команды; Архангельская губерния; уезды; губернский жандармский штаб-офицер; дислоцирование; квартирование; А.Х. Бенкендорф; П.И. Балабин; Н.И. Мочалов.

Слово «жандармы» в Российской империи ассоциировалось у общества с особыми полицейскими отрядами, выискивавшими крамолу и подавлявшими любое неприятие монархического правления. Служба полиции, и особенно её политические функции по защите власти, долгое время сохраняли актуальность для исследователей. Так, советский историк Н.Н. Ансимов подчёркивал, что жандармская организация «стала символом народных страданий»¹. По мнению исследователя М. Фрейма, жандармерия как часть полицейской системы имела репутацию «непоколебимой опоры и ненавистного символа старого порядка»².

Достаточно ознакомиться с тематическими диссертациями, чтобы убедиться: редкие исследования рассматривают жандармерию

именно в контексте военной системы⁴. Тем не менее именно в армии возникли первые жандармские части: в 1792 году появился жандармский полк

Современная отечественная историография во многом сохраняет подход к изучению жандармерии именно в контексте политического сыска и полицейской деятельности, оценивая жандармов как «олицетворение монархического режима»³.

При подобном подходе сложившаяся историографическая традиция редко фокусируется на том факте, что изначально и прежде всего жандармы в России были видом кавалерийских войск, а жандармская организация — военизированной структурой. В этом качестве история жандармов изучена скудно, особенно на региональном уровне.

в составе гатчинского войска наследника Павла Петровича, а в 1815 году жандармским был назван Борисоглебский драгунский полк⁵.

Однако стабильное функционирование в качестве военно-полицейских соединений жандармы начали с 1817 года, когда Александр I подписал «Положение для жандармов внутренней стражи». В губернских городах на основе прежних полицейских драгунских команд создавались жандармские команды в составе войск внутренней стражи⁶.

Подобный «конный отряд воинской команды» с подчинением командиру городского гарнизонного батальона создавался во многих городах Российской империи. В качестве типичного примера предлагается рассмотреть Архангельск — на ту пору густонаселённый город, значимый порт, центр губернии, что

простиралась по всему северу европейской части России. Изучив доступные сегодня архивные материалы, можно составить на этом примере вполне идентичную для всей империи картину становления полицейского, а точнее, жандармского надзора. Тем более что внутренняя структура и особенности дислокации местной жандармерии остаются почти неизученными, если не считать обзорной статьи В.Г. Трофименко⁷ и документального очерка Ю.П. Абрамова о службе архангельских жандармов в годы Первой мировой войны⁸.

Между тем исследование этих вопросов позволяет выяснить то, в какой степени местное положение жандар-

мов соответствовало общему видению их роли из Санкт-Петербурга.

Система жандармского надзора просуществовала в Архангельской губернии ровно сто лет — с 1817 по 1917 год. С точки зрения совершенствования военной организации историю архангельской жандармерии уместно делить на два периода, каждый из которых занимал полвека. Стоит заметить, что подобное деление будет справедливо для большинства российских губерний.

Начнём с того, что в 1817—1867 гг. существовала архангельская жандармская команда во главе с начальником в звании капитана. Она входила в Корпус внутренней стражи

Гвардейский жандармский полуэскадрон

Художник А.И. Гебенс, 1857 г.

(до 1836 г.), подчинялась командиру гарнизонного батальона, а также губернскому жандармскому штаб-офицеру (с 1827 г.). На этом этапе жандармы дислоцировались исключительно в Архангельске — губернском центре.

В 1867—1917 гг. местные жандармы служат в качестве личного состава Архангельского губернского жандармского управления (АГЖУ), чей начальник подчиняется по всем внутренним вопросам Управлению штаба Корпуса жандармов, а по части политического сыска — III Отделению (до 1880 г., после — Департаменту полиции). В этот период жандармы постепенно рассредоточиваются как по уездным городам в рамках отделений АГЖУ, так и по жандармским пунктам в иных поселениях.

Первоначально жандармские команды выполняли лишь контрольно-надзорные и охранные функции и не яв-

лялись исполнительным элементом системы политического сыска. Именно такими они стали с 28 апреля 1827 года, когда Николай I утвердил создание Корпуса жандармов под шефством А.Х. Бенкендорфа⁹. Корпус жандармов подчинялся в этом качестве III Отделению и распространял свои полномочия на пять округов, каждый из которых дробился на отделения из нескольких губерний. Архангельская жандармская команда вошла в III отделение (под началом подполковника А.Ф. Дейера в Вологде) 1-го округа, который возглавил герой Отечественной войны 1812 года генерал-майор П.И. Балабин¹⁰.

Надо заметить, что при всех признаках консервации верховной власти практически во всех регионах страны усилия по совершенствованию жандармерии выглядели вполне оправданными. Кроме функций расследования, предупреждения разного рода

правонарушений, а также исполнения наказаний за совершенные гражданами проступки, жандармерии вменялся контроль за инакомыслием. Выражалось это в разных формах и методах анализа политической ситуации.

Система управления жандармскими структурами при Николае I постепенно расширялась, при этом внутренне стремясь к единоначалию. Так, новым «Положением о Корпусе жандармов» 1836 года государство подразделялось на семь жандармских округов, но отделения упразднялись, а жандармские команды выводились из подчинения Корпуса внутренней стражи. Теперь уже в каждой губернии должен был служить свой жандармский штаб-офицер¹¹. В отличие от прежнего «Положения» этот документ содержал указания касательно порядка размещения жандармов в губернских городах.

Александро-Невские казармы («казармы Восстания»), место дислокации архангельской жандармской команды с 1859 г.

Фото В. Гайкина, 1959 г.

«Положение» 1836 года закрепляло те изменения в устройстве Корпуса жандармов, которые фактически уже происходили. Так, первый архангельский губернский жандармский штаб-офицер майор Бердяев был назначен на должность в январе 1834 года¹².

В сентябре Бердяев истребовал от военного губернатора Р.Р. Галла, на чьём управлении лежало снабжение жандармов, квартирные деньги для размещения канцелярии и на помещения жандармской команде. Однако выяснилось, что вопрос размещения жандармов оказался для местных властей весьма сложным, несмотря на то что правомочность требований Бердяева подтверждалась самим шефом жандармов Бенкендорфом¹³.

В феврале 1835 года, когда Бердяев уже отбыл из Архангельска, причитавшиеся квартирные деньги для него запросил окружной генерал Д.П. Полозов, особо отметив, что штаб-офицер обязан располагать канцелярией. Несмотря на это, прибывший в Архангельск в конце того же года новый штаб-офицер майор Н.А. Жадовский тоже не получил квартирных денег. Сам он «не имел средств для помещения канцелярии» и даже был вынужден содержать писарей в своей личной квартире¹⁴. В ходе долгих переписок военного и гражданского губернаторов, муниципальных учреждений и начальства Корпуса жандармов выяснилось, что штаб-офицеру следует предоставлять квартиру натурой. На наём канцелярии ему же отныне полагалось выдавать дополнительно к жалованью 300 рублей¹⁵.

Затруднения архангельских властей в квартировании штаб-офицеров уместно

П.И. Балабин
Художник Д. Доу, 1822 г.
Государственный Эрмитаж

связать с общими проблемами устройства Корпуса жандармов на начальном этапе его существования. По сути, до 1836 года его структура и порядок дислоцирования чинов не были чётко определены, ведь известно, что Николай I умышленно форсировал создание разветвлённой сети жандармерии¹⁶.

Однако помимо денежного снабжения и размещения штаб-офицеров перед Архангельском стояла проблема расквартирования жандармских чинов. К концу 1835 года в строевой состав команды входили вахмистр, два унтер-офицера и 22 рядовых¹⁷. Поиск зданий для их размещения служил поводом к пространственным чиновничьим перепискам как минимум с октября 1831 года, когда Р.Р. Галл предлагал выстроить деревянные казармы с покоем для командира¹⁸. Уже к следующему году были готовы смета расходов и чертежи, но ввиду несогласованности суммы строительство откладывалось.

В 1836 году, когда жандармские команды уже полностью вошли в состав корпуса, шеф полицейской структуры граф Бенкендорф обратился к руководству губернии по вопросу «содействия для устройства зданий» местным жандармам, ссылаясь на формулировку нового «Положения». Она предполагала, что к таковым зданиям должны прилагаться кузница, конюшня и сарай¹⁹. К тому времени архангельская жандармская команда была размещена в ветхих казармах Кузнечевского селения. В начале 1837 года нужда в расквартировании проявилась особенно остро: свободных домов не хватало, и комендант города просил военного губернатора И.И. Сулиму позволить чинам хотя бы нанимать жильё²⁰. В конце ноября здание казарм Кузнечевского селения сгорело, и архангельских жандармов пришлось разместить по бытовательским квартирам.

Уже в 1838 году подобный вариант был назван И.И. Сулимой «весьма чувствительным отягчением для жителей». В переписке с Корпусом жандармов акцентировалось, что каждой губернской жандармской команде полагается размещение именно в казармах²¹. При этом из хозяйственного департамента корпуса губернатору писали: «Императору угодно, дабы жандармские команды малопомалу доведены были до всевозможного совершенства», чего никак не достигнуть, если начальствующие лица губернии не обратят внимания на стоящую проблему²².

В течение 1840-х годов становилось очевидным, что власти губернии не могли обеспечить не то что «совершенства» в размещении жандармов, но даже чёткой реализации про-

ектов строительства казарм. Во многом это было связано с общей сложностью бюрократического аппарата, который состоял из множества ведомств, военных и гражданских. Например, в 1838 году проект каменных казарм от военного губернатора не одобрили в Управлении путей сообщения и публичных зданий. Проект и смета самого управления в 1844 году не нашли поддержки в строительной комиссии в связи с отклонениями чертежей от норм и особенностей местности²³. Поэтому в течение 1840—1850 гг. чины вынужденно пребывали на обывательских квартирах и в выделявшихся городом зданиях, которые не удовлетворяли требованиям иметь «удобства». В августе 1845 года жандармский штаб-

офицер С.И. Ходнев осмотрел «казённые помещения» и нашёл их крайне ветхими. Ходнев просил, со ссылкой на слова капитана жандармской команды Нарышкина, хотя бы починить помещения кузницы, конюшни и цейхгауза, если нет возможности строить новые²⁴. И хотя просьба осталась без удовлетворения, под конец 1845 года местные власти заговорили о необходимости выстроить каменные казармы для батальона внутренней стражи, в которых могла бы разместиться и жандармская команда.

Впрочем, даже до уровня проектирования этот замысел не развился. К 1850 году жандармы размещались в основном опять же в квартирах горожан. В тот год Департамент исполнительной

полиции сообщил военному губернатору Р.П. Бойлю, что пребывание жандармской команды на обывательских квартирах «крайне неудобно», но есть возможность покупки каменного дома в качестве штаба²⁵. Военный и гражданский губернаторы пришли к выводу, что, несмотря на удобства дома, он слишком удалён от центра города, где было бы полезнее находиться жандармам.

Вполне логично предположить, что строительство казарм, удовлетворявших требованиям дислокации жандармов, так и не было бы начато, не сгори в марте 1855 года старая казарма 2-го гарнизонного батальона. Тогда Военное министерство приказало возвести новое здание — каменное, трёхэтажное, рассчитан-

Офицеры и нижние чины Архангельского губернского жандармского управления. В центре — начальник АГЖУ Н.И. Мочалов
1913 г.

ное на 1000 человек. Казармы должны были вместить солдат обоих городских гарнизонных батальонов, а вместе с ними и жандармскую команду²⁶. На этот раз здание было построено. Оно именовалось Александро-Невскими казармами и сохранилось в Архангельске до наших дней. Но новые казармы не стали для жандармов «идеальным» местом дислокации. В ноябре 1859 года окружной генерал корпуса Н.Е. Цукато указал военному губернатору Б.А. фон Глазенапу на «недостатки помещения» жандармской команды в новом здании, сочтя их «вполне уважительными»²⁷. Тем не менее, даже опросив штаб-офицера П.И. Гарновского, губернатор принял решение оставить команду «в настоящем расположении», пока не будет выстроена «более удобная» казарма.

Таким образом, несмотря на то, что в отдельные периоды жандармы всё-таки размещались в выделявшихся зданиях, строевой состав в основном пребывал на обывательских квартирах, что явно не соответствовало военной природе жандармерии, а также представлению властей о жандармской организации. Поиски места для дислоцирования команды так или иначе длились почти 30 лет. И только около восьми лет из них жандармам Архангельска удалось квартироваться в Александро-Невских казармах, т.к. уже в 1867 году жандармская организация была реформирована. Ликвидировалась окружная система управления корпусом, и теперь в губерниях образовывались жандармские управления (ГЖУ), напрямую подчинявшиеся центральным органам политического сыска. На базе бывших жандармских команд оформился «наблюдательный состав» ГЖУ²⁸.

Н.И. Мочалов

Как и прежде, жандармерия сохраняла свой статус в военной системе. ГЖУ входили в состав МВД, но являлись воинскими подразделениями и обеспечивались из бюджета Военного министерства²⁹. Сложность статуса АГЖУ в восприятии местных властей находила отражение на страницах губернских адрес-календарей: до 1870 года АГЖУ относилось к управлению военного губернатора, после — к МВД. С 1912 года оно вновь стало обозначаться как военное ведомство, а в некоторые годы вообще понималось как независимое³⁰.

Можно отметить, что реформа помогла местной бюрократии частично облегчить вопрос размещения чинов: предполагалось отныне, что пункты дислокации жандармских унтер-офицеров будут появляться как минимум в уездных городах. Нагрузка на губернский центр снижалась, так как численность строевого состава АГЖУ при этом радикально не возрастала³¹.

Приказом шефа жандармов от 13 апреля 1868 года шесть

унтер-офицеров переводились из Архангельска в Шенкурск, где им предстояло занять выделенные помещения для штаб-квартиры. Для дислокации чинов в Шенкурске начальник АГЖУ А.О. Заранек запрашивал у губернатора С.П. Гагарина две квартиры, а также 14 рублей ежемесячных квартирных денег для капитана Н.И. Бобкова — своего помощника в Шенкурском отделении³². Но хозяин одного из отведённых домов «не принял жандармов», причём выяснялось, что обе квартиры неудобны для размещения чинов. Жандармы были вынуждены перейти в другие дома и выплачивать по рублю за аренду. Всё это позволило капитану Бобкову заявить о «неприятном положении» и привлечь к делу судебного следователя³³. Тем не менее в 1871 году полковник Заранек отчитался, что все чины квартированы благополучно, и претензий со стороны обывателей на них не заявлено³⁴.

С мая того же года деятельность строевого состава всех ГЖУ расширялась: жандармы были обязаны не только наблюдать за подконтрольными районами, но и пресекать государственные преступления, то есть проводить дознания³⁵. Это подразумевало необходимость расширения мест дислокации чинов.

В Архангельской губернии этот вопрос решался, как и в большинстве регионов, двумя способами. Первый подразумевал расширение штата и открытие уездных отделений за счёт появления должности помощника начальника АГЖУ. Помощник пребывал в уездном городе, но распространял свои полномочия на несколько уездов. Так, в конце 1878 года в АГЖУ была учреждена должность помощника по Пинежскому и Мезенскому уездам³⁶.

Эти уезды располагались на востоке губернии — обширных малообжитых землях. В Пинегу направлялись помощник и пять унтер-офицеров, а также пять нижних чинов в Мезень.

Второй способ состоял в том, чтобы без открытия отделения ГЖУ направить на пункт лишь унтер-офицеров. В том же 1878 году три жандарма командировались в Холмогоры³⁷. В обоих случаях чины получали квартирные деньги на съём жилья. В новом году приказ по Корпусу жандармов запрещал помощникам переезжать из уездных городов в губернские³⁸.

В течение 1880-х годов жандармы продолжали дислоцироваться в центральных (Архангельский, Холмогорский, Шенкурский) и восточных (Пинежский и Мезенский) уездах. В связи с нарастанием общественного напряжения,

ежегодным увеличением числа политических ссыльных в губернии и прочими факторами, отрицательно влиявшими на государственную безопасность, возникала нужда в дальнейшем расширении жандармского присутствия за счёт западных уездов — Онежского и Кемского. Первые жандармы были командированы в Кемь в 1887 году, и тогда же появился проект устройства пункта на Коле. У жандармов возникла проблема с наймом квартир, т.к. желавших сдавать жильё не нашлось³⁹. Как и в случае с Шенкурском, проблема в итоге разрешилась, и унтер-офицеры приступили к объезду вверенных районов.

Отделение АГЖУ по Онежскому и Кемскому уездам (с размещением помощника в Онеге) открылось в 1889 году, а в 1892 году была учреждена должность помощника по

Архангельскому и Холмогорскому уездам⁴⁰. Таким образом, почти все уезды губернии были охвачены жандармским надзором. Для этого Корпусу жандармов иногда приходилось идти на сокращения в других губерниях. Так, вакансии помощника, вахмистра и пяти унтер-офицеров для Онежского и Кемского уездов добавлялись за счёт сокращения штата Могилёвского ГЖУ. Не всегда оставалось чётким понимание порядка расквартирования жандармов и в Архангельске. Например, в 1899 году начальник АГЖУ К.Е. Семёнов требовал от городского управления отводить себе и нижним чинам квартиры натурой вместо квартирных денег (от 8 до 10 рублей для унтер-офицера)⁴¹. Отвечая на непонимание начальства, полковник Семёнов утверждал, что местные жандармы

Улица Соборная в Архангельске, на которой до 1909 г. располагалась канцелярия жандармского управления 1903 г.

обременены самостоятельными поисками квартир и проверкой их состояния. После объяснений управление штаба корпуса разрешило запрашивать квартиры натурой, но только чтобы это не выглядело как «вымогательство добавочных квартирных денег».

К началу XX века относятся известные данные о расположении канцелярии начальника АГЖУ. Она несколько раз меняла место размещения, но первым известным (и наиболее длительным) адресом являлся дом № 6 по Соборной улице в центре города⁴². В Архангельске располагалась и канцелярия начальника нового ведомства — Архангельского отделения Московско-Архангельского жандармско-полицейского управления (АО ЖПУ) железных дорог. Оно было учреждено в 1897 году на завершающих этапах строительства железной дороги из Вологды в Архангельск и не зависело от АГЖУ. Строевые чины АО ЖПУ патрулировали местность близ станций.

В целом жандармы, даже расширяя присутствие в губернии, не могли контролировать самые отдалённые местности. Например, в Печорском уезде, преимущественно занимавшем тундру и выделенном в 1891 году из Мезенского уезда, так и не появилось отделения. Откладывался и вопрос о направлении жандармов в Кольский уезд, выделенный из Кемского в 1883 году. Более того, к 1900 году руководство АГЖУ испытывало максимум трудностей в формировании структуры надзора и размещении личного состава.

И тем не менее именно с 1900 года происходило постепенное сокращение штата уездных жандармских штаб-офицеров. Хотя пункты в уездных городах сохранялись, к 1904 году у начальника АГЖУ

оставался в подчинении лишь помощник по Архангельску и Архангельскому уезду⁴³. Конкретные причины этого процесса остаются не вполне ясными, но очевидно, что сокращение отделений АГЖУ негативно повлияло на эффективность жандармской службы в губернии. Особо это проявилось в связи с развитием революционных событий, включавших в себя крестьянские беспорядки 1906 года в Шенкурском уезде.

Именно на них ссылался в рапорте 1909 года начальник АГЖУ Н.И. Мочалов, выявив «новые признаки брожения». Имевший опыт службы в Петербурге, полковник Мочалов активно развивал деятельность АГЖУ и внимательно наблюдал за тенденциями в уездах после Первой российской революции. Напряжённость в Шенкурске он связал с отсутствием в уезде помощника и ходатайствовал о возвращении должности для усиления надзора и расширения штата⁴⁴. Однако в ответ из корпуса сообщили, что свободных штаб-офицеров для командировки нет и что вакансию возможно открыть только после отставки помощника в другом уезде. В случае срочной необходимости предписывалось командировать в Шенкурск помощника по Архангельскому уезду, что было неприемлемо. Мочалов не мог оторвать от службы из центра ни одного из 15 чинов.

По-видимому, понимая маловероятность расширения штата за счёт отделений, начальники АГЖУ вплоть до 1917 года использовали иной путь — открытие новых жандармских пунктов. Это актуализировало поиск возможных локаций для размещения чинов дополнительного штата. Особо востребованным стал в этой связи Кольский уезд,

переименованный в 1899 году в Александровский. Уже в следующем году АГЖУ проводило консультации с командованием корпуса на предмет командировки вахмистра и двух унтер-офицеров в Екатеринбургскую гавань недавно основанного Александровска (ныне Полярный). Вопрос не решился: губернатор А.П. Энгельгардт отклонил проект, и в т.ч. потому, что в небольшом Александровске «не имелось свободных помещений» для жандармов⁴⁵.

Ещё одним приоритетным для дислоцирования чинов поселением стало становище Печенга близ российско-норвежской границы. Важность его увеличивалась в 1910-х годах с развитием пароходного движения и началом строительства Мурманской железной дороги. Впервые Н.И. Мочалов предложил создать жандармский пункт в Печенге для надзора за пароходными перевозками в конце 1913 года. Жандармам предстояло устанавливать личности пассажиров и проверять багаж, а полицейским чинам — наличие загранпаспорта⁴⁶. Служба жандармов в Печенге зависела от навигации и не была постоянной. В том числе потому, что сама идея создания этого пункта полагалась бесполезной как губернскими властями, так и командованием Отдельного корпуса жандармов. Она обрела «второе рождение» уже в условиях Первой мировой войны, когда Н.И. Мочалов вновь указал на необходимость контроля за «морской» корреспонденцией. Его ходатайство в итоге было удовлетворено: в июле 1915 года пункт возобновил работу⁴⁷.

К началу войны учреждение всё новых «точечных» жандармских пунктов позволило АГЖУ превзойти по охвату

губернии прежнюю систему отделений. Жандармы теперь служили в Архангельске и во всех уездных городах, включая Александровск и Усть-Цильму — центр Печорского уезда. Чины были дислоцированы также в шести сёлах, в двух торговых посадах, на трёх заводах близ Архангельска⁴⁸.

Служба жандармов при заводах была к тому моменту вполне логичным шагом: унтер-офицеры расследовали обстоятельства чтения революционных брошюр, разбирали слухи, выявляли агитаторов и зачинщиков забастовок⁴⁹. Оторванность многих пунктов дислокации от губернского центра неизбежно порождала проблемы квартирования. Так, в селе Ижма Печорского уезда унтер-офицер без разрешения начальника АГЖУ просил волостное правление выдавать квартирные деньги взамен отвода квартиры натурой, за что получил выговор⁵⁰.

Процесс расширения жандармской организации в губернии продолжался в военные годы за счёт усиления охраны архангельского порта. По ходатайству Н.И. Мочалова в порту с 17 января 1915 года начал функционировать офицерский жандармский пограничный пункт, который возглавил прикомандированный ротмистр А.Ф. Бетковский⁵¹. В строевой состав пункта вошли 12 унтер-офицеров, распределённых по военно-перегрузочным районам порта: Экономии, Соломбале, Бакарице и Смольному Буяну. Бетковскому был подотчётён и офицер пункта Чижовка на острове Мудьюг, отвечавший за досмотр проходивших грузовых судов⁵². Условия службы в перегрузочных районах, особенно в зимнее время, были трудными. Регулярно подчёркивалась нужда в теле-

фонном сообщении Чижовки с Архангельском. Жандармы Экономии жаловались на неудобства и тесноту в выделённом помещении⁵³.

Последним по времени учреждения пунктом дислокации жандармов в Архангельской губернии стал в конце 1916 года новый город на Кольском полуострове — Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск). Остаётся неизвестным, успели ли туда добраться командированные унтер-офицеры к началу Февральской революции и упразднения всех жандармских структур. Так или иначе именно на последние годы Российской империи приходится пик численности штата АГЖУ. В него в итоге входили 35 чинов, а также 13 прикомандированных к охране порта⁵⁴. И хотя относительно общей численности населения губернии это количество ничтожно, имеет смысл предположить, что если бы не революционные процессы, численность АГЖУ росла бы далее и появлялись бы новые пункты дислокации чинов. Во всяком случае, это отвечало военным и политическим нуждам того времени.

Проанализировав организационные основы службы жандармов на территории Архангельской губернии за сто лет, отметим два тесно связанных проблемных аспекта. Первый — расположение, распространение чинов по тем или иным населённым пунктам. Второй — размещение строевого состава, то есть расквартирование, его порядок и возникавшие затруднения. Заметно, что именно с последним в Архангельской губернии было связано больше всего проблемных ситуаций. Если само оформление и распространение жандармской организации по пунктам губернии происходило свое-

временно, без каких-либо неразрешимых конфликтов и препятствий, то практику размещения чинов, особенно до 1867 года, никак нельзя считать отвечавшей чаяниям высшей власти.

Известно, что император, определяя в губернию жандармского штаб-офицера, желал видеть в нём собственного посланника, «такого же честного и полезного представителя правительства», каких имел в зарубежных столицах⁵⁵. Но факт, что в местных условиях отнюдь не штаб-офицер (либо начальник ГЖУ) был тем, кто определял порядок и качество размещения жандармов. Согласно архивным документам в первой половине XIX века окружные генералы и даже шеф жандармов не имели эффективных рычагов давления на местные власти в вопросах дислоцирования строевых чинов.

В конечном счёте возникавшие в губернии затруднения упирались в сложный, не вполне чёткий статус жандармских структур в государственной системе. Жандармерия все сто лет своего существования, во-первых, сохраняла двойное подчинение — органам как военной, так и гражданской власти. Во-вторых, формально не пребывая в подчинении местной администрации, жандармские структуры в повседневных нуждах и необходимости поддерживать контакт были вынуждены встраиваться в общий бюрократический механизм, что отрицательно сказывалось на их военной организации. Эта дилемма со временем становилась менее острой, т.к. к XX веку жандармы всё больше отдалялись от своей военной природы, сосредоточиваясь на полицейской деятельности.

- ¹ Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903—1917 гг.). Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 15.
- ² Frame M. Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917—18. Europe — Asia Studies. 2016. № 68(10). P. 1658.
- ³ Перегудов А.В. Русские жандармы в Первой мировой войне: от подвига к дискриминации (на примере Воронежской губернии) // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 1.
- ⁴ Кулешов С.А. Военные формирования охранительной системы Российской империи в XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 241 с.
- ⁵ Жандармы России / Сост. В.С. Измолик. СПб.: Нева, 2002. С. 249, 250.
- ⁶ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 928. Л. 41.
- ⁷ Трофименко В.Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX — начале XX вв. // История органов государственной безопасности на Севере России. Архангельск, 2014. С. 9—17.
- ⁸ Абрамов Ю.П. Контрразведывательная работа Архангельского губернского жандармского управления в годы Первой мировой войны // На страже безопасности Поморского Севера. Архангельск, 2003. С. 9—53.
- ⁹ Полный свод законов Российской империи. 2-е собрание. Т. II. 1827 г. С. 396.
- ¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 247. Л. 65.
- ¹¹ Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком, 1826—1866 гг. М., 2017. С. 6.
- ¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1508. Л. 1.
- ¹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 1425. Л. 4, 23.
- ¹⁴ Там же. Л. 35 об., 80.
- ¹⁵ Там же. Л. 72, 85.
- ¹⁶ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649—1917. М.: ТЕРРА, 1998. С. 50.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4843а. Л. 86—88.
- ¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. Д. 1062а. Л. 4, 12.
- ¹⁹ Там же. Д. 1425. Л. 54.
- ²⁰ Там же. Л. 72, 89, 90.
- ²¹ Там же. Д. 1062а. Л. 7.
- ²² Там же. Л. 9.
- ²³ Там же. Л. 41—52.
- ²⁴ Там же. Л. 40.
- ²⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 1. Л. 1—2.
- ²⁶ Там же. Л. 23—24.
- ²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 127. Л. 1.
- ²⁸ Амосова О.С. Губернские жандармские управления во второй половине XIX — начале XX вв. // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. С. 69.
- ²⁹ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М.: РОС-СПЭН, 2000. С. 112.
- ³⁰ Адрес-календари, справочные и памятные книжки Архангельской губернии за 1860—1864, 1870, 1872, 1885, 1901, 1910, 1912 гг. Архангельск: губернская типография.
- ³¹ Имеет смысл допустить, что чины, оставшиеся на службе в самом Архангельске, могли продолжить квартироваться в Александровских казармах и после 1867 г.
- ³² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1112. Л. 1, 3, 5.
- ³³ Там же. Л. 26.
- ³⁴ Там же. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 1. Л. 10 об.
- ³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 154. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Л. 88.
- ³⁷ Там же. Л. 113 об.
- ³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 5072. Л. 85.
- ³⁹ Там же. Д. 5095. Л. 1—2, 12.
- ⁴⁰ Там же. Д. 5103, 5117.
- ⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 200. Л. 1—2; Оп. 1. Д. 5171. Л. 10—11, 15.
- ⁴² Адрес-календари и памятные книжки Архангельской губернии за 1904—1909 гг. Архангельск: губернская типография.
- ⁴³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 95. Л. 5—6.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 5384. Л. 1—2.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 337. Л. 10—13.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 664. Л. 8.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 416.
- ⁴⁸ Там же. Д. 5467. Л. 44—45.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 288. Л. 2, 14.
- ⁵⁰ Там же. Д. 255. Л. 20.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 416. Л. 8; Оп. 2. Д. 624.
- ⁵² Там же. Д. 622.
- ⁵³ Там же. Д. 636. Л. 5.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 5467. Л. 44—45.
- ⁵⁵ Ломачевский А.И. Из воспоминаний жандарма 30-х и 40-х годов // Вестник Европы. 1872. Т. 2. Кн. 3. С. 259.

A.D. Rezanov

«THAT THE GENDARME TEAMS BE BROUGHT TO ALL POSSIBLE PERFECTION...»

Features of the formation of the gendarme service in Arkhangelsk province in 1817—1917

Information about author. Andrey Rezanov — post-graduate student at the Department of Russian History, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (city of Arkhangelsk. E-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Summary. The paper explores the establishment and subsequent deployment of the gendarmerie in Arkhangelsk province during the 19th and early 20th centuries. On the basis of archival records pertaining to the Arkhangelsk provincial gendarmerie department (AGZhU) in addition to documents from civil and military governors, the conclusion can be drawn that the formation of gendarmerie supervision was fraught with numerous difficulties. This consequently led to the reinforcement of monarchical power through the state's punitive functions. Concurrently, the number of gendarme deployment points increased in line with the expanding responsibilities of police officers in maintaining order and security. Against the backdrop of the Gendarme Corps' separate organizational development, specific problems related to the lodging of gendarmes in local areas are observed. The study implies that although the imperial authorities positioned the gendarmes as representatives of law and order in the army and society, the local bureaucracy failed to properly maintain them at the regional level.

Keywords: gendarme corps; gendarme teams; Arkhangelsk province; counties; provincial gendarme staff officer; deployment; quartering; A. Benkendorf; P. Balabin; N. Mochalov.

А.В. Козлов,
И.И. Савёлов,
А.Ш. Салихов

«ПРОШУ ОФОРМИТЬ ПОЛУЧЕНИЕ МНОЙ ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, ОТДАТЬ ОБ ЭТОМ В ПРИКАЗЕ»

Награждение граждан РСФСР (СССР) иностранными наградами в 1921—1935 гг.

Сведения об авторах. Козлов Андрей Валерьевич — заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета; профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, почётный работник науки Монголии (Москва. E-mail: kozlov0170@mail.ru);

Савёлов Игорь Игоревич — член правления Общества друзей Монголии, эксперт-фалерист (Москва. E-mail: shudan@mail.ru);

Салихов Александр Шарифович — член правления Общества друзей Монголии, редактор газеты «Кадетское братство», кандидат исторических наук, почётный работник науки Монголии (Москва. E-mail: dsh_89@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена истории награждения граждан РСФСР (СССР) иностранными наградами в 1921—1935 гг. В ней авторы изучают процедуру согласования награждения советских граждан иностранными наградами, анализируют документы органов военного управления по вопросу утверждения принятия и ношения орденов и знаков отличия советскими гражданами, пожалованных Монгольской Народной Республикой, Эмиратом Афганистан, Бухарской Народной Советской Республикой и другими странами, не входившими в СССР. Исследуемые материалы позволяют выявить особенности принятия и оформления иностранных наград советским гражданам в 20—30-е годы XX века.

Ключевые слова: иностранные награды советским гражданам; Монгольская Народная Республика (МНР); награды МНР; награды Эмирата Афганистан; порядок принятия и оформления иностранных наград советским гражданам.

История награждения россиян иностранными орденами и иными знаками отличия имеет давнее и интересное прошлое. Награда — признание государством заслуг, стимул для военнослужащего. Личности награждённых, их подвиги вписаны в ратную летопись Отечества.

Навсегда в военную историю вошла фамилия Алексея Лазарева, первого русского солдата, ставшего кавалером ордена Почётного легиона в 1807 году. Широко известна история учреждения Кульмского креста — награды, пожалованной прусским королём

Фридрихом-Вильгельмом III солдатам и офицерам русских гвардейских полков, героически сражавшимся под городом Кульм в 1813 году. К награждению им были представлены 12 066 человек, но крест получил лишь 7131 выживший.

Хорошо известны и награждения периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Союзники по антигитлеровской коалиции выражали восхищение мужеством и стойкостью солдат и офицеров и вручали им свои высокие награды. 17 марта 1942 года британский король Георг VI принял

решение наградить крестом «За выдающиеся лётные заслуги» группу лётчиков-североморцев, среди которых был будущий дважды Герой Советского Союза Б.Ф. Сафонов. 22 июня 1943 года посол США Уильям Стэдли передал наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову 59 наград для солдат Красной армии...

Подобные жесты были взаимны. За годы Великой Отечественной войны орденами и медалями СССР были награждены 2592 иностранных гражданина¹.

В 20—30-х годах XX века ряд советских граждан были удостоены иностранных наград. Известные случаи связаны с участием их кавалеров в боях с Азиатской конной дивизией барона Р.Ф. Унгерна и белыми монголами в мае—августе 1921 года; с подготовкой местных вооружённых сил нашими военными советниками при Монгольской народной революционной армии (МНРА); с успешным перегоном боевых аэропланов в Афганистан в 1924 году; участием советских лётчиков в боевых действиях в Афганистане против мятежников осенью 1924 года.

Принципиальное отличие статуса иностранных наград от орденов РСФСР (СССР) и республик, впоследствии вошедших в состав Советского Союза, заключалось в том, что их можно было носить лишь в Монгольской Народной Республике или в Афганистане. Подобные ограничения существовали вплоть до середины 30-х годов XX века.

В Российском государственном военном архиве (РГВА), в фонде «Управление кадров Красной Армии», хранится выписка из приказа Революционного военного совета (РВС) СССР (по личному составу армии) № 18/2 от 14 января 1926 года за подписью заместителя народного комиссара по во-

Орден
Боевого Красного Знамени
МНР

Процедура принятия наград не всегда имела чёткую регламентацию. Например, статус того же Кульмского креста был окончательно определён указом императора Николая I лишь в 1827 году. В советский период кавалеры иностранных наград также сталкивались с пробелами в регламентации их принятия. В СССР становление института награждения

знаками отличия других государств длилось вплоть до середины 30-х годов XX века.

енным и морским делам, председателя РВС СССР М.М. Лашевича. Документ утверждал принятие и ношение орденов и знаков отличия, пожалованных Монгольской Народной Республикой «командиру 90 стрелкового полка Бойко Антону Кононовичу и др.»².

А.К. Бойко — слушатель курсов «Выстрел», в 1923 году входил в состав первой официальной группы советских военных инструкторов в Монголии под руководством Д.И. Косича. В 1924 году он был награждён руководством МНР орденом Драгоценного Жезла (Эрдэнийн Очир Одон) 2-го класса³.

В выписке из приказа не названы фамилии иных награждённых орденом Драгоценного Жезла, но с уверенностью можно утверждать, что речь идёт о начальнике школы младших командиров В.И. Дмитренко, инструкторе артиллерийского дивизиона А.И. Якимовиче, инструкторе по пулемётам Н.М. Гловацком, также награждённых 3 октября 1924 года за то, что «хорошо руководили военными делами, оказали очень большую помощь и заслуживают поощрения»⁴.

Аналогичная ситуация была и с афганскими наградами. В том же приказе от 14 января 1926 года сказано: «...утвержда-

П.Х. Межерауп

А.И. Залевский

К.А. Нейман

ется принятие и ношение Почётных орденов, пожалованных от Афганистанского Правительства (так в документе. — **Прим. авт.**): военным лётчикам ЗАЛЕВСКОМУ и другим»⁵.

А.И. Залевский — лётчик авиационной группы П.Х. Межераупа, командира авиаперелёта группы самолётов из Термеза в Кабул. Перелёт состоялся в октябре 1924 года. Эти же экипажи принимали участие в боевых действиях против восставших 6 октября 1924 года в районе Зурмаха, а затем, через 8 дней, в районе Хоста и Чадрана.

Вместе с А.И. Залевским орденом «Звезды» 3-го класса были награждены лётчики П.Х. Межерауп, Ю.И. Арватов, М.М. Гаранин, В.В. Гоппе, Я.Я. Якобсон, лётчик-наблюдатель А.И. Свеченников, механики И.И. Сынявский, М.П. Старооскольцев, С.А. Лисицкий и В.А. Военский⁶.

Отдельной строкой в приказе от 14 января 1926 года оговаривалось, что кавалеры могут носить знаки отличия «только на территории Монгольской Народной Республики и Афганского Государства»⁷.

Аналогичное требование содержится и в других документах. Например, приказом № 320 от 4 апреля 1932 года разрешалось ношение ордена Красного Знамени МНР: «НЕЙМАНУ Константину Авиртовичу — бывшему командиру экспедиционного корпуса (с правом ношения ордена лишь на территории Монгольской Народной Республики) (копия протокола № 19 от

18.07.1921 г. заседания Президиума Малого Хурала)»⁸.

К.А. Нейман в 1921 году в должности командира экспедиционного корпуса 5-й армии Народно-революционной армии Дальневосточной Республики (ДВР) провёл операцию по ликвидации в Монголии отрядов барона Р.Ф. Унгерна. За разгром белогвардейских войск и полное освобождение территории Монголии комдив К.А. Нейман удостоился ордена Драгоценного Жезла 1-го класса⁹.

Отметим: на момент издания приказа РВС СССР № 320 от 4 апреля 1932 года на смену ордену Драгоценного Жезла пришёл орден Боевого Красного Знамени МНР (название, внешний вид и статут ордена Боевого Красного Знамени МНР к моменту издания приказа несколько раз менялись: 1926 г. — орден «За воинскую доблесть»; 1931 г. — орден Красного Знамени за Воинскую Дobleсть. — **Прим. авт.**)¹⁰. В начале 1930 года всем советским кавалерам знаки ордена Драгоценного Жезла были заменены на ордена Боевого Красного Знамени МНР.

Примеров, когда награждения объявлялись спустя десятилетия, достаточно много. Они касались как наград МНР, так и орденов республик, впоследствии вошедших в Советский Союз.

В приказе РВС СССР № 320 от 4 апреля 1932 года также объявляется награждение орденом Красной Звезды 2-й степени Бу-

харской Народной Советской Республики Георгию Михайловичу Омелюстому, бывшему начальнику штаба Бухарской армии (грамота на орден от 31 августа 1922 г.). На момент издания приказа Георгий Михайлович занимал должность начальника сектора Командного управления ГУ РККА¹¹.

Процедура награждения и передачи наград МНР гражданам СССР включала обращение властей Монголии в Народный комиссариат иностранных дел СССР (НКВД). Сегодня эти документы хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации.

В обращении Монгольской миссии в Москве от 4 ноября 1931 года говорится: «Монгольская Миссия честь имеет просить не отказать в любезности передать ордена “КРАСНОГО ЗНАМЕНИ” и Охранные грамоты награждённым коими Правительством Монгольской Народной Республики в связи с празднованием 10-летия Монгольской Революции, нижеследующим шести гражданам Союза Советских Социалистических Республик: ЧИЧЕРИНУ, ЛИТВИНЦЕВУ, СТАРКОВУ, МАКСТЭНЭК, ДЕМКО, ВАКУНАЕВУ»¹².

К ходатайству секретаря Полномочного представительства МНР в СССР Болжерона прилагаются переводы с монгольского языка протоколов заседаний Президиума Малого Хурала¹³.

Так, в протоколе 18 июля 1931 года заседания Президиума Малого Хурала сказано: «Начавшееся в 11-м году Революционное движение трудящихся МНР разрушило феодализм. Народная революция была начата при горячей поддержке СССР, являющегося очагом Революции, при искреннем руководстве 3-го Коммунистического Интернационала.

В этой великой и достойной борьбе, невиданной когда-либо угнетёнными массами Монголии, оказали особо выдающую помощь некоторые граждане СССР.

[...]

Гражданин СССР ЛИТВИНЦЕВ в 11-м году, в период организации Народного Правительства, состоял помощником Начальника Штаба, проявлял заслуги в военных операциях того времени и в дальнейшем до самого занятия Улан-Батора состоял Начальником Штаба, а потому, как особо заслуженного товарища, наградить его орденом “КРАСНОГО ЗНАМЕНИ”»¹⁴.

Для военнослужащих РККА и лиц, состоявших в запасе, далее следовала процедура издания приказа РВС СССР о разрешении на ношение знака отличия.

Издание приказов об объявлении награждения иностранными наградами — случаи достаточно редкие. За 12 лет, с 1921 по 1933 год, их было издано всего пять: «На 10 декабря 1933 года приказами РВС СССР по л/с армии проведены награждения орденами Монгольской Народной Республики т.т. БОЙКО А.К., ДМИТРИЕНКО В.И. (пр. РВС СССР по л/с армии 1926 г. № 18/2), КОСЕНЮК А.Ф. (пр. РВС СССР по л/с армии 1932 г. № 0722), КОСИЧ Д.И. (пр. РВС СССР по л/с армии 1926 г. № 156/12), НЕЙМАН К.А. (пр. РВС СССР по л/с армии 1932 г. № 320), ЯКИМОВИЧ А.И. (пр. РВС СССР по л/с армии 1929 г. № 749)»¹⁵.

Во всех документах указывалось, что награждённые орденами МНР имеют право носить их только на территории Монгольской Народной Республики.

Инициатива издания приказа о награждении могла исходить от самого кавалера. Происходило это в случае, когда процедура затягивалась. Так, начальник штаба

32-й стрелковой Саратовской дивизии Н.М. Гловацкий 22 декабря 1934 года писал начальнику награжденного отдела Командного управления ГУ РККА: «Постановлением правительства Монгольской Народной Республики от 19.10.24 г. я был награждён орденом Эрдени — Ин — Одо второй степени (так в документе. — Прим. авт.).

С введением у себя монгольского ордена Красного Знамени 12.08.30 г. Монгольское правительство за-

Орден «Звезды» 3-го класса, Эмират Афганистан, 1920-е гг.

А.И. Якимович

Н.М. Гловацкий

В.С. Кияковский

менило мне орден Эрдени — Ин — Одо на орден Красного Знамени 2-й степени, выслан таковой через отдел Внешних сношений РВС СССР и вручённый мне наградным отделом Командного управления ГУ РККА в августе 1931 г.

Знак ордена Эрдени — Ин — Одо мной был сдан в августе 1931 года в 4-ое Управление. Грамота же и знак ордена Красного Знамени находятся у меня на руках. Прошу оформить получение мной ордена Красного Знамени Монгольской Народной Республики, отдать об этом в приказе»¹⁶.

Н.М. Гловацкий входил в первую официальную группу советских военных инструкторов в Монголии. В октябре 1924 года он был награждён орденом Драгоценного Жезла 2-го класса¹⁷.

В письме сказано, что в августе 1931 года орден Н.М. Гловацкому заменили, но приказ о разрешении на ношение так и не отдали.

Подобное положение дел не устраивало кавалеров иностранных наград. Поэтому краскомы за разъяснением начали обращаться в ЦИК СССР. В РГВА хранится письмо слушателя Военно-медицинской академии РККА Л.И. Лагунова на имя секретаря ЦИК СССР А.В. Енукидзе. Его для ознакомления начальнику ГУ РККА Б.М. Фельдману переслали из секретариата Президиума ЦИК Союза ССР.

В сопроводительной записке, подписанной заведующим секретариатом Президиума

ЦИК Союза ССР С.П. Териховым, указывается: «Препровождая при этом полученное на имя т. Енукидзе письмо гр. Лагунова Л.И. по вопросу о правах, которые могут быть ему предоставлены в связи с награждением его орденом “Красного Знамени” в Монгольской Народной Республике, Секретариат Президиума ЦИК Союза ССР, не имея данных для разрешения просьбы т. ЛАГУНОВА, просит, по поручению А.С. Енукидзе, дать Ваше заключение по существу настоящего дела»¹⁸.

Приведём текст письма Л.И. Лагунова от 24 ноября 1934 года, озаглавленного «Товарищеское письмо секретарю ЦИКа СССР т. Енукидзе»:

«Я, слушатель Военно-Медицинской Академии РККА, в бытность свою лекарским помощником в частях РККА в 1929 году был направлен для работы в Монгольскую Нац. Нар. Кр. Армию распоряжением РВС СССР, где пробыл до октября 1932 г. Работая там, мне пришлось с одной из частей той армии участвовать в борьбе с бандитизмом (1932 год), где я проявил себя с лучшей стороны, не только как лекпом, но и как командир, и не раз помогал исходу боя с бандитами в пользу отряда, и за одно из таких дел, где я резко выпятился своей работой, показав, что дело монгольской революции это и моё дело, — Р.В.С. Монгольской республики наградила меня орденом Красного Знамени.

Мне кажется, что, нося орден Красного Знамени, полученный за боевые отличия,

я должен пользоваться какими-то привилегиями как и все Краснознамёвцы Советского Союза, т.к. орден мне дан за мою отличную работу в пользу пролетарской революции, если и не Советского Союза, то во всяком случае одного из соседей нашего Союза и по поручению РВС СССР, где дело революции для нас так же дорого, как и у себя в союзе.

Между тем начиная с 1.1.33 я ничего и ниоткуда не получал. Обращался в 4-е управление и наградной отдел Штаба РККА, прося разъяснений и указаний, — получил ответ, что каких-либо положений об ордене Монгольск. Нар. Республики нет в штате, — советовали обратиться в полпредство Монг. Нар. Республики — был там у секретаря (в 1933 в январе) — также получил ответ, что якобы идут разговоры в ЦИК СССР об их ордене и что если им переведут из республики вознаграждение, то они известят. Прошло уже почти два года, а дело всё также и ниоткуда и ничего.

Считая это дело не ясным для себя, полагаю, что я должен наряду со всеми краснознамёнцами пользоваться привилегиями, но откуда и как я не знаю, а посему я и обратился к Вам, т. Енукидзе, за советом, с одной стороны, и указанием — с другой».

В конце письма постскриптом: «А также не знаю, могу я его носить или не могу, до сих пор ношу»¹⁹.

Вопрос о правах кавалеров иностранных знаков отличия сдвинулся с мёртвой точки только в 1933 году. На наш взгляд, среди причин, побудивших командование приступить к рассмотрению вопроса, — достаточно большое число кавалеров иностранных наград, в первую очередь монгольских, и высокий статус награждённых в военной и дипломатической иерархии СССР, вероятность награждения иностранными знаками отличия советских граждан в будущем.

«Для Вашего сведения и соответствующего учёта в наградном секторе вв/Вам (вверенного/Вам. — **Прим. авт.**) Управления препо-

вождаю список лиц, награждённых, по данным наградного сектора, “орденом Красного Знамени МНР”», — сообщал в докладной записке начальнику Командного управления ГУ РККА С.М. Савицкому начальник 4-го отдела В.В. Смагин²⁰.

Всего в документе названы 68 кавалеров ордена Боевого Красного Знамени МНР и 6 — Трудового Красного Знамени МНР.

В списке мы видим фамилии наркомвоенмора и председателя РВС СССР К.Е. Ворошилова; бывшего главного инструктора и начальника штаба МНРА Я.В. Шеко; народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина; его заместителя Л.М. Карахана; полномочного представителя СССР в МНР А.Я. Охтина-Юрова; бурятского и монгольского общественно-политического деятеля, одного из отцов-основателей современной государственности монголов и национально-автономной государственности бурят Элбек-Доржи Ринчинова (Ринчино); бывшего руководителя первой группы советских военных советников в МНР Д.И. Косича; бывшего командира экспедиционного корпуса 5-й армии НРА ДВР К.А. Неймана; бывшего военного советника в МНР Н.М. Гловацкого; старшего лекарского помощника Военной инженерной академии Л.И. Лагунова; чекистов — В.С. Кияковского и Е.Н. Исакова и др.²¹

Среди награждённых большинство военнослужащие РККА (кавалеров ордена Боевого Красного Знамени МНР — 47, Трудового Красного Знамени МНР — 2); работников Народного комиссариата иностранных дел СССР — 9 (8/1); ОГПУ — 7. Есть в списке представители Народного комиссариата внешней торговли СССР, Союзкино и др.

Указаны и посмертные награждения. Так, орденов Боевого Красного Знамени МНР были удостоены главный инструктор (советник) Государственной охраны МНР В.С. Кияковский²² и инструктор Е.Н. Исаков²³.

Чекисты погибли в мае 1932 года при подавлении

Орден Красной Звезды 2-й степени Бухарской Народной Советской Республики

восстания лам. Прощание с В.С. Кияковским и Е.Н. Исаковым проходило в июне 1932 года в Клубе имени Ф.Э. Дзержинского в Москве. Прах их покоится в колумбарии Донского монастыря.

И ещё один пример посмертного награждения. Ценными подарками руководство Монголии посмертно наградило участников революционных событий в Монголии большевиков Я.В. Гембаржевского²⁴, М.И. Кучеренко²⁵, убитых унгерновцами в 1921 году²⁶.

В письме от 4 ноября 1931 года монгольские товарищи просят «передать семьям павших ГЕМБАРЖЕВСКОГО и КУЧЕРЕНКО в героической борьбе за освобождение трудовых аратских масс Монголии от векового гнёта империализма, что преподнесённые ценные подарки будут представлены им немедленно после получения их из МОНГОЛИИ»²⁷.

1 октября 1933 года начальник 4-го управления Штаба РККА Я.К. Берзин докладывал начальнику Главного управления РККА Б.М. Фельдману: «В приказах РВС СССР правила о ношении военнослужащими орденов (иностраных. — **Прим. авт.**) не регламентированы, посему остаётся открытым вопрос о ношении ордена

“Красного Знамени” дружественной нам Монгольской Народной Республики.

[...]

В силу изложенного, со своей стороны считал бы целесообразным по этому вопросу иметь соответствующую регламентацию, т.к. неясность этого вопроса вызывает ряд запросов с мест о возможности ношения ордена “Красного Знамени” МНР»²⁸.

К сопроводительной записке прилагались справка-доклад с предложениями по урегулированию порядка оформления награждений военнослужащих РККА орденами МНР (и других государств, не входивших в СССР) и проект представления в Президиум ЦИК Союза ССР за подписью народного комиссара по военным и морским делам и председателя Революционного военного совета СССР.

В проекте документа предлагалось установить следующий порядок оформления награждений:

«1. О награждении военнослужащих РККА орденами МНР (и других государств, не входящих в СССР) объявлять в приказах РВС СССР по л/с армии.

2. Разрешить ношение этих орденов на территории СССР, но только в случаях, предусмотренных ст. 9 “Статута ордена “Красное Знамя””.

3. Ордена МНР (и других государств, не входящих в СССР) носить на левой стороне груди.

Примечание: В случае наличия у награждённого орденом МНР (и других государств, не входящих в СССР) одного или нескольких орденов СССР, или РСФСР, или Союзных орденов, ордена МНР носятся ниже указанных орденов»²⁹.

Особо в проекте представления в Президиум ЦИК Союза ССР подчёркивается, что принятие данного документа важно в связи с «возможностью награждений военнослужащих орденами МНР (и других государств, не входящих в СССР) в будущем»³⁰.

Бюрократическая машина работала медленно. Проект представления датирован декабрём 1933 года, вопрос же решился лишь в 1935 году, когда было принято специальное постановление, разрешившее ношение иностранных орденов на территории СССР. После его вступления в силу из приказов исчезла строка «с правом ношения ордена лишь на территории Монгольской Народной Республики».

Памятник В.С. Кияковскому в Монголии

Первый обнаруженный нами подобный приказ народного комиссара обороны Союза ССР датирован 15 августа 1935 года (№ 2101). В нём говорится: «Объявляю

о награждении Начальника Управления Воздушных Сил РККА г. Алксниса Я.И. правительством Монгольской Народной Республики орденом “Красное Знамя” МНР»³¹.

Так завершился многолетний процесс урегулирования порядка принятия и оформления иностранных наград советским гражданам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шуняков Д.В., Запарий В.В. Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 17(3). С. 64—71.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837. Оп. 3. Д. 72. Л. 23.

³ Козлов А.В., Савёлов И.И., Салихов А.Ш. «Приносили... армии огромную пользу, которая должна всегда подчёркиваться в истории как... заслуга»: награждение советских военнослужащих монгольским орденом Драгоценного Жезла в 1921—1924 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 4. С. 110.

⁴ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946 гг.): сборник документов. Ч. 2. М., 2008. С. 410.

⁵ РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 72. Л. 23.

⁶ 100 лет Российско-Афганскому договору о Дружбе. URL: <https://alteorden.com/threads/100-let-rossijsko-afganskomu-dogovoru-odruzhbe.22657>.

⁷ РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 72. Л. 23.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ Козлов А.В., Савёлов И.И., Салихов А.Ш. Указ. соч. С. 108.

¹⁰ Они же. Монгольский орден генерала армии Н.Ф. Ватутина // Военно-исторический журнал. 2022. № 10. С. 92—97.

¹¹ РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 72. Л. 2.

¹² Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 111. Оп. 19. Пап. 19. Д. 26. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 12, 13.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 3. Л. 104, 104 об.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 107. Л. 1.

¹⁷ Российско-монгольское военное сотрудничество. Ч. 2. С. 410.

¹⁸ РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 107. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4—5.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 7—9.

²² Виктор Станиславович Кияковский (Стацкевич) (1889—1932) — сотрудник советских органов госбезопасности, представитель ОГПУ в Монголии, главный инструктор (советник) Государственной вну-

тренней охраны МНР. Награждён знаком «Почётный работник ВЧК-ОГПУ(V)».

²³ Евгений Николаевич Исаков (1897—1932) — сотрудник советских органов госбезопасности, инструктор Государственной внутренней охраны МНР.

²⁴ Я.В. Гембаржевский (?—1921) — русский революционер, большевик, руководил профсоюзной организацией в Хурэ, член Информационного бюро советских граждан в Урге.

²⁵ Михаил Иванович Кучеренко (?—1921) — русский революционер, большевик, механик в русско-монгольской типографии, член Информационного бюро советских граждан в Монголии.

²⁶ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946): сборник документов в 2 ч. Ч. II. М.: Граница, 2019. С. 279, 291.

²⁷ АВПРФ. Ф. 111. Оп. 19. Пап. 19. Д. 26. Л. 6.

²⁸ РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 107. Л. 15.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 104, 104 об.

³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 107. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 163. Л. 31.

A.V. Kozlov, I.I. Savyolov, A.Sh. Salikhov

«I REQUEST THE FORMALIZATION OF MY RECEIPT OF THE ORDER OF THE RED BANNER OF THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC, AND THAT IT BE PROCESSED ACCORDINGLY»

Granting foreign awards to citizens of the RSFSR (USSR) between the years of 1921 and 1935

Information about authors. Andrey Kozlov — head of the Department of Communication Management and Advertising, Public Relations at the Institute of Journalism, Communication and Media Education of the Moscow Pedagogical State University; professor of the Department of Mass Communications and Media Business at the Financial University under the Government of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), professor, Honorary Worker of Science of Mongolia (Moscow. E-mail: kozlov0170@mail.ru);

Igor Savyolov — member of the board of the Society of Friends of Mongolia, expert falerist (Moscow. E-mail: shudan@mail.ru); Alexander Salikhov — member of the board of the Society of Friends of Mongolia, editor at the newspaper Kadetskoye Bratstvo, Cand. Sc. (Hist.), Honorary Worker of Science of Mongolia (Moscow. E-mail: dsh_89@mail.ru).

Summary. The paper explores the history of granting foreign awards to citizens of the RSFSR (USSR) during the years 1921—1935. The authors examine the coordination process for awarding foreign awards to Soviet citizens. They analyze military authority documents related to approving the acceptance and wear of orders and insignia awarded by countries such as the Mongolian People's Republic, the Emirate of Afghanistan, the Bukhara People's Soviet Republic, and other non-USSR nations. The researched materials reveal the unique characteristics of how foreign awards were accepted and registered by Soviet citizens during the 1920s and 1930s.

Keywords: foreign awards to Soviet citizens; Mongolian People's Republic (MPR); awards of MPR; awards of Emirate of Afghanistan; order of acceptance and registration of foreign awards to Soviet citizens.

Ю.А. Никулин,
В.В. Мамонтов,
К.Б. Муксинов

«...БЛАГОДАРЯ ЕГО СТАРАНИЯМ АКАДЕМИЯ БЫСТРО ОСНАЩАЛАСЬ НОВЫМИ ЛАБОРАТОРИЯМИ, ТЕХНИКОЙ, ОБОРУДОВАНИЕМ»

Штрихи к карьере первого начальника Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии генерала А.Р. Шарапова

Сведения об авторах. Никулин Юрий Анатольевич — профессор кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: vka@mail.ru);

Мамонтов Виктор Викторович — старший преподаватель кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, подполковник, кандидат военных наук (197198, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13);

Муксинов Константин Борисович — старший преподаватель кафедры управления войсками и службы штабов Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, подполковник, кандидат военных наук (Санкт-Петербург. E-mail: tooxinoff77@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена военной и военно-дипломатической службе первого начальника Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии генерала А.Р. Шарапова, истории формирования его лётного мастерства, командных и организаторских качеств. Новизна статьи обусловлена тем, что впервые проведено комплексное рассмотрение деятельности генерала А.Р. Шарапова. В статье на основе впервые публикуемых сведений из документов Центрального архива Министерства обороны РФ и Российского государственного военного архива, а именно личного дела, блокнота и записок генерала А.Р. Шарапова, раскрываются особенности обучения и подготовки его как высококлассного лётчика и грамотного командира, в экстремальных условиях сформировавшего Военно-воздушную академию, принимавшего участие в испытаниях новых типов самолётов, в боевых действиях и выполнявшего специальные задания за пределами нашей Родины.

Ключевые слова: РККА; Военно-воздушные силы; Ленинградский институт инженеров ГВФ; Ленинградская военно-воздушная академия Красной армии; генерал-майор А.Р. Шарапов; подготовка лётчиков; испытание самолётов; лётная школа; оборона Петрограда; Гражданская война в Испании; высадка в Нормандии; военная миссия в Великобритании; адмирал Н.М. Харламов; А.Н. Пономарёв; военно-штабной комитет ООН.

В начале 40-х годов прошлого века в условиях надвигавшейся угрозы гитлеровской агрессии руководство страны, осознавая возрастающее влияние авиации на результативность боевых действий армии и флота, прилагало усилия для увеличения численности авиапарка. Это в свою очередь требовало повысить количество пилотов и технического персонала. Понимание существовавших в авиации проблем основывалось на

изучении опыта применения авиационных формирований в боевых действиях на территории Испании (1936—1939 гг.) и в вооружённом конфликте в районе р. Халхин-Гол (1939 г.). Ход и итоги Советско-финляндской войны (1939—1940 гг.) вынуждали военно-политическое руководство принимать неотложные меры по устранению выявленных недостатков, влиявших на эффективность применения авиации.

25 февраля 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление № 368-167 «О реорганизации авиационных сил Красной Армии», в котором в ряду других мер определялось создание Ленинградской Военно-воздушной академии Красной армии (ЛВВА КА). Во исполнение этого постановления в приказе наркома обороны СССР № 0017 от 3 марта 1941 года для подготовки инженеров по эксплуатации, спецоборудованию и аэродромному строительству к 1 апреля 1941 года требовалось сформировать на базе Ленинградского института инженеров ГВФ Ленинградскую Военно-воздушную академию Красной армии на 2000 человек переменного состава. Решение этой непростой задачи было возложено на заместителя начальника Военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной армии генерал-майора авиации Андрея Родионовича Шарапова.

В результате проведённого анализа ранее опубликованных работ установлено, что довольно краткие воспоминания о совместной службе с А.Р. Шараповым встречаются только в мемуарах нескольких сослуживцев, которые были опубликованы довольно давно. В них отдельные этапы деятельности Андрея Родионовича раскрыты не полностью, а в некоторых имеются только незначительные упоминания. Доктор технических наук генерал-полковник-инженер А.Н. Пономарёв в книге «Покорители неба» (М.: Военное издательство, 1980) упоминает, что обучался вместе с А.Р. Шараповым во 2-й авиационной школе в г. Борисоглебске, и немного рассказывает о совместной службе, когда он был заме-

А.Р. Шарапов

стителем начальника академии по научной и учебной работе. Лётчик-испытатель генерал-полковник авиации М.М. Громов в своих воспоминаниях «На земле и в небе» (М.: Гласность-АС, 2005) рассказывает о совместных испытаниях серийного самолёта И-1 на научно-опытном аэродроме. Адмирал Н.М. Харламов в мемуарах «Трудная миссия» (М.: Воениздат, 1983) описывает совместную работу в составе советской военной миссии в Великобритании, в которой А.Р. Шарапов был его заместителем. Историк разведки, доктор исторических наук, российский писатель В.И. Лота в книге «Тайные операции Второй мировой. Книга о военной разведке. 1944» (М.: Молодая гвардия, 2006) рассказывает об участии А.Р. Шарапова в разработке и планировании операций союзников против Германии. Изучение архивных источников и отсутствие публикаций, всесторонне раскрывающих деятельность Андрея Родионовича, повлияло на решение авторов о необхо-

димости написания данной статьи, в которой будут рассмотрены жизненный путь и нетривиальная карьера советского военачальника.

Андрей Родионович Шарапов родился 28(15) августа 1896 года в дер. Сабурщино Рыбинской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии¹ (ныне Алгасовский район Тамбовской обл.) в семье крестьянина-плотника. Семья имела две десятины земли и пару овец².

В 1908 году в соответствии со своим сословным происхождением Андрей окончил земское одноклассное училище и в возрасте 12 лет начал трудовую деятельность. Работал, как писал позднее, в хозяйстве родителей, «по найму в частных кулацких хозяйствах», молотобойцем в кузнечной мастерской в селе Алгасово, арматурщиком на водокачке, слесарем по ремонту сельскохозяйственных машин в Ставрополе³.

В августе 1915 года А.Р. Шарапов по достижении призывного возраста был призван на военную службу и направлен в город Смоленск в 205-й пехотный Шемахинский полк. В ходе начальной военной подготовки показал достаточно неплохое знание устройства сложных механизмов. Поэтому в октябре командование приняло решение перевести его для специального обучения в Гатчинскую военную авиационную школу⁴. Это учебное заведение вело свою историю с 25 октября 1910 года, когда на аэродроме Офицерской воздухоплавательной школы (ОВШ) в Гатчине началось обучение офицеров-воздухоплавателей полётам на аэропланах. На базе ОВШ в 1914 году и была создана Гатчинская военная авиационная школа. Наиболее известными её выпускниками

стали лётчики П.Н. Нестеров, М.Т. Слепнёв, М.С. Бабушкин.

Осенью 1912 года в этом учебном заведении был открыт так называемый солдатский класс, в который отбирали небольшое количество наиболее перспективных нижних чинов — солдат и унтер-офицеров⁵. Именно в таком классе Шарапов и начал освоение авиационной техники. После выпуска из авиашколы он был направлен в 1-ю авиационную роту Петрограда, далее мотористом в 10-й ар-

мейский авиационный отряд, в составе которого в период с февраля 1916 по октябрь 1917 года находился на Западном фронте. Отряд входил в состав 10-й армии Западного фронта, принимал участие в боевых действиях⁶.

В октябре 1917 года для прохождения дальнейшей службы А.Р. Шарапов был переведён старшим мотористом в Кронштадтский крепостной авиаотряд, располагавшийся в районе Царского Села⁷. Здесь, как писал он позднее, «при-

нимал участие в Октябрьской революции», в составе авиационного отряда подготавливая самолёты к полётам.

В результате разведывательных действий отряда Военно-революционный комитет своевременно получал информацию о прибывавших в пригороды Петрограда войсках А.Ф. Керенского, их количественном и качественном составе, а также о местах их дислокации. Самолёты использовали для разбрасывания агитационных листовок над позициями противника и установления связи со штабом Северного фронта, расположенным в Пскове⁸.

30 октября 1917 года в оборонительных боях за Царскосельский аэродром у села Александровка, в районе Пулковских высот, Андрей Родионович принимал участие в отражении атаки казаков генерала П.Н. Краснова. В своей автобиографии Шарапов пишет: «С этого времени, т.е. с первого дня октябрьского переворота я оказался красногвардейцем...»⁹.

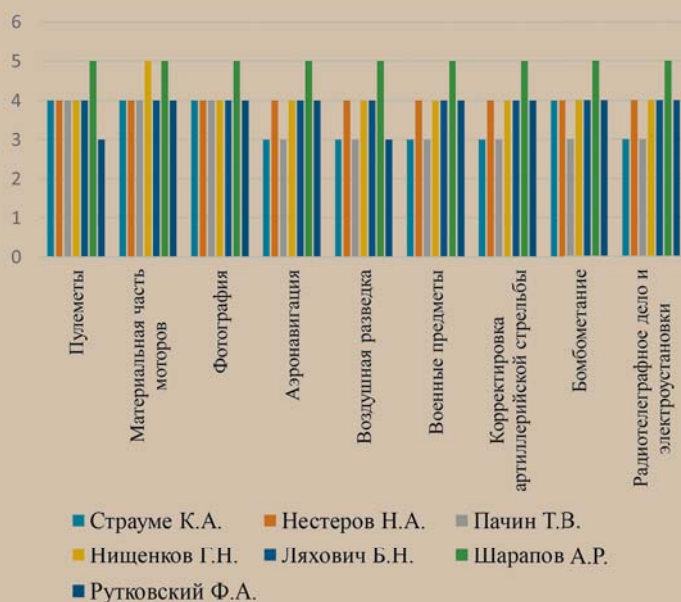
В феврале 1918 года А.Р. Шарапов добровольно вступил в Рабоче-крестьянскую Красную армию¹⁰. С марта по октябрь 1918 года служил в должности старшего моториста 4-й Петроградской авиационной группы. В архиве сохранился аттестат, в котором указано: «...выдано мотористу 7 отряда 4-й Петроградской авиационной группы Андрею Шарапову в том, что он во время пребывания... службу по своей специальности нёс вполне аккуратно и добросовестно...»¹¹.

В октябре 1918 года для повышения в первую очередь теоретических знаний Шарапов был командирован в Петроград, в Военную школу лётчиков-наблюдателей¹², которая 15 января 1919 года приказом Революционного

«...Выдано мотористу 7 отряда 4-й Петроградской Авиационной группы Андрею Шарапову в том, что он во время пребывания... службу по своей специальности нёс вполне аккуратно и добросовестно...»

Диаграмма

Успеваемость выпускников Военной школы лётчиков-наблюдателей (март 1919 г.)

Составлена по: РГВА. Ф. 29. Оп. 11. Д. 54. Л. 114.

военного совета Республики № 96 была переименована в Военную школу лётчиков-наблюдателей Рабоче-крестьянского Красного Военного Воздушного Флота (РК КВВФ).

Потребность в хорошо подготовленных лётчиках-наблюдателях была обусловлена опытом применения разведывательной авиации в годы Первой мировой войны. Краткий курс обучения в школе позволял дать слушателям теоретические сведения по радиотелеграфированию, фотографированию и бомбометанию.

А.Р. Шарапов вспоминал: «Школа располагалась во дворце Кочубея на Фурштатской улице... Материаловедение... изучали в лаборатории Института путей сообщения. Занятия проводил лично профессор... Рынин, известный среди российской технической интеллигенции как передовой деятель воздухоплавания. Лично я вспоминаю профессора Рынина с глубоким чувством благодарности. Он старался вложить в наши молодые, жаждущие знания головы всё, что можно вложить в короткое время, отведённое на этот раздел программы. Метеорологию в школе преподавал Молчанов. Занятия проходили в холоде и голоде, но успешно»¹³.

Символично, что военное учебное заведение, которое Шарапов с отличием окончил в феврале 1919 года (см. диаграмму), станет предшественником Военно-теоретической и Военно-технической школ, в помещениях которых в 1945 году разместилась после эвакуации Ленинградская военновоздушная академия Красной армии (ЛВВА КА).

В 1919 году молодой авиатор вступил в ряды Российской Коммунистической партии (большевиков) и принимал

активное участие в Гражданской войне. С марта 1919 по март 1920 года проходил службу в должностях лётчика-наблюдателя (см. табл.) и начальника технической части 34-го разведывательного авиационного отряда 9-й армии.

В августе 1919 года участвовал в ликвидации банд «зелёных» в Тамбовской области. В ноябре 1919 года в ходе боёв против деникинских войск на Южном фронте при взлёте произошла поломка самолёта, в результате А.Р. Шарапов повредил левое бедро и получил растяжение связок¹⁴. За отличие в службе от имени ВЦИК награждён серебряным портсигаром¹⁵.

Желание А.Р. Шарапова летать, наличие необходимых теоретических знаний и боевого опыта привели к тому, что в апреле 1920 года командованием 9-й армии он был командирован на учёбу в школу авиации Рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота в г. Егорьевск (Московская обл.), предшественником которой была Гатчинская военная авиационная школа,

эвакуированная в феврале 1918 года в Самару¹⁶.

Непосредственно в Егорьевске осуществлялась теоретическая подготовка слушателей, а лётную подготовку они получали либо в Зарайске, либо в Качинской, Борисоглебской или Московской школах. После прохождения ускоренного теоретического курса обучения в августе 1920 года Андрей Родионович был направлен в Ташкентскую школу лётчиков для дальнейшей подготовки.

Время учёбы Шарапова в этой школе совпадает с ростом басмаческого движения в Северном Туркестане. Бандиты оказывали вооружённое сопротивление советской власти и терроризировали местное население. Сложившаяся ситуация вынудила военное руководство прибегнуть к помощи авиационной школы. Осенью 1920 года А.Р. Шарапов принимал участие в боевых действиях по ликвидации басмачества в районе Бухары¹⁷.

С октября 1921 по октябрь 1922 года красный военлёт продолжил повышение квалификации в Лётной школе авиации № 1 сначала в За-

Таблица

Фрагмент списка наблюдателей 1-го выпуска Военной школы лётчиков-наблюдателей, отправленных на фронт в качестве летнабов (март 1919 г.)

№ по степени успешности окончания школы	Фамилия и имя	Куда назначен и в чьё распоряжение
1	Андрей Шарапов	Козлов, Начюг
2	Павел Клюенков	Саратов, Округофлот
3	Владимир Шашков	1-я Орловская авиагруппа
4	Константин Васильев	Московский Округофлот
5	Николай Кошелев	1-й авиаотряд

Составлена по: РГВА. Ф. 29. Оп. 11. Д. 54. Л. 115 об.

Самолёт Р-1,
в испытаниях которого принимал участие А.Р. Шарапов

Генерал-майор авиации А.Р. Шарапов с первыми
дипломированными выпускниками ЛВВА КА
1943 г.

1-я военно-научная конференция в ЛВВА КА (генерал-майор
авиации А.Р. Шарапов в первом ряду)
1941 г.

райске, потом в посёлке Кача близ Севастополя, позднее переименованной в Первую военную авиационную школу лётчиков¹⁸.

Это выдающееся авиационное учебное заведение, основанное в октябре 1910 года, готовило высококвалифицированные лётные кадры. Среди его воспитанников — 117 Георгиевских кавалеров, из них восемь полных Георгиевских кавалеров авиации Русской императорской армии; 369 Героев Советского Союза и Российской Федерации; 13 боевых лётчиков были удостоены этого звания дважды, а маршал авиации А.Н. Покрышкин — трижды¹⁹.

В сложный и беспокойный период начала 1920-х годов Андрею Шарапову пришлось участвовать в ликвидации банд в районе железнодорожной станции Мекензиевы горы в окрестностях Севастополя.

В 1922 году он переболел малярией. Окончив обучение в Первой военной авиационной школе лётчиков, в октябре был направлен в Высшую школу красных военных лётчиков РКК ВВФ в Москву, где обучался по июль 1923 года. Это учебное заведение было основано в 1911 году. Его выпускники принимали активное участие в Первой мировой и Гражданской войнах.

По окончании школы А.Р. Шарапов был удостоен звания «красный военный лётчик» и оставлен в школе, где занимал с июля 1923 по июль 1925 года должности инструктора высшего пилотажа и воздушного боя истребительного отделения, начальника объединённого лётного отряда школы²⁰.

Там же, в школе, Андрею Шарапову было поручено испытание самолёта Р-2 на выполнение фигурного полёта «переход в штопор и выход

из него»²¹. В августе 1925 года Андрей Родионович был переведён в Серпухов на должность начальника лётной части Школы стрельбы и бомбометания ВВС РККА, где он прослужил до июля 1926 года. Главными задачами обучения были: углубление теоретических знаний, совершенствование техники пилотирования и обучение боевому применению. В этой школе учился будущий известный лётчик-испытатель, Герой Советского Союза комбриг В.П. Чкалов.

В июне 1926 года А.Р. Шаратов был переведён в Научно-исследовательский институт ВВС РККА (Москва), где до августа 1932 года занимал должности старшего лётного инструктора испытательного отделения, начальника тактического отделения, командира 2-й эскадрильи авиабригады НИИ ВВС РККА. В НИИ ВВС Шаратов занимался исследовательской работой и испытанием новых образцов самолётов отечественного и иностранного производства.

Как следует из воспоминаний сослуживца А.Р. Шаратова Героя Советского Союза генерал-полковника авиации М.М. Громова, они первыми приняли участие в практическом решении одной из интереснейших задач — полётах по приборам в облаках. Полёты осуществляли на Р-1²², который до 1930 года являлся самым массовым самолётом, выпускавшимся в СССР, использовался для разведки и корректировки артиллерийского огня.

В марте 1927 года при проверке безопасности выполнения одной из фигур высшего пилотажа на истребителе И-1 с мотором в 400 л.с., но уже в серийном варианте, после набора высоты Шаратов перевёл самолёт в правый штопор. Для того чтобы перевести машину

в горизонтальный полёт, он, как требуется по инструкции, левой ногой выжал и удерживал педаль в положении от себя и двинул ручку управления от себя. Однако вращение прекратиться не удалось. Кроме того, самолёт начал задираться и шёл к земле, не прекращая вращения в горизонтальной плоскости.

А.Р. Шаратов перевёл машину снова в крутой штопор, чтобы повторить попытку. Однако и на этот раз вывести машину в горизонтальный полёт не удалось. Самолёт опять вошёл в плоский штопор.

В то время такой вид вращения летательного аппарата был не изучен, технику выхода из него ещё предстояло найти и обучить этому лётный состав.

Шаратов в этой ситуации принял единственно правильное решение: удерживал самолёт в плоском штопоре до встречи с землёй, максимально стараясь смягчить эту вы-

остался жив²³. Проведённый им анализ поведения самолёта и действий пилота, рекомендации по преодолению этого опасного явления позволили в дальнейшем найти способ выхода из плоского штопора.

Будучи универсальным лётчиком, А.Р. Шаратов проводил испытания не только первого советского истребителя и первого советского бомбардировщика, но и других типов самолётов. Как командир и воспитатель он сумел подготовить целую группу первоклассных пилотов, внёсших большой вклад в укрепление отечественных ВВС. В период с 1931 по 1932 год в эскадрилье под его командованием служил легендарный лётчик В.П. Чкалов, с которым А.Р. Шаратов совершил полёт на самолёте-«авиаматке» ТБ-1²⁴ с двумя истребителями И-4 на крыльях.

Одновременно со службой в НИИ в апреле 1929 года он окончил Курсы усовершен-

Шаратов в этой ситуации принял единственно правильное решение: удерживал самолёт в плоском штопоре до встречи с землёй, максимально стараясь смягчить эту вынужденную посадку. Самолёт ударился о ровную плоскую поверхность и разломился пополам

нужденную посадку. Самолёт ударился о ровную плоскую поверхность и разломился пополам. К счастью, взрыва или пожара не произошло, от гибели лётчика спасли привязные ремни. Андрей Родионович получил тяжёлые травмы, перелом руки и ноги, но

ствования начальствующего состава ВВС РККА при Военно-воздушной академии РККА имени профессора Н.Е. Жуковского, а в мае 1932 года — вечернее отделение Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. После окончания академии как опытный лёт-

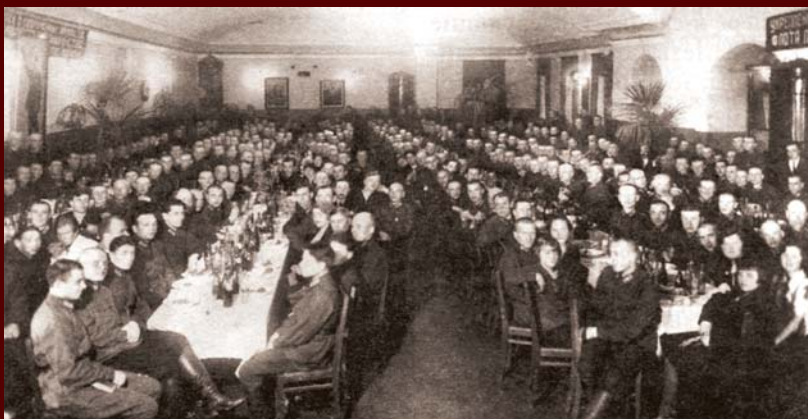
Здание военно-теоретической школы ВВС РККА, бывшее Павловское пехотное училище 1927 г.

Территория Военно-технической школы с образцами авиатехники

Курсанты Военно-теоретической школы на праздновании Нового года

чик и командир в августе 1932 года Шарапов был направлен на стажировку во 2-й авиационный полк Императорской армии Японии на военно-воздушную базу в г. Какамигахара в префектуре Гифу²⁵.

В феврале 1934 года А.Р. Шарапов был назначен командиром и военным комиссаром 451-й смешанной авиабригады ВВС РККА Киевского военного округа. В конце ноября 1935 года Андрей Родионович был зачислен слушателем оперативного факультета Военно-воздушной академии РККА имени профессора Н.Е. Жуковского. В июле 1936 года ему было присвоено воинское звание полковника. В феврале 1937 года после окончания оперативного факультета он был откомандирован для прохождения обучения в Высшую лётно-тактическую школу ВВС РККА (г. Липецк).

После окончания обучения с октября 1937 по март 1939 года А.Р. Шарапов находился в специальной командировке в Испании, где под именем полковника Лопеса участвовал в национально-революционной войне в качестве авиационного советника республиканского командования. За выполнение особого задания советского правительства за границей Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 3 марта 1938 года он был награждён орденом Красного Знамени.

1930-е годы ознаменовались крупнейшей в области авиационной техники научно-технической революцией. В конструкциях самолётов реализовывались новые методы повышения их боевых возможностей²⁶. Позднее, обобщая этот опыт, Андрей Родионович напишет ряд научных работ: «Об использовании боевого опыта авиации в Испании и развитии авиации», «Некоторые выводы по вооружению

и основам применения родов авиации по опыту войны в Испании», «Боевые действия авиации в Испании», «Сопровождение бомбардировщиков истребителями»²⁷.

Его опыт использования авиации в боях в ходе гражданской войны в Испании был востребован. В июне 1939 года после возвращения из специальной командировки он был назначен командующим ВВС Забайкальского военного округа (ЗабВО). За образцовое выполнение боевых заданий правительства в районе реки Халхин-Гол и проявленные в боях с японскими захватчиками доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 17 ноября 1939 года комдив А.Р. Шарапов был награждён орденом Красной Звезды.

По инициативе народного комиссара обороны К.Е. Ворошилова Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии 7 мая 1940 года была введена новая система воинских званий. Андрею Родионовичу в июне 1940 года одному из первых было присвоено воинское звание генерал-майора авиации.

Всё более возрастающая угроза нападения со стороны Германии вынуждала руководство Советского Союза принимать неотложные меры по обеспечению надёжной обороноспособности страны, укреплению её ВВС. Расширение парка авиатехники, освоение новых типов боевых машин и вооружения, овладение передовыми приёмами воздушного боя требовали увеличения штатного количества квалифицированного личного состава. Для дополнительной подготовки командного состава ВВС в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР приказом народного комиссара

обороны от 29 марта 1940 года путём выделения из Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского оперативного, командного, заочного командного и штурманского факультетов была создана Военная академия командного и штурманского состава ВВС Красной армии.

5 ноября 1940 года было принято постановление Совета народных комиссаров № 2265-977 «О Военно-воздушных силах Красной Армии», утвердившее программу усиления ВВС КА, в которой предполагалось к концу 1941 года в составе ВВС закончить формирование 100 авиаполков, иметь 32 433 самолёта, в т.ч. 22 171 боевой. Общую численность ВВС Красной армии иметь 542 746 человек. Штатную численность Красной армии с 1 января 1941 года установить — 3 753 189 человек²⁸.

Успехи Германии в войне против Франции продемонстрировали возросшую роль

в короткие сроки обеспечить необходимое количество подготовленных специалистов. Требовалось изыскать новые пути разрешения возникших кадровых трудностей. В связи с этим в марте 1941 года заместителю начальника Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной армии генерал-майору А.Р. Шарапову было поручено к 1 апреля 1941 года сформировать на базе Ленинградского института инженеров ГВФ Ленинградскую военно-воздушную академию Красной армии. Новому учебному заведению предстояло осуществлять подготовку командного состава для Военно-воздушных сил²⁹.

По итогам работы комиссии, возглавляемой генерал-майором авиации А.Р. Шараповым, с одной стороны, и начальником Ленинградского института инженеров гражданского воздушного флота (ЛИИ ГВФ) Н.М. Кадушкиным — с другой, 21 марта 1941 года

Генерал-майору А.Р. Шарапову было поручено к 1 апреля 1941 года сформировать на базе Ленинградского института инженеров ГВФ Ленинградскую военно-воздушную академию Красной армии

авиации при ведении боевых действий. Руководство страны и Наркомата обороны осознавало, что времени для планомерного увеличения численности командных и технических кадров в ВВС РККА нет. Имевшиеся военные учебные заведения не могли

были подписаны акты о том, что они «произвели приём и сдачу ЛИИ ГВФ из ведения ГУ ГВФ при СНК СССР в ведение Народного комиссариата обороны Союза ССР по балансу на 1 марта 1941 года». В результате работы комиссии кандидатами в академию были

Самолёт И-1

Могила А.Р. Шарاپова на Новодевичьем кладбище

Самолёт ТБ-1, предназначенный для воздушной транспортировки истребителей И-4

зачислены 765 студентов ЛИИ ГВФ³⁰.

Приказом наркома обороны № 0787 от 27 марта 1941 года заместитель начальника Военной академии командного и штурманского состава Военно-воздушных сил Красной армии генерал-майор авиации А.Р. Шарапov был освобождён от занимаемой должности и назначен начальником Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии (ЛВВА КА)³¹.

31 марта 1941 года А.Р. Шарапov издал приказ № 1 по ЛВВА КА по строевой части. Параграф 1 этого приказа гласил: «Сего числа вступил в командование Академией. Основание: приказ НКО № 787 от 27/III-с.г.»³².

Начальник Главного управления ВВС Красной армии доложил народному комиссару обороны маршалу С.К. Тимошенко о выполнении приказа наркома обороны № 0017 от 3 марта 1941 года в следующей формулировке: «На базе ИИГВФ с 1 апреля с.г. сформирована Ленинградская Военно-воздушная академия на 2000 слушателей»³³. Так юридически было оформлено создание нового военно-учебного заведения — Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии во главе с генерал-майором авиации А.Р. Шарапovым.

Всего, как записано в отчёте о кадровой работе ЛКВВА КА, из ЛИИ ГВФ к 1 мая 1941 года в академию были зачислены 797 студентов³⁴, что составляло лишь 40 проц. от штатного состава академии, определённого постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1941 года в 2000 человек³⁵.

К началу Великой Отечественной войны Андрею Родионовичу удалось сформировать командно-начальствующий

состав академии, способный решить сложнейшие задачи набора слушателей и перестройки гражданского института в высшее военное учебное заведение. В составе академии были сформированы три факультета: инженерный, спецоборудования и аэродромостроения, краткосрочные трёхмесячные курсы для подготовки начальствующего состава из лиц с высшим образованием, окончивших гражданские вузы. В академии был создан совет с правом приёма к защите докторских и кандидатских диссертаций и присуждения на основе защиты учёной степени³⁶.

В начале июля 1941 года приказом заместителя командующего Северным фронтом по охране тыла академия была включена как самостоятельная боевая часть в состав Детскосельского района обороны тыла. Штаб района обороны располагался в г. Пушкине, в 6-м военном городке, что находится на нынешнем Кадетском бульваре. Приказом штаба этого района от 6 июля 1941 года перед академией была поставлена боевая задача: быть готовой к обороне аэродрома в направлениях колхоз Каменка — Пулково и Пулково — село Паново, имея подвижный резерв на автомашинах, а также быть готовой в полном составе вести борьбу с парашютными десантами и прорвавшимися танками противника. С сотрудниками и слушателями академии были проведены занятия по борьбе с авиадесантами, диверсантами и танками врага³⁷.

В тяжёлой обстановке начального периода Великой Отечественной войны и героической обороны города Ленинграда была проделана громадная работа по переводу вуза на ускоренные курсы подготовки военных

кадров. Уже летом 1941 года под огнём врага началась эвакуация на восток страны миллионов граждан, сотен заводов и производств. Для эвакуированных родным домом стали Поволжье и Урал, Сибирь и Дальний Восток, республики Средней Азии и Закавказья³⁸. Для ЛВВА КА таким домом стала столица Марийской АССР г. Йошкар-Ола, куда академия была эвакуирована и где продолжила подготовку командных кадров для авиации под руководством А.Р. Шарапова.

Несмотря на все сложности, связанные с организацией жизнедеятельности академии, с тем, что А.Р. Шарапова часто отзывали на испытания и приёмку новейшей техники, благодаря его упорству, настойчивости и стараниям академия выполняла поставленные перед ней задачи. Бывший заместителем начальника академии генерал-майор А.Н. Пономарёв вспоминал о

позицию союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Увеличился объём военной помощи СССР и наметился переход к более масштабным боевым действиям, что впоследствии привело к открытию второго фронта. Для успешной реализации планов операций необходимо было более тесное взаимодействие военного руководства стран-союзниц. При этом настоятельно требовалось учитывать опыт боевых действий советской авиации против люфтваффе.

В августе 1943 года А.Р. Шарапова вызвали в Москву. После бесед в Главном разведуправлении и в ЦК ВКП(б) он был назначен заместителем главы военной миссии в Великобритании контр-адмирала Н.М. Харламова по авиации. Официальная версия его прибытия — руководство группой, занимавшейся вопросами координации действий Англии и СССР в вопросах

После бесед в Главном разведуправлении и в ЦК ВКП(б) Шарапов был назначен заместителем главы военной миссии в Великобритании контр-адмирала Н.М. Харламова по авиации

нём так: «...Был он настойчивым, упорным, благодаря его стараниям академия быстро оснащалась новыми лабораториями, техникой, оборудованием. Сработались мы с ним отлично»³⁹.

Оглушительный успех Красной армии в Сталинградской битве и не менее важная победа в сражениях на Курской дуге значительно повлияли на

поставок авиационной техники. Реальная задача была другой⁴⁰.

Для скорейшего завершения войны требовалось открытие второго фронта против Германии в Европе. На континенте был необходим плацдарм для переброски и сосредоточения крупных сил для проведения масштабных наступательных операций. А это в свою оче-

редь требовало высадки морских и воздушных десантов. Главным пунктом военных решений Тегеранской конференции, проведённой в конце 1943 года, стала договорённость о том, что высадка англо-американских войск на севере Франции, в Нормандии, будет предпринята в течение мая 1944 года вместе с операцией против Южной Франции⁴¹. В связи с привлечением крупных сил авиации к проведению предстоявших боевых действий генерал-майор авиации А.Р. Шарапов, обладавший необходимыми знаниями и опытом, принял непосредственное участие как авиационный наблюдатель и представитель СССР в подготовке и проведении стратегической операции по высадке союзных войск в Нормандии. Накануне этого события СССР стремился избежать острых разногласий с Великобританией и США по ряду вопросов, ставя на первый план общность главной задачи — скорейшего разгрома Германии. Советская сторона активно содействовала реализации плана «Бодигард» по дезинформации немцев о месте и времени высадки союзников.

Для оценки готовности к предстоявшей операции Шарапов посещал центры боевой подготовки войск, штабы, американские и английские воинские части, предназначенные для высадки на континент. В результате именно его контактов с главой штаба разведки Королевских ВВС Великобритании вице-маршалом Фрэнсисом Ф. Инглисом были скорректированы британские и советские оценки общей производительности германских авиастроительных заводов, а также определены заводы, подлежащие бомбардировке и уничтожению.

За свою деятельность в годы Второй мировой войны генерал-майор авиации А.Р. Шарапов был удостоен нижеперечисленных наград: за успешное выполнение заданий Верховного Главнокомандования Указом Президиума ВС от 1 сентября 1945 года награждён орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени; за заслуги перед Родиной 3 ноября 1944 года награждён орденом Красного Знамени; 21 февраля 1945 года награждён орденом Ленина и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В феврале 1946 года А.Р. Шарапов, обладавший огромным опытом по взаимодействию с командованиями Англии и США, после перевода военно-штабного комитета Организации Объединённых Наций в США убыл за океан в служебную командировку. Более трёх лет он был представителем ВВС СССР в военно-штабном комитете ООН в Нью-Йорке. Этот комитет являлся вспомогательным органом Совета Безопасности ООН, предназначенным для планирования военных операций ООН. Нестандартная деятельность, направленная на обеспечение безопасности на всех континентах, в условиях обострения отношений между вчерашними союзниками требовала от Андрея Родионовича не только знаний и опыта как военачальника, но и тонкостей дипломатической работы.

В марте 1946 года А.Р. Шаропову было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта авиации, а 6 ноября 1947 года за заслуги перед Родиной он был награждён вторым орденом Красного Знамени.

По возвращении из Нью-Йорка с ноября 1949 года Андрей Родионович исполнял обязанности помощника на-

чальника Военно-воздушной академии по научной работе (посёлок Монино). В феврале 1950 года принимал участие в создании специального факультета, осуществлявшего подготовку военнослужащих иностранных государств⁴². 21 марта 1951 года он был уволен в отставку, жил в Москве, активно занимался общественной деятельностью.

Андрей Родионович Шарапов скончался 25 января 1973 года в возрасте 76 лет и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Осмысливая жизненный путь генерала А.Р. Шаропова, приходим к тому выводу, что высокая работоспособность, желание и умение насыщать себя знаниями, богатый войсковой и боевой опыт сделали из него военного профессионала высокого уровня. Вся его разносторонняя многолетняя деятельность, связанная с испытанием и совершенствованием авиационной техники, руководством крупными войсковыми формированиями и военными академиями, его работа в военно-дипломатическом корпусе в годы Второй мировой и «холодной» войн были направлены на укрепление обороны и обеспечение безопасности Родины. Именно на таких примерах беззаветной службы своему Отечеству следует воспитывать будущих офицеров и подрастающие поколения нашей страны.

В академии именно при А.Р. Шаропове были заложены те основы, которые в настоящее время позволяют Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского осуществлять подготовку высококлассных специалистов как для Вооружённых сил Российской Федерации, так и для армий иностранных государств.

- ¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 41323. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
- ² Там же. Д. 13. Л. 1 об.
- ³ Там же. Ф. 41321. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Офицерская школа авиации (Гатчина) // Офицеры русской императорской армии [сайт]. URL: <http://www.ria1914/info/index.php>.
- ⁶ РГВА. Ф. 41321. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
- ⁷ Там же. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
- ⁸ *Иноземцев И.Г.* Под крылом — Ленинград. М.: Воениздат, 1978. С. 3, 4.
- ⁹ РГВА. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 6. Л. 12 об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 41321. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ¹² Высшие офицеры Великой Страны. Т. 20: Ш—Я. М.: Синтерия, 2020. С. 20.
- ¹³ РГВА. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 13. Л. 7, 9.
- ¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 3 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 41321. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
- ¹⁶ История Военно-воздушных сил Советской армии: от начала зарождения воздухоплавания и авиации в России до Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.: учебное пособие для военно-учебных заведений ВВС. М.: Военное изд-во МО СССР, 1954. С. 45.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 41321. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ¹⁸ *Смыслов О.С.* Асы против асов. М.: Вече, 2012. С. 7, 8.
- ¹⁹ *Олтаржевский Г.* Высота вокруг: как первая русская школа Авиаторов стала элитной // Известия. 2018. 24 ноября.
- ²⁰ РГВА. Ф. 41321. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 6, 8.
- ²¹ Там же. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ²² *Громов М.М.* На земле и в небе. М.: Гласность-АС, 2005. С. 49.
- ²³ Там же.
- ²⁴ РГВА. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—6.
- ²⁵ Там же. Д. 6. Л. 33.
- ²⁶ *Дорошкевич О.В. и др.* Оружие и военная техника, изменившие ход Великой Отечественной войны. М.: АСТ, 2015. С. 148.
- ²⁷ РГВА. Ф. 41323. Оп. 1. Д. 10. Л. 9—16.
- ²⁸ О Военно-воздушных силах Красной армии: постановление СНК № 2265-977сс 5 ноября 1940 г. Архив Президента РФ. Ф. 93. Коллекция документов. Машинописный текст на бланке «Постановление Совета Народных Комиссаров СССР»: заверенная копия // Авиация Второй мировой [сайт]. URL: <https://airpages.ru/dc/doc511.shtml>.
- ²⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 156. Д. 2. Л. 12—13 об.
- ³⁰ Акты о передаче Ленинградского института инженеров гражданского воздушного флота в систему НКВ; Ленинградская Военно-воздушная академия Красной Армии. 1941. № 1. Л. 134.
- ³¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 60721. Оп. 36340. Д. 22. Л. 21 об.
- ³² Там же. Д. 26. Л. 1.
- ³³ Там же. Д. 48. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Д. 79. Л. 33.
- ³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 156. Д. 2. Л. 12—13 об.
- ³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 60721. Оп. 36339. Д. 17. Л. 3 [предисловие].
- ³⁷ *Ежов А.П.* Академия в годы войны. Для внутриведомственного пользования. Секретные материалы. Л.: Военный инженерный Краснознаменный институт имени А.Ф. Можайского, 1976. С. 22, 23.
- ³⁸ *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России [официальный сайт]. 2020. 19 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/prezident/news/63527>.
- ³⁹ *Пономарёв А.Н.* Покорители неба. М.: Воениздат, 1980. С. 82, 83.
- ⁴⁰ *Харламов Н.М.* Трудная миссия / Литературная запись В.И. Титова при участии В.В. Веселовского. М.: Воениздат, 1983. С. 33, 34.
- ⁴¹ В штабах Победы. 1941—1945: документы в 5 кн. Кн. 3. 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...». М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 19.
- ⁴² *Иванчура В.И.* Славный путь длиною в век. Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2016. С. 45.

Yu.A. Nikulin, V.V. Mamontov, K.B. Muksinov

«THANKS TO HIS DILIGENT EFFORTS, THE ACADEMY SWIFTLY ACQUIRED UPDATED LABORATORIES, TECHNIQUES, AND EQUIPMENT»

New details about the career of General A.R. Sharapov, the inaugural head of the Leningrad Air Force Academy of the Red Army

Information about authors. Yury Nikulin — professor at the Department of History and Philosophy, A.F. Mozhaisky Military Space Academy, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: vka@mil.ru);

Viktor Mamontov — senior lecturer at the Department of Operational Art and Tactics, A.F. Mozhaisky Military Space Academy, Lt. colonel, Cand. Sc. (Mil.) (13 Zhdanovskaya St., Saint Petersburg, 197198);

Konstantin Muksinov — senior lecturer at the Department of Troop Management and Staff Service, A.F. Mozhaisky Military Space Academy, Lt. Colonel, Cand. Sc. (Mil.) (St. Petersburg. E-mail: mooxino77@mail.ru).

Summary. The paper focuses on General A. Sharapov's military and military-diplomatic service as the inaugural head of the Leningrad Air Force Academy of the Red Army. It also explores the development of his flying skills, command, and organizational qualities. This paper is unique in providing a comprehensive review of General A. Sharapov's activities for the first time. On the basis of the first published information from the documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the State Military Archive of the Russian Federation, namely, the personal file, notebook and notes of General A. Sharapov, the paper reveals the peculiarities of his education and training as a high-class pilot and competent commander, who under extreme conditions formed the Air Force Academy, participated in tests of new types of aircraft, combat operations and carried out special missions outside our homeland.

Keywords: Red Army; Air Force; Leningrad Institute of Civil Air Fleet Engineers; Leningrad Air Force Academy of the Red Army; Major-General A. Sharapov; pilot training; aircraft testing; flight school; defense of Petrograd; Spanish Civil War; Normandy landings; military mission in Great Britain; Admiral N. Kharlamov; A. Ponomarev; UN Military Staff Committee.

НЕМЕРКНУЩИЙ ПОДВИГ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

К 80-летию полного освобождения Ленинграда от блокады

День воинской славы России — День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год) — отмечается ежегодно 27 января в соответствии с Федеральным законом от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России».

В 1941 году Гитлер развернул военные действия на подступах к Ленинграду, чтобы полностью уничтожить город. 8 сентября 1941 года кольцо вокруг важного стратегического и политического центра Советского Союза сомкнулось. В блокированном городе оказались более 2,5 млн жителей, в том числе 400 тыс. детей. Почти 900 дней сообщение с Ленинградом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Противник вёл непрерывные бомбардировки и артиллерийские обстрелы города, предпринимал многочисленные попытки захватить его.

Запасов продовольствия и топлива было очень мало. Начавшийся голод, усугублённый бомбёжками, проблемами с ото-

плением и параличом транспортной системы, привёл к сотням тысяч смертей жителей города. Но ленинградцы продолжали трудиться: работали административные и детские учреждения, типографии, поликлиники, театры, научные предприятия. Подростки работали на заводах, заменив отцов, ушедших на фронт.

18 января 1943 года в ходе наступательной операции советских войск «Искра», проводившейся с 12 по 30 января силами Ленинградского и Волховского фронтов при содействии части сил Балтийского флота, Ладожской военной флотилии и авиации дальнего действия, блокада была прорвана и у города появился коридор сухопутной связи со страной.

В результате побед советских Вооружённых сил в Сталинградской и Курской битвах, битве за Кавказ, под Смоленском, на Левобережной Украине, в Донбассе и на Днепре в конце 1943 — начале 1944 года сложились благоприятные условия для проведения крупной наступательной опера-

ции под Ленинградом и Новгородом.

К началу 1944 года враг создал глубокоэшелонированную оборону с железобетонными и деревоземляными сооружениями, прикрытыми минными полями и проволочными заграждениями. Советское командование организовало наступление силами войск 2-й ударной, 42-й и 67-й армий Ленинградского (генерал армии Л.А. Говоров), 59-й, 8-й и 54-й армий Волховского (генерал армии К.А. Мерецков), 1-й ударной и 22-й армий 2-го Прибалтийского (генерал армии М.М. Попов) фронтов и Краснознамённого Балтийского флота (адмирал В.Ф. Трибуц). Привлекались также дальняя авиация, партизанские отряды и бригады.

Цель операции состояла в том, чтобы разгромить немецкие фланговые группировки 18-й армии, а затем действиями на кингисеппском и лужском направлениях завершить разгром её главных сил и выйти на рубеж реки Луга. В дальнейшем,

Линии фронта на 21 сентября 1941 года

действуя на нарвском, псковском и идрицком направлениях, нанести поражение 16-й немецкой армии, завершить освобождение Ленинградской области и создать условия для освобождения Прибалтики.

14 января советские войска перешли в наступление с Приморского плацдарма на Ропшу, а 15 января от Ленинграда на Красное Село. После упорных боёв 20 января советские войска соединились в районе Ропши и ликвидировали окружённую Петергофско-Стрельнинскую группировку врага. Одновременно 14 января советские войска перешли в наступление в районе Новгорода, а 16 января — на любанском направлении, 20 января освободили Новгород.

27 января 1944 года советские войска полностью сняли длившуюся 872 дня фашистскую блокаду города. В ознаменование окончательного снятия блокады в Ленинграде был дан праздничный салют.

Более 350 тыс. солдат и офицеров Ленинградского фронта были представлены к орденам и медалям. 226 защитников города стали Героями Советского Союза. Медалью «За оборону Ленинграда» были награждены порядка 1,5 млн человек. За стойкость, мужество и невиданный героизм в дни блокады город был награждён орденом Ленина и получил почётное звание «Город-герой».

Памяти жертв блокады и погибших участников обороны Ленинграда посвящены мемориальные ансамбли Пискаревского и Серафимского кладбищ, вокруг города по бывшему блокадному кольцу фронта создан Зелёный пояс Славы.

Сама же блокада Ленинграда, унёсшая жизни 1,093 млн человек, а точнее, действия нацистов в её период решением Санкт-Петербургского городского суда от 20 октября 2022 года были признаны геноцидом советского народа и военным преступлением.

**Публикация
Н.Л. Крыловой**

Диорама «Блокада Ленинграда»

Художник Е.А. Корнеев, 1995 г.

Музей Победы

Зенитчики на страже ленинградского неба

Фото Д.М. Трахтенберга

Октябрь 1941 г.

Ликующий Ленинград. Блокада снята

1944 г.

ЯНВАРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 января 1919 года, 105 лет назад, родился П.С. Кирсанов, маршал авиации (1982). В 1987—1988 гг. заместитель Главкомандующего ВВС, начальник службы безопасности полётов МО СССР. Умер 7 ноября 1991 года.

2 января 1724 года, 300 лет назад, вышел указ Петра I о снаряжении на Камчатку экспедиции (1-я Камчатская экспедиция) для выяснения вопросов «о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию» и «сошлася ль Америка с Азиею». Её начальником был назначен выходец из Дании капитан-лейтенант Витус Беринг. Экспедиция (69 человек) отправилась 24 января 1725 года из Санкт-Петербурга. В ходе экспедиции было открыто несколько островов и положено начало изучению северной части Тихого океана (ныне Берингово море).

5 января 1944 года, 80 лет назад, началась Кировоградская наступательная операция войск 2-го Украинского фронта, продолжавшаяся до 16 января.

15 января 1894 года, 130 лет назад, родился В.И. Кузнецов, советский военный деятель, генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1945). В Красной армии с 1918 года. В Великую Отечественную войну командовал 3-й, 21-й, 63-й армиями. С 1943 года — заместитель командующего 1-м Прибалтийским фронтом, с 1945 года — командующий 3-й ударной армией. В послевоенные годы — председатель ЦС ДОСААФ, ЦК ДОСААФ (1948—1952 гг.). Умер 20 июня 1964 года.

17 января 1769 года, 255 лет назад, родился П.Х. Витгенштейн, военачальник, генерал-фельдмаршал (1826), граф. В Отечественную войну 1812 года — командир отдельного корпуса на петербургском направлении. Действуя в отрыве от основной русской армии, сумел одержать ряд побед над наполеоновскими войсками. В апреле—мае 1813 года — главнокомандующий русско-прусской армией в Германии. После ряда сражений с превосходящими силами Наполеона и последовавшего отступления понижен в должности. В дальнейшем Пётр Витгенштейн командовал корпусом, в сражении при Бар-сюр-Обе (1814) был тяжело ранен. В 1818 году Витгенштейн был назначен главнокомандующим 2-й армией, в 1826 году произведён в генерал-фельдмаршалы. В начале Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. П.Х. Витгенштейн получил назначение на пост главнокомандующего русскими войсками на Балканах, но в феврале 1829 года вышел в отставку. Был одним из самых богатых людей в стране: за ним числились 70 тыс. крепостных крестьян, несколько имений и многомиллионное состояние. Умер 11 июня 1843 года.

17 января 1959 года, 65 лет назад, утверждён приёмный акт о передаче ВМФ в опытную эксплуатацию первой советской атомной подводной лодки К-3, проекта 627 (впоследствии «Ленинский комсомол»).

П.Х. Витгенштейн

Отечественной войны. Здесь в 1942—1943 гг. нацистами были убиты не менее 2600 человек.

21 января — День инженерных войск.

22 января — День авиации ПВО.

23 января 1989 года, 35 лет назад, началась операция «Тайфун» (завершилась 26 января) — последняя крупномасштабная операция советских войск в Афганской войне (1979—1989 гг.). Осуществлялся под командованием генерал-лейтенанта Б.В. Громова. С целью минимизировать потери предпочтение отдавалось не прямому столкновению, а массированным авиационным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам позиций боевиков Ахмад-шаха Масуда в центральных и северных провинциях страны.

24 января 1709 года, 315 лет назад, указом Петра I в Петербурге при Адмиралтействе основана модель-камера — первый в России морской музей (ныне Центральный военно-морской музей).

25 января — День Генерального штаба ВС РФ.

27 января — Международный день памяти жертв холокоста. Отмечается в соответствии с резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 1 ноября 2005 года. Связан с освобождением Красной армией 27 января 1945 года крупнейшего нацистского лагеря смерти Освенцим (Аушвиц-Биркенау), в котором погибли до 4 млн человек.

28 января 1724 года, 300 лет назад, указом Петра I основан Архив Адмиралтейств-коллегии — один из старейших архивов в России, положивший начало Российскому государственному архиву ВМФ.

30 января 1934 года, 90 лет назад, экипаж стратостата «Осоавиахим-1» в составе П.Ф. Федосеенко, А.Б. Васенко и И.Д. Усыскина достиг рекордной по тем временам высоты — 22 тыс. м. При спуске из-за разгерметизации gondoly стратонавты погибли.

Публикация А.Л. Бочаровой

Сведения об авторе. БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)